

ТАТЬЯНА СМИРНОВА

ВРЕМЯ НАДЕЖДЫ

или ИГРА В
ЖИЗНЬ

12+

Татьяна Смирнова

Время надежды, или Игра в жизнь

«Автор»

2019

Смирнова Т.

Время надежды, или Игра в жизнь / Т. Смирнова — «Автор»,
2019

2010 год. Чтобы исправить «ошибки молодости», 45-летняя редактор провинциальной газеты Надежда Орлова — мать двоих детей от первых двух неудачных браков, счастливо живущая с третьим мужем — мечтает «начать жизнь сначала». Однажды её заветное желание невероятным образом осуществляется: она просыпается в 1983 году в теле самой себя 17-летней. Ей заново, по второму разу, предстоит прожить 27 лет, зная обо всём, что случится со страной, её близкими и с ней самой, чтобы понять: играть с жизнью так же бессмысленно и опасно, как и со смертью...

© Смирнова Т., 2019

© Автор, 2019

Татьяна Смирнова

Время надежды, или Игра в жизнь

1983 год. Воронеж.

– Алло?! «Скорая»?! Срочно! Не знаю, что случилось! Девушка, 17 лет! Ей больно, она кричит! Ничего конкретно не кричит – просто кричит! Да, именно! Адрес? Первомайская, 12, квартира 36! Срочно приезжайте!

... Надежда лежала на тахте, укрытая по шею одеялом, и тяжело дышала; лицо покрылось испариной. Рядом собирала свой чемоданчик пожилая женщина в белом халате – врач «Скорой». На табуретке валялись пустые ампулы, кусочки ваты с капельками крови.

Родители девушки, Вера Ивановна и Николай Васильевич Никольские, в тревоге застыли у двери.

– Сейчас она хорошо поспит, – сказала врач, захлопывая чемоданчик. – Никаких внутренних повреждений нет. Похоже на нервный срыв. Может, перед сессией перенапряглась – такое у студентов бывает. Обязательно обратитесь к вашему участковому невропатологу... Да, и, кстати, на календарь свой обратите внимание – сегодня уже понедельник, 16 мая. А у вас всё ещё воскресенье. С толку сбивает...

– Да это Надюша – она обычно сама листочки по утрам срывает, с детства привыкла, а сегодня – сами видите – не до этого было... – зачастила Вера Ивановна.

– Вижу, что не до этого... – врач повернулась к девушке, которая, прерывисто дыша, лежала с закрытыми глазами. – Ну вот, напугала родителей, красавица. Разве так можно? А главное, на пустом месте...

– Я только что похоронила своих детей... – не открывая глаз, еле слышно прошептала Надежда. – А муж предал меня...

– Что? – не расслышав, переспросила врач. – Что ты сказала?

– Я только что похоронила своих детей... А муж меня предал...

Вера Ивановна бросилась к дочери, склонилась над ней.

– Наденька... Ты что это... Что ты такое говоришь...

– Я только что похоронила своих детей! – отчётливо произнесла Надежда, а затем закричала, вырываясь из рук отца, который пытался её удержать. – Я похоронила своих детей! Их нет! Их больше нет! Моих детей больше нет! А Макс предал меня! Мы хотели дочку! А теперь у него будет сын! Я не хочу жить! Господи, зачем это всё?! Зачем?! Я так не хотела! Так не надо! Это нечестно! Я не хотела так! Не хотела! Верните моих детей! Верните мне их! Чёрт с ним, с Максом, но верните мне моих детей!

Врач «Скорой» снова быстро раскрыла чемоданчик и скомандовала обезумевшим от ужаса родителям:

– Готовьте девочку к госпитализации...

2010 год. Воронеж.

В то последнее утро своей старой жизни, на пороге 45-летия, Надежда Орлова проснулась абсолютно счастливой. Как в детстве, на весь дом пахло мамиными оладушками, а из кухни доносилось такое знакомое покашливание отца, его привычный басок: «Бу-бу-бу...». О чём говорит – непонятно, но можно догадаться: о политике, предстоящих весенних работах в саду, планах на день и проделках уже взрослых внуков – её детей Марины и Антона.

Рядом посапывал любимый муж Максим – до глубокой ночи смотрел какой-нибудь свой биатлон или футбол, а сейчас не может, как сам же ворчит по утрам, вырваться из объятий

Морфея. «Что у вас с этим Морфеем – признавайся?!» – делала суровый вид Надежда, на что Макс загадочно улыбался и сладко, до хруста в суставах, потягивался.

25-летняя дочь Марина наверняка уже заняла ванную на втором этаже – и это надолго: звезде местного телевидения даже к завтраку положено являться при полном параде. Строили бы они дом сейчас, то обязательно предусмотрели бы по собственной «помывочной» в каждой спальне, но тогда и два санузла – по одному на этаж – казались пределом мечтаний.

Слава Богу, что сын Антон – студент 4 курса университета и будущий программист – будет спать «до победного», как любая уважающая себя жертва интернета, так что есть вероятность в ванную всё-таки попасть. В крайнем случае, всегда можно спуститься вниз, на родительскую половину, хотя там и нет ничего из того, чем обычно пользуется по утрам Надежда, – всех этих кремов, скрабов, тоников, дезодорантов и прочих женских прибабасов, без которых невозможно представить жизнь современной городской дамы элегантного возраста.

Надежда погладила мужа по колючей щеке – тот, не открывая глаз, потянулся к ней губами, руками и всем телом. Надежда тихонько засмеялась и змейкой выскользнула из-под одеяла – утро понедельника как-то не располагало к нежностям, к тому же, время уже поджимало – и так они припозднились сегодня. Опять ей придётся собираться на бегу, а Максимум потом протискиваться сквозь городские пробки, – Маринку по дороге нужно закинуть на телевидение, Антона – в университет, а её саму – на работу в «Городскую газету». Учредитель и главный редактор, коими она вот уже почти десять лет являлась, может, конечно, позволить себе слегка задержаться, но только не в понедельник, когда у них планёрка...

Надежда завернулась в свой любимый жёлтый пушистый халатик, в котором была похожа на голенастого бройлера-переростка, сунула ноги в тёплые тапки, на цыпочках вышла из спальни и осторожно прикрыла за собой дверь – пусть Максимум проспится ещё хотя бы минут пятнадцать. Она жалела мужа – руководитель частного охранного предприятия, одного из лучших в Воронеже, дома часто работал допоздна с документами, а потом у него подсакивало давление и щемило за грудиной. «А что вы хотите – всё ж таки 47 уже! Чай, не мальчик!», – отмахивался Максим, но Надежда знала, что с такими вещами не шутят, – именно в этом возрасте мужчины особенно уязвимы и, как повторяла её мама, «беззащитны перед различной сердечно-сосудистой патологией».

«Я не для того тебя ждала до 35 лет, чтобы в 45 потерять!», – вроде бы в шутку возмущалась Надежда, а сама мысленно замирала от ужаса, боясь даже на мгновение представить такую ситуацию. Жизнь без Максима представлялась ей невыносимой, бессмысленной, да и просто невозможной.

Прислушавшись к шуму воды в ванной, где уже плескалась Марина, Надежда спустилась этажом ниже – в кухню-столовую. Запах оладушек стал отчётливее, и в животе заурчало. «Пропадай моя диета!», – обречённо вздохнула Надежда. Отказаться в такое утро от свежей выпечки было бы преступлением перед мамой и человечеством, и Надежда решительно распахнула дверь в столовую.

Этот дом они с мужем придумали сами. На втором этаже располагались их спальня, рабочий кабинет Макса и комнаты детей. На первом – апартаменты родителей, большая кухня-столовая, комната для гостей и просторная «бытовка» со стиральной машиной, сушилкой, гладильной доской и даже телевизором.

В полуподвальном помещении они разместили сауну с небольшим бассейном и бильярдную; там же нашлось место и для пары тренажёров. Надежда называла эту часть дома «мужской половиной» и спускалась туда только прибраться, зато обожала «женскую», где царствовали они с мамой и – иногда – Марина. Всё там сделано, как говорил папа, «по уму». Большая кухня была буквально напичкана разнообразной бытовой техникой, а в столовой зоне посередине стоял длинный дубовый стол с массивными стульями вокруг него, где спокойно могли разме-

ститься до двадцати человек. Три «французских» окна от пола до потолка в тёплое время года распахивались, как двери, на просторную террасу, откуда можно было спуститься прямо в сад.

Сейчас сад был по-весеннему голым и неприглядным. Порывы ветра терзали корявые ветки, и казалось, что деревья тянут их, как руки, просясь в тепло и уют дома. Очень скоро сад покроется воздушной дымкой зелени, зацветут вишни, яблони и сливы, и картина за окном станет радостной и приятной глазу. А пока Надежда слегка поёжилась, бросив взгляд на улицу, – она всегда не любила межсезонье с его нескончаемыми изматывающими ветрами, перепадами температур и душевной маетой, называемой у психически нездоровых людей, а также таких тонких и ранимых натур, как она сама, «весенним обострением». К тому же папа в такие дни часто чувствовал себя «неважно», как он говорил, и Надежда страшно тревожилась за обожаемого родителя – всё-таки седьмой десяток разменял, шутка ли.

В столовой на стене чернела большая плазменная панель – общий семейный подарок на Новый год. Когда Максим вечерами работал с бумагами, а родители, пожелав всем спокойной ночи, уходили к себе, Надежда любила закрыться на кухне, налить в любимую отцовскую поллитровую кружку с отбитой ручкой душистого чаю, щёлкнуть пультом, пробежаться по каналам и найти что-то интересное только ей – например, передачу о переселении душ или перемещениях во времени. И выпасть из реальности...

Надежда отнюдь не была наивной мечтательницей, но вот уже десять лет – с того самого момента, как встретила Максима и поняла, что это – судьба, её постоянно преследовала одна жгучая сладко-тревожная мысль: вот бы вернуться в прошлое и начать жизнь «с чистого листа», зная при этом всё, что с ней потом случится, – и не повторить прошлых ошибок...

Надежда так ярко представляла себе свою новую счастливую жизнь, что у неё сбивалось дыхание и учащалось сердцебиение. О! Уж тогда-то она не наделала бы столько глупостей! Не стала бы ждать до 35 лет, чтобы встретиться с Максимом, – сама нашла бы его, молодого лейтенанта, в Новосибирске, где он окончил военное училище, и сразу же взяла бы парня «в оборот». Заодно и ему не позволила бы наломать столько дров! Максим сразу после выпуска женился практически на первой встречной – скучно, видите ли, было одному ехать к новому месту службы в отдалённый дальневосточный гарнизон...

Они узнали бы друг друга в молодости – и жили бы долго и счастливо... И тогда Маришка и Антон были бы его, Максима, детьми! Надежда просто не повстречала бы их отцов – своих будущих двух мужей Дениса Морозова и Николая Игнатова, и как-то, наверное, очень по-другому провела бы молодые годы жизни...

Надежда так часто думала и говорила об этом, что её страстное желание давно перестало быть тайной для близких, и они по-доброму посмеивались, когда их дочь, жена и мать вдруг замирала на месте, погрузившись в свои думы и уставившись куда-то в пространство отсутствующим взглядом.

«Тише, не мешайте – наша Надюшка опять перенеслась...», – делал «страшные глаза» папа, а остальные домочадцы прыскали, сдерживая смех, и старались сохранить серьёзные лица. Когда Надежда выныривала из грёз, она сначала не понимала, почему все вокруг хохочут, но потом обречённо махала рукой и смеялась сама...

Ей было так хорошо в своих мечтах, и она так любила ту – придуманную – жизнь, что омрачить виртуальную радужную картинку не могла даже лучшая школьная и институтская подруга Лена Савельева (по совместительству корректор в их «Городской газете»), которая относилась к мечтаньям Надежды с определённой долей скепсиса.

Лена была одинокой незамужней тётенькой без детей и даже без особой личной жизни, но при этом никогда и не думала о том, чтобы «начать всё сначала». «А зачем? – пожимала она красивыми кустодиевскими плечами. – Если бы это помогло вернуть Женьку... Но, в отличие от тебя, Никольская-Морозова-Игнатова-Орлова, я в сказки не верю. Второго Богомазова в

мире нет, а другой мне не нужен. Поэтому меня вполне устраивает моя жизнь – раз уж она так сложилась...».

На кухне старенькие настенные часы с кукушкой – фамильная реликвия! – показывали почти 9 часов утра. Под телевизором висел офисный календарь на 2010 год, открытый на марте. Красной рамочкой выделена цифра – 29. Старейшина семьи и сегодня не нарушил традицию – каждое утро он первым делом подходил к календарю и торжественно передвигал пластиковый квадратик. Любовь к календарям у них с дочкой было семейное!

Мама, Вера Ивановна, приятной полноты седоволосая женщина в нарядном фартуке поверх уютного байкового халата, хлопотала у плиты. Рядом стояло большое блюдо, куда Вера Ивановна ловко выкладывала из сковородки партию свежеподжаренных оладий.

Николай Васильевич, худощавый мужчина «без возраста» в тельняшке и старых «трениках», увлечённо читал за столом газету, нацепив очки на кончик длинного породистого носа. Перед ним стояла тарелка с оладьями, но Николай Васильевич уткнулся в какую-то статью, забыв и про оладьи, и про чай, который почти остыл в его огромной старой кружке с отбитой ручкой.

– Мам, пап, привет! Ой, как вкусно!

Надежда стремительно подошла к отцу, чмокнула его в макушку и схватила горячий оладушек. Откусила, обожглась, бросила обратно в тарелку, помахала ладонью перед ртом и сделала большой глоток из отцовской кружки.

Николай Васильевич отложил газету и с делано возмущённым видом пододвинул кружку к себе.

– Доброе утро, родная. Скажи спасибо, что хоть чай холодный. Опять проспали?

– Не то чтобы проспали... Но надо поторопиться – сегодня планёрка в редакции. И вообще, конец месяца и квартала – надо финансы подбивать. Дети встали?

Вера Ивановна, аккуратно наливавшая половником тесто в сковородку, обернулась:

– Ага, разбежались. Куда им спешить? Бабушка завтрак приготовит, в клювики всем положит... Спи – не хочу!

Надежда подошла к маме, обняла её и потерлась щекой о плечо.

– Мамулечка-красотулечка, ну что бы мы, непутёвые, без тебя делали?! Как хорошо же всё-таки жить вместе, под одной крышей! Не зря мы так долго мечтали об этом!

Вера Ивановна, переворачивая оладьи, заметила с хитрой улыбкой:

– Да знаю, знаю я, знаю, о чём ты мечтаешь... Начать жизнь сначала, встретить Максюшеньку в молодости, нарожать ему деток... Фантазёрка...

Николай Васильевич, не отрываясь от газеты, хмыкнул. Надежда приняла воинственную позу – руки в боки, и упрямо вскинула подбородок:

– Ну и мечтаю! Кто мне запретит? Имею на это полное право! Кстати, о Максюшеньке и детках... Где они все?! Как будто не понедельник – ни на работу и ни на учёбу никому!

Вера Ивановна бросила на дочь любящий взгляд и покачала головой, продолжая заниматься оладьями. А Надежда достала из навесного шкафчика пачку молотого кофе, щедро сыпанула порошок в чашку, залила кипятком из чайника, с шумом вдохнула аромат и зажмурилась.

– У-у-у... Обожаю этот запах...

Вера Ивановна, не глядя на дочь, дурашливо запела на частушечный манер тоненьким голоском:

– «Моя маманя во саду любит нюхать резеду... Боюсь за маманю я – вдруг токсикомания...»

Надежда удивлённо посмотрела на маму, которая с невозмутимым лицом выкладывала на блюдо оладьи, и от души рассмеялась. Николай Васильевич отложил газету и громко заап-

лодировал жене. Вера Ивановна, не оборачиваясь, попыталась сделать реверанс, но подвернула ногу и еле удержалась за край стола, потеряв равновесие. Надежда кинулась к маме, но запутавшись в тапках, чуть не упала сама. Вера Ивановна повернулась к мужу и погрозила ему кулаком. Николай Васильевич в ответ послал жене смачный воздушный поцелуй.

Надежда, посмеиваясь, наблюдала эту милую семейную картинку – и по сердцу у неё растекалось тепло...

...Жизнь её родителей лёгкой не назовёшь. Оба из глухих среднерусских деревень, выросшие без отцов, погибших на войне, они трудились с малых лет, помогая своим рано овдовевшим матерям. Едва окончив школу, ушли на вольные хлеба – попытать счастья в Воронеже. Мечтали получить высшее образование, но не вышло. Юная Верочка Устюгова работала на фабрике; Николай Никольский, отслужив армию, устроился туда же разнорабочим. Встретились на танцах – ей было 18 лет, ему – 24. Почти сразу поженились – и с тех пор никогда не расставались.

Мама, несмотря на то, что уже в 19 лет родила Надежду, смогла окончить кулинарный техникум; папа – золотые руки – выучился на механика. На своих рабочих местах трудились честно и добросовестно. Были счастливы, когда их единственная дочь Надюшка окончила педагогический институт, радовались её диплому о высшем образовании.

«Мы не смогли – а дочка смогла!», – гордился Николай Васильевич.

За свой многолетний труд Никольские получили двушку в «хрущёвке» на окраине Воронежа, чему были несказанно рады, вырвавшись из пропитой и прокуренной рабочей общаги. Огорчали их лишь дочкины скоропалительные замужества и разводы – но после них остались горячо любимые внуки, Марина и Антон, что примиряло родителей с «непостоянством» наследницы. Зато в последнем зяте – Максиме Орлове – оба души не чаяли. «Это единственный случай, когда надо говорить именно последний зять, а не крайний», – глубокомысленно замечал Николай Васильевич, и жена с ним, конечно же, соглашалась.

Пять лет назад Надежда и Максим достроили, наконец, собственный дом на десяти сотках в коттеджном посёлке близ Воронежа. Туда они забрали и родителей, для которых обустроили две большие комнаты – почти царские хоромы по меркам их старого жилища.

Вера Ивановна с удовольствием занималась хозяйством и выращивала на участке цветы, Николай Васильевич вспомнил деревенское детство и с головой ушёл в садоводство, любовно обихаживая молоденькие, высаженные собственными руками деревца. Оба были совершенно счастливы рядом с любящими и заботливыми дочерью, зятем и внуками. А Надежда отогревалась душой рядом с обожаемыми родителями и молила Бога лишь об одном – чтобы Он дал им ещё хотя бы несколько лет спокойной жизни, без болезней и потрясений...

– Всем доброе утро!

В столовой появился Максим – среднего роста, крепкий, широкоплечий мужчина с волевым лицом и весёлыми ярко-голубыми глазами. Одет он был так же, как и тесть, – в спортивных брюках и тельняшке, что выглядело комично.

Максим подошёл к Николаю Васильевичу, энергично поздоровался с ним за руку и сделал большой глоток чая из кружки с отбитой ручкой.

– Почему-то чай из чужой кружки всегда слаще! – заметил он удовлетворённо.

– Я б тебе сказал, что всегда слаще, но здесь женщины... – притворно возмутился Николай Васильевич. – Одни нахлебники вокруг! На уже, забирай последнее...

Николай Васильевич придвинул Максиму свою чашку. Тот отодвинул её обратно.

– Тогда уж «начайники», а не нахлебники! Спасибо, конечно, Василич, за твою доброту, но мне жена сейчас своего фирменного «ленивого» кофейку забабахает. Да, любимая?

Максим плюхнулся на стул рядом с тестем, взял у него с тарелки оладушек и с аппетитом откусил. Николай Васильевич, укоризненно качая головой, поставил тарелку ближе к зятю.

Надежда, торопливо глотая горячий кофе и поглядывая в сторону двери, затараторила:

– Ну и пусть «ленивый»! Некогда мне его варить! Некогда! Да и незачем. И так вкусно. Сейчас налью! Где же эти дети, в конце концов?! Одной на работу, второму на учебу – а они дрыхнут! Марина! Антон! Ау! Петушок пропел давно!

Не получив ответа, она от души сыпанула во вторую чашку молотого кофе. Мама в это время поставила перед Максимом тарелку с горячими оладьями, щедро политыми густой сметаной.

– На, зятёк любимый, горяченьких, ешь на здоровье.

Максим поймал руку Веры Ивановны и поцеловал её:

– Спасибо, тёща дорогая. Если бы не вы, давно бы уже помер с голоду. С такой деловой женой, как моя, это запросто...

Надежда поставила перед мужем чашку с кофе.

– Чтоб я так жила, как ты голодаешь!

Максим, улыбувшись, принялся с аппетитом завтракать, Николай Васильевич снова уткнулся в газету, а Вера Ивановна вернулась к плите допекать оладьи.

Надежда набрала в грудь побольше воздуха:

– Да Марина же, Антон! Что ж это такое! Мы из-за вас опоздаем! Сами будете добираться!

В столовую неторопливо вошла, будто вплыла, Марина – высокая стройная девушка уже в «боевой расцветке» и с тщательно уложенными волосами, но при этом в коротеньком халатике и смешных тапках в виде «зайчиков».

– И зачем так кричать? – томно проговорила она с порога хорошо поставленным голосом. – Я готова...

– И уже, судя по всему, в образе! – заметила Надежда. – Доброе утро, милая Шехерезада Ивановна! Ты на часы смотрела? Я из-за тебя, между прочим, в ванную попасть не могу!

– Утро добрым не бывает... Тем более, в понедельник. А ванн в этом доме как минимум две... – важно изрекла Марина и пошла по кругу, чмокая присутствующих. – Привет, мам. Привет, бабуль. Привет, дедуль. Привет, Максим...

Села рядом с дедом, сделала глоток чая из его кружки, поморщилась.

– А что такой холодный?

– Зато оладьи горячие, – ответил Николай Васильевич, не отрываясь от газеты. – А на чужой каравай рот не разевай. Налей да и пей. И вообще, ешь давай быстрее, на работу опоздаешь. Без тебя «кина» не будет...

Марина взяла оладушек из тарелки деда и с наслаждением его понюхала.

– Так мне к одиннадцати сегодня. Бабуля, ты – искусительница... У меня же ди-е-та! Я в экран не влезу, и меня с телекомпании поганой метлой погонят! Сяду вам на шею – сами же ругаться будете. А всё твои оладушки, блинчики, варенички да пирожочки...

Марина откусила кусочек и даже зажмурилась от удовольствия. Вера Ивановна отозвалась от плиты:

– Подожди, Мариночка, сейчас свеженькие будут...

Марина со страдальческим видом посмотрела на бабушку, погладила себя по впалому животу и обречённо вздохнула.

– Чаю или кофе налей, не жуй всухомятку, – строго сказала Надежда, перемывая посуду у раковины.

Марина согласно кивнула головой, но не сдвинулась с места, и Надежда, бросив недомытую плошку из-под теста, сама приготовила дочери кофе.

– Назови хотя бы одну причину, почему я это делаю? – спросила она, пытаясь оставаться серьёзной.

– Наверное, потому, что ты – моя мама, и ты меня любишь... – пожала плечами Марина, и обе рассмеялись.

– Да уж, с этим не поспоришь, – резюмировал Максим и потянул жену за руку, усаживая на стул рядом с собой. – Сядь, посиди хоть минутку! Что ты всё на бегу да на бегу?

Николай Васильевич бросил взгляд на настенные часы, которые показывали 9 часов 4 минуты.

– Кстати, о телевизоре, куда Маринка скоро не влезет, если будет с такой скоростью трескаться олады... – заметил он. – А чего это мы его не включаем-то! Хоть московские новости глянуть, пока дикторша местного телевидения «плюшками балуется»...

Николай Васильевич легонько потрепал Марину за щеку, взял пульт и включил телевизор. Там показывали страшный документальный видеоряд – вой сирен, дым, крики раненых.

– Неужели опять Израиль?.. – пробормотал Николай Васильевич.

– ...29 марта 2010 года в 7 часов 56 минут произошёл взрыв на станции метро «Лубянка» во втором вагоне поезда «Красная стрела», который следовал со станции «Юго-Западная» в сторону «Улицы Подбельского», – взволновано рассказывал диктор. – В 8.37 второй взрыв произошёл в третьем вагоне поезда, прибывшем на второй путь станции «Парк культуры» Сокольнической линии. Имеются погибшие и раненые. На месте трагедии работают спасатели. Возбуждено уголовное дело по статье «терроризм»...

Все замерли, шокированные увиденным. Улыбки сошли с лиц.

Вера Ивановна медленно опустилась на стул, всхлинула и утёрла глаза фартуком.

– Да что ж это такое делается, господи... Людей-то как жалко... Ой, как страшно жить стало, как страшно...

Николай Васильевич сжал в кулаке газету, качая головой. В его глазах застыла тревога.

Надежда непроизвольно зажала рот ладонью. Максим, не отрываясь от экрана, крепко обнял жену, словно пытался её защитить.

Марина даже подалась вперёд, внимая коллегам с центрального телевидения, а потом и вовсе встала из-за стола и подошла к телевизору ближе.

В столовой воцарилась тишина – слышен был только голос диктора, рассказывающего о терактах на фоне шокирующих кадров хроники с места событий.

В это время в столовую влетел Антон – высокий симпатичный парень с длинными волосами, собранными в «хвост» на затылке, в тельняшке и шортах по колено. На ногах – тапочки, как у Марины, только в виде «собачек», примерно 45 размера. Он явно был ещё не в курсе событий.

– Всем привет! Почему меня никто не будит? А если бы мне сегодня не ко второй паре? Вот она, ваша забота!

Заметив напряжённые лица родных, Антон озадачился. На него дружно зашикали и замахали руками. Тут Антон и сам услышал о терактах, растеряно посмотрев на родственников:

– Ничего себе, новости с утра...

Антон подошёл к столу, взял кружку деда и, не отрываясь от экрана, залпом допил его чай. При других обстоятельствах Николай Васильевич непременно разразился бы тирадой на этот счёт, но сейчас даже не обратил на внука внимания.

Диктор сообщал подробности трагедии, а на плите в сковородке дымились подгорающие олады...

За рулём «внедорожника» сидел Максим, рядом с ним Надежда. На заднем сидении расположились Марина и Антон. Говорить никому не хотелось – каждый думал о своём, и в салоне повисла гнетущая тишина.

Машина остановилась у здания «Воронежского телецентра». Максим, не оборачиваясь, вполголоса бросил через плечо:

– Первый пошёл!

Марина открыла дверь автомобиля, но выходить не спешила – словно хотела ещё хотя бы минуту побыть с родными.

– Рано не ждите – у меня вечерний эфир. Да и вообще...

Нехотя покинув машину, махнула всем рукой на прощание и – высокая, стройная, красивая – скрылась в дверях телецентра. Антон, глядя ей вслед, заметил с плохо скрываемой нежностью:

– Телезвезда наша...

Надежда вздохнула – после утренних событий всё словно приобрело особый смысл и значение. Она поняла, о чём сейчас думал Антон: как хорошо, что у него есть такая замечательная старшая сестра, – и как было бы ужасно, если бы её вдруг не стало... Она и сама теперь думала только об этом – и сердце сжималось от тревоги. Потерять в результате подобной трагедии кого-то из близких – что может быть страшнее? Надежда гнала от себя эти мысли, но они возвращались вновь и вновь, как надоедливые осенние мухи...

Машина тронулась с места и поехала привычным маршрутом: следующая остановка – университет. Стараясь хоть немного отвлечься от тягостных дум, Надежда обернулась к сыну:

– Антоша, что с курсовой?

Антон, явно не расположенный к разговору, флегматично протянул, глядя в окно:

– Да что ей будет, мам?

Максим посчитал своим долгом вмешаться:

– Ей-то ничего не будет, а тебя в армию заберут, если сессию завалишь. Как раз весенний призыв начинается.

Антон подобная тема совсем не привлекала, поэтому он раздражённо воткнул в уши наушники от плеера:

– С чего бы я её завалил? На четвертом-то курсе? Смешно, Максим, тебя даже слушать...

– Смешно будет, когда в армию загремишь. Им-то всё равно – четвертый курс или пятый... Знаешь, какой сейчас набор?

Надежда примирительно похлопала мужа по плечу.

– Мальчики, ну хватит. Никуда он не загремит, Максюш, – никто ему этого не позволит сделать. Но, Антоша, программистов сейчас как собак нерезанных, нужно быть лучшим из лучших, чтобы где-то зацепиться. Поэтому учись, как следует...

Антон картинно закатил глаза.

– Господи, мам, мне 21 год почти! По всем меркам совершеннолетний! Женюсь, может, скоро, а вы меня всё воспитываете! Родите себе ещё одного ребенка и тренируйтесь на нём! Или внуков уже ждите...

– Антон, не хами! – заметила Надежда строго.

– Не, ну сколько можно воспитывать...

Машина затормозила у здания Воронежского университета. Максим повернулся к Антону и назидательно произнёс:

– Сколько нужно – столько можно. Давай, второй пошёл!

Антон с недовольным лицом вышел из машины, хлопнул дверцей и, не оборачиваясь, помахал рукой.

– Вот нахал! – сказала Надежда с улыбкой.

Максим, вырвав на дорогу, запел противным голосом:

– «Как родная меня мать провожала, так и вся моя родня набежала... Ох, куда ты, паренёк, ох куда ты? Не ходил бы ты, Антон, во солдаты»...

– Ещё один певец на мою голову! – возмутилась Надежда. – Мало мамы было с утра! Хватит издеваться! Сдаст он сессию, никуда не денется. А в армию я его не отпущу! Не для того он на таком сложном факультете учится, чтобы потом за год всё забыть. В программировании даже на день нельзя отстать! Я ему сама ногу сломаю, если надо будет. В армию он не пойдёт – и точка!

Максим совсем не был расположен к такому разговору, поэтому ответил вполне миролюбиво:

– Не надо портить парня. Он должен отслужить, как все. Был бы мой родной сын – дал бы раз по шее, и весь разговор...

Надежда, прищуриив глаза, покачала головой, всем своим видом давая понять, что муж говорит полную ерунду. Максим, не обращая на неё внимания, продолжил:

– С Антоном ничего не случится. Сейчас уже не та армия, Надюша. И служить всего год...

– Да?! Не та армия?! Да хоть бы и не та! Только там как гибли наши мальчишки, так и гибнут! Вот у меня пример – мой одноклассник, Женька Богомазов. Я тебе рассказывала сто раз. Как они с Савельевой любили друг друга! Куда там Ромео и Джульетте! Вся школа завидовала, даже учителя! И что? Ушёл в армию и не вернулся. Погиб в те же самые 20 лет... Как Антошке нашему сейчас... И Ленка всю жизнь одна, ни семьи, ни детей...

– Тогда был Афганистан, ты не сравнивай.

– А сейчас что, мало? Вон в Москве что творится... И война не нужна... Хотя это ведь и есть война. Будем первую полосу сейчас срочно перевёрстывать...

Надежда закусила губу и отвернулась к окну. Её снова, как волной, накрыл страх за детей, родителей, мужа. И тут же мелькнула привычная мысль: «Вот если бы знать заранее... Столько бед можно было бы предотвратить... Столько людей спасти... Господи, ну всё бы отдала, чтобы вернуться назад... Всё бы отдала...».

Максим, видя состояние жены, больше не лез с разговорами. Он чувствовал Надежду, как никто другой, и всегда знал, когда её лучше оставить наедине со своими мыслями. Сейчас ему и самому было не по себе – как всегда, передалось состояние жены.

Они с самой первой встречи были словно связаны невидимой нитью – как сообщающиеся сосуды, наполненные общими эмоциями и переживаниями. Если Надя грустила, Максим – где бы в это время ни был – тоже не находил себе места. А если проблемы случались у него самого, Надежда маялась даже на расстоянии, кожей чувствуя состояние мужа. Когда они были рядом, часто думали об одном и том же. Иногда вдруг продолжали разговор, начатый до этого мысленно. Это и веселило, и удивляло, и даже немного пугало. «Нет, а что ты хотела? – говорил Максим. – Мы же дуалы...».

Они и были дуалами – одним целым; двумя половинками разорванной фотографии; людьми, которые, с годами прорастая друг в друга, могут существовать только вместе, в общей на двоих реальности...

Машина притормозила у офисного здания, увешенного многочисленными табличками с названиями учреждений и организаций. Среди них выделялась крупная вывеска с надписью: «Городская газета».

Надежда порывисто обняла Максима и с чувством, словно прощаясь на вокзале, его поцеловала. Максим погладил жену по пышным светлым волосам. Та, глядя ему в глаза, прошептала:

– Господи, вот так расстаёшься утром – и не знаешь, увидишься вечером или нет. Мама права – страшно, страшно за всех... Это даже хуже, чем война. Я люблю тебя, родной. Люблю-люблю-люблю... Ты мне звони сегодня почаще, хорошо?

– Конечно, рыбочка моя. Всё будет нормально, не переживай. Я тоже тебя очень люблю. Ну всё, третий пошёл... Вечером за тобой заеду!

Надежда вышла из машины, помахала Максиму рукой. Потом показала жестом: «Всё, езжай». Но Максим не уезжал – он с нежностью смотрел на жену: хрупкая фигурка в черном пальто, перетянутая поясом в тонкой, совсем девичьей талии; сапоги на высоком каблуке – Надежда обожала каблуки, и хотя ноги в последние годы всё чаще болели по вечерам, а стопы ночами иногда сводило судорогой, так и не могла отказаться от шпилек...

Грива густых волос – на этот раз светло-пепельного оттенка – растрепалась на ветру. Надежда, русая от природы, постоянно экспериментировала с цветом, пытаясь замаскировать раннюю (как она говорила, «генетическую» седину, доставшуюся от мамы), и порой эти эксперименты заканчивались для неё плачевно – как, собственно, и в этот раз. «Платина» на её волосах смотрелась как плохо прокрашенная седина, и Максим по этому поводу изрядно повеселился, забирая жену пару дней назад из парикмахерской: «Сколько ты заплатила за то, чтобы твоя седина выглядела абсолютно естественной?» – спросил он невинно.

Надежда решила мужественно вытерпеть хотя бы неделю, чтобы лишний раз не травмировать свои пока ещё роскошные волосы, но чувствовала себя не очень комфортно.

«За что боролась, на то напоролась», – резонно заметила на это Вера Ивановна, которую собственная седина никогда особо не смущала. А Марина, внимательно осмотрев маму вечером за ужином, вынесла вердикт: «Никогда – запомни, никогда! – не красься в этот цвет! Твои оттенки – медовые...».

– Медовая ты моя, – прошептал Максим. – Медовая-бедовая...

Надежда стремительно вернулась к машине, порывисто открыла водительскую дверь, наклонилась и снова обняла мужа за шею, шумно вдыхая его запах. Потом отстранилась и зачистила скороговоркой:

– Всё... Всё, теперь езжай... Я умру, если с тобой что-нибудь случится, слышишь? Как же жаль, что мы так поздно встретились! Вот если бы я могла начать жить сначала, я бы тебя, конечно, раньше нашла, и всё было бы по-другому! У нас с тобой так мало времени... Хорошо, что в Воронеже нет метро! Пообещай, что будешь себя беречь! Когда тебя нет...

– «Когда тебя нет – болит пустота... Так болит, как рука, что ножом отнята...». Николай Доризо.

– Знаю, – грустно улыбнулась Надежда. – Я тоже так чувствую...

– Кто бы сомневался... Ну всё, беги, солнце моё, а то я окончательно опоздаю. Савельевой привет!

– Ага... Пока. До вечера...

– До вечера! Я позвоню! Раз триста, как минимум. И это только до обеда...

Максим, поцеловав жену, уехал, а Надежда с грустью смотрела вслед машине, не замечая собственных припозднившихся сотрудников, которые пытались незаметно проскользнуть мимо.

«Что-то я какой-то сентиментальной стала в последнее время, – подумала Надежда, с трудом открывая тяжелую входную дверь. – Старею, наверное...»

Автомобиль Максим припарковал у отреставрированного особнячка старинной постройки с вывеской: «Охранное предприятие «Орлан». Два молодых сотрудника, похожих, как братья-близнецы, скучавшие на входе, увидев машину, приняли деловой и озабоченный вид:

– Шеф приехал!

– Что-то опаздывает сегодня...

– Начальство не опаздывает – пора бы уже уяснить. Тем более, день такой... Тяжелый...
– «Чёрный понедельник», реально...

Максим заглушил машину, откинулся на спинку сидения и прикрыл глаза.

«Расставанье – маленькая смерть...», – вспомнилось вдруг ему. – А жизнь состоит из бесконечных расставаний. Значит, жизнь – это...

Тяжело вздохнув, сильно потёр лицо ладонями и рванул дверцу автомобиля:

– Всё, работать!

Охранники почтительно поздоровались.

– Новости слышали, Максим Геннадьевич? – спросил первый охранник, придерживая дверь.

– Новости слышал, но все разговоры потом.

Максим вошёл в офис. Это старое разрушающееся здание ему несколько лет назад чудом удалось отстоять от сноса, взять в аренду на 49 лет, а потом отреставрировать и отремонтировать. Надежда помогла оформить интерьер – и теперь на работу Максим приходил с таким же удовольствием, с каким по вечерам возвращался домой. Правда, в офисе застать его можно было редко – такова специфика деятельности руководителя ЧОПа, и только по понедельникам в первой половине дня Максим Геннадьевич Орлов всегда находился на рабочем месте – когда корректировал своё расписание на неделю.

В приёмной на стене висел телевизор – там по-прежнему шли репортажи с места событий в московском метро. Секретарь Таисия Михайловна – строгая женщина средних лет – с пультом в руках напряжённо всматривалась в экран. Увидев Максима, вздохнула:

– Даже не могу сказать вам «доброе утро», Максим Геннадьевич... Слышали уже? Кошмар какой... У вас в Москве никого нет?

Максим задержался у телевизора – шёл экстренный выпуск новостей.

– Уже давно никого... Хотя родился я, кстати, в Москве, почти в самом центре – в Староколюшенном переулке...

– Что вы говорите?! Лубянка – это ведь тоже где-то в центре? Бедные, бедные люди... Ехали себе на работу, на учёбу, планы строили... Что же это такое! Что ж такое-то...

Расстроенная Таисия Михайловна отдала Максиму почту и снова приникла к экрану.

Максим, прежде чем скрыться в своём кабинете, тихо произнёс:

– Это, Таисия Михайловна, терроризм... Зайдите, пожалуйста, ко мне. Будет много поручений...

Таисия Михайловна взяла со стола большой блокнот и ручку и направилась было в кабинет начальника, но на полпути опять замерла перед телевизором, вытирая уголки глаз кружевным носовым платочком.

Надежда, отвечая на приветствия коллег, быстро шла коридору. В редакции царила обычная суэта: из кабинета в кабинет бегали сотрудники с бумагами в руках, у окна кто-то эмоционально говорил по мобильному телефону. Лица у всех были серьёзные и сосредоточенные.

Молодая девушка мальчишечьего вида – с короткой стрижкой, в джинсах, растянутом свитере и кроссовках – едва не сбила Надежду с ног, погружённая в распечатанный текст, который просматривала на бегу.

– Ой, здравствуйте, Надежда Николаевна! – смутилась она. – Слышали, что в Москве творится? Я – за комментариями к силовикам! К обеду буду!

– Здравствуй, Маша. Ну, давай, беги... Только не забудь, что с тебя ещё статья в «Ретроспективу». Что у нас по плану?

Маша, с трудом заталкивая в раздутую сумку диктофон, прокричала на бегу:

– Развал Советского Союза! Что и как у нас в городе было в начале девяностых! Я уже написала – текст у корректора!

Надежда подошла к кабинету с табличкой «Главный редактор Орлова Надежда Николаевна», толкнула дверь. Вошла, бросила сумку на стол и огляделась, словно видела обстановку в первый раз. Недавно в редакции «по бартеру», за рекламу, сделали ремонт и заменили мебель, и Надежда ещё не успела привыкнуть к новому стильному интерьеру своего кабинета: светлая мебель, кожаное вертящееся кресло в тон, натяжные потолки с замысловатой подсветкой, экзотические растения в горшках на полу. И, конечно, плазменная панель телевизора на стене – куда же без него.

Подойдя к книжному шкафу, достала из-за стеклянной дверцы старую чёрно-белую фотографию в рамочке. На снимке – трое: две юные девушки, в одной из которых можно было без труда узнать хозяйку кабинета, и высокий юноша, который обнимал за плечи вторую девушку – пухленькую и очень симпатичную. Фото было явно с выпускного вечера – все трое нарядные, счастливые, с цветами и воздушными шарами в руках.

– Эх, Женька... Если бы знать... – прошептала Надежда, возвращая фото на место.

Сняла пальто, повесила в шкаф. Неожиданно дверь распахнулась, и в кабинет буквально влетела крепко сбитая яркая блондинка. Это была Лена Савельева – лучшая подруга Надежды, бывшая одноклассница и однокурсница, а ныне коллега по работе. В руках Лена держала листы с текстом, густо испещрённым исправлениями. В ту же секунду листы полетели Надежде на стол.

– Вот, полюбуйся! Чему их только на журфаке учат?! Я не знаю, как это править! Легче всё заново написать!

Надежда обняла Лену.

– Во-первых, здравствуй, подруга. Я по тебе за выходные соскучилась... Во-вторых, не паникуй. Мы тоже были молодыми... Научится. Что там? Развал Советского Союза?

Но Лена продолжала возмущаться:

– Нет, я всё понимаю – девочка неопытная и всё такое! Но можно хотя бы элементарно даты не путать?!

Лена нашла в рукописи нужное место и ткнула в него пальцем:

– Вот, пишет: «После 21 декабря 1996 года мы оказались в другой стране – Советского Союза не стало...»

Надежда склонилась над текстом.

– Знаки препинания ты поправила, стилистику, вижу, тоже. Господи, да что не так-то?

– Ну, конечно, тебе знать необязательно, ты – всего лишь главный редактор, – заметила Лена язвительно. – А я, между прочим, – корректор и по совместительству литературный редактор, который у нас в штате, кстати, не предусмотрен! И такие вот «блохи» должна вылавливать! Потому что Советский Союз прекратил свое существование 26 декабря 1991 года! А Машка цифры местами переставила! А если бы я не заметила? Вот позоруха была бы!

Надежда облегченно вздохнула:

– Фу, господи, напугала. Я думала, там что-то серьёзное. Ну, ты ведь у нас гениальный корректор и ещё более гениальный литературный редактор! А это – твоя работа, милая. Но пассаран! Они не пройдут, наши враги – а-шипки и а-чипятки!

– Лена улыбнулась:

– Ага, не пройдут. Помнишь тот кошмар? «Пользуясь случаем, хочу напомнить, что именно наша служба занимается взяточниками, коррупционерами и мошенниками...». И это в интервью с начальником ОБЭП! Вместо «занимается» Костя написал «анимается», а я пропустила...

– Да уж, такое не забудешь... – вздохнула Надежда. – А ещё, помню, была «Лень защитников Отечества», «Елведушая»... Кстати, про мою Маринку был материал! И совсем уже неприличное...

Лена замахала руками.

– Ну всё, хватит, хватит! Как я ещё здесь работаю?! Но я стараюсь! Помнишь, как спасла тебя от смерти? Когда ты в интервью с кандидатом в депутаты Госдумы сделала роковую ошибку – вместо его жизнеутверждающей фразы в финале: «Ну, ничего, прорвёмся!» написала не менее жизнеутверждающую, но более точную по сути: «Ну, ничего! Прорвёмся!». Прорвёмся! Ты представляешь, где бы тебя закопали, если бы то интервью вышло?! Он же до того, как стать честным бизнесменом, бандитом работал! Хорошо, что я тогда бдительность проявила...

– Зато я теперь никогда не забуду, что нашей с тобой родины – Советского Союза – не стало 26 декабря 1991 года. Жаль – неплохая была страна...

Надежда пультом включив телевизор, где по-прежнему шли репортажи из Москвы, и печально произнесла:

– По крайней мере, утро с таких новостей не начиналось...

Лена помрачнела.

– Я сама в шоке. Хоть никого из знакомых в Москве нет, а то вообще бы с ума сошла. Знаешь, иногда я даже рада, что у меня нет детей... Представляешь, каково это – вот так потерять своего ребёнка... Просто потому, что он оказался не в то время не в том месте, а ты ничем не можешь помочь, не можешь это предотвратить...

Глаза Лены наполнились слезами – она подняла их к потолку и помахала руками перед лицом, чтобы не потекла тушь.

– Всё, пошла работать. Лучше об этом не думать, а то можно сойти с ума...

Забрав листы с текстом, Лена ушла. Как только за ней закрылась дверь, Надежда схватила телефон и торопливо стала набирать номера.

– Алло! Марина! У тебя всё в порядке?! Хорошо, я позже перезвоню... Антон? Ты где? Я понимаю, что в университете... Хорошо, я не волнуюсь... Целую... Мама, вы дома? Никуда без нас не выходите – Максим, куда надо, отвезёт... Нет, я в порядке... Всё, целую, мои родные... Алло, Максюша? Ты как? Сможешь маму в город отвезти? Нет, ей не срочно... Хорошо. И я тебя...

А по телевизору продолжали рассказывать о терактах в московском метро. Надежда медленно опустилась в кресло и сделала звук громче...

В обеденный перерыв Надежда и Лена решили пойти не в своё обычное кафе, где вполне приличный комплекс обходился совсем не дорого и куда бегала столоваться вся их редакция, а в небольшой ресторанчик неподалёку, – хотелось посидеть в спокойной обстановке.

Они расположились за столиком в углу, рассматривая улицу через большое панорамное окно. Перед ними стояли нетронутые чашки с остывшим кофе. Надежда, глядя на спешащих, ёжившихся от холода прохожих, задумчиво продолжала разговор:

– Вот все смеются, а всё-таки больше всего на свете я хотела бы вернуться в прошлое и начать жизнь сначала. С сознательного возраста – лет с восемнадцати...

Лена оторвалась от вида за окном и удивлённо посмотрела на Надежду. Та, оживляясь, продолжила:

– Представляешь, как здорово: знать всё, что с тобой произойдёт, и больше не совершать никаких ошибок! Такая своеобразная корректура собственной жизни – всё с чистого листа, и надпись в конце: «Исправленному верить!».

– Я думала, что ты на этот счёт уже успокоилась, – сказала Лена, делая глоток холодного кофе и недовольно морщась. – Так, дай бог памяти... Я это слышала после твоего первого замужества, потом – после второго. Сейчас у нас третий брак... Ты становишься предсказуемой, подруга!

Надежда протестующе помахала рукой:

– Это всё не причём! Просто чем больше проходит времени, чем старше я становлюсь, тем сильнее мне этого хочется...

Лена со снисходительным видом откинулась на стуле, приготовившись слушать.

– Ну, хорошо. Допустим. Что бы ты в своей жизни поменяла вот сейчас? Давай сначала...

Надежда заговорила – радостно, взволнованно. Было видно, что эту речь она повторяла неоднократно, – и теперь словно заново переживала приятные эмоции.

– Во-первых, я бы сразу после школы поехала в Новосибирск, где Макс учился в военном училище. Нашла бы его там. Главное – успеть до 20 июля 1985-го года, пока он ещё не наломал дров со своей скоропалительной женитьбой. Мы бы познакомилась, я бы вышла за него замуж – а потом уже всё прочее. По крайней мере, у моих детей был бы нормальный, родной им отец...

Весь вид Лены выражал иронию:

– А вдруг бы ты ему не понравилась? Или вы по молодости не оценили бы друг друга? А вдруг бы он и тебе изменял, как первой жене изменял постоянно?

Надежда даже подскочила от возмущения:

– Мне?! Максим?! Изменял?! Ты в своем уме?

– А ты не забыла, что у твоего любимого Максюшеньки два парня практически без отца выросли? Да и сейчас он с ними не общается. Что-то не похоже, чтобы твой Орлов в молодости отличался высокими моральными устоями...

– Это ничего не значит, Лен, – постаралась быть убедительной Надежда. – Просто он тогда не встретил свою женщину. Вот мы с ним – дуалы! Половинки одного целого! Мы – вообще одно целое! Если бы мы вовремя с Орловым встретились, мы были бы совершенно счастливы, совершенно! И наши дети – тоже! Я только сейчас поняла, что нужно выбрать не мужа себе, а отца своим будущим детям... А Максим – идеальный отец! Ну, и муж, конечно, тоже. И зять...

Лена слушала Надежду и пыталась сделать из салфетки кораблик.

– Он идеальный только для тебя, твоих детей и твоих родителей... – заметила она, старательно складывая салфетку. Пока у неё получилась пилотка.

– Нет! Он вообще идеальный! – горячо возразила Надежда, на что Лена глубокомысленно заметила:

– Боюсь, его прежняя жена, которую он бросил сразу после рождения второго ребёнка, и его юная сожительница, от которой он потом ушёл к тебе, и его уже взрослые сыновья, о которых ты не хочешь даже слышать, так не считают, ...

– Ну и пусть! – выпалила Надежда с вызовом. – Он их не любил! А меня – любит! В том-то и смысл – встретить своего человека. Думаешь, это просто? Многие люди всю жизнь мечтают о таком счастье, молят Бога, а им не даётся! А мне вот повезло... На старости лет. И если бы это случилось раньше, Лен... Представляешь, какую замечательную жизнь я бы прожила!

– Как любопытно... – Лена отложила недоделанный кораблик. – Тогда, выходит, и твой первый муж, чудак на букву «м» Дениска Морозов, папа Марины, издевался бы не над тобой, а над кем-то другим... А твой второй муж, мамсик Коленька Игнатов, Антошкин папашка, встретил бы какую-нибудь другую девушку – без «довеска» в виде ребёнка. И твоя бывшая свекровь Ольга Викторовна, маменька Коленьки, была бы тогда тоже совершенно счастлива, а не сворачивала тебе кровь десять лет...

Надежда отпила остывший кофе и тоже поморщилась.

– Фу, гадость. Остыл совсем... Не будем о грустном. Хорошо, что хоть и с опозданием, но я встретила своего Орлова. Что мои дети всё поняли и приняли его. Что мы счастливы... А плохо то, что я так и не родила ему ребёнка. Он всегда мечтал о дочке... И ведь был же шанс...

Лена украдкой запустила под стол бумажный самолётик из салфетки. Тот описал замысловатую дугу и вернулся ей под ноги.

– Я помню... Может, ещё родишь? – спросила она подругу. – Подумаешь, 45 лет всего. Ещё только будет 13 августа...

Надежда покачала головой.

– Не смейся. Я ведь не собираюсь прожить две жизни, Лен. Всеми своё время... Кстати, у меня, кажется, уже «второй переходный возраст» начался. Третий месяц «гостей» нет. И состояние ужасное...

– Да брось! – воскликнула Лена. – Вроде бы ещё рано для климакса!

– Тише ты! – прошептала Надежда, напряжённо оглядываясь по сторонам. – Ненавижу это слово...

– Да что в нём такого? – пожалала плечами Лена. – Слово как слово. Ничем не хуже аппендицита. Но мне всё-таки кажется, что нам ещё не время, подруга. Лет семь, как минимум, ещё помучаемся...

– По-разному бывает, Лен... – вздохнула Надежда. – Случается он... Ну, слово это противное... И ранний совсем. В врачу я, конечно, схожу, но только на следующей неделе. Не то что меня это как-то уж сильно расстроило, но... Такое ощущение, что всё уже в прошлом, понимаешь?.. Вот из-за этого всего и хочется – дико хочется! – вернуть всё назад, всё исправить, всё успеть... Эх! Я бы и тебе жизнь подправила...

Лена заинтересованно посмотрела на Надежду.

– Да ладно! Это как?

– А легко! Женьку Богомазова в армию бы не пустила! Вы бы с ним поженились, детишек нарожали...

Лена изменилась в лице и укоризненно посмотрела на Надежду, но та, увлекшись, этого не заметила и с воодушевлением продолжила:

– Сейчас бы ты уже бабушкой была! Точно! Не пошёл бы Женька в армию, остался бы жив... У вас получились бы такие красивые дети!

Наткнувшись на тяжёлый взгляд подруги, Надежда испуганно замолчала.

– Ой, прости! Вот я дура!

Лена грустно покачала головой, неторопливо изорвала белую салфетку на мелкие кусочки и аккуратно разложила их на столе. Всё это время Надежда сидела с виноватым видом и не знала, куда спрятать глаза от стыда, осознав, что допустила вопиющую бестактность.

– Да, Надюха... – произнесла, наконец, Лена. – Умеешь ты утешить. Знаешь ведь – я всех своих мужчин сравнивала с Женькой. Бессмысленное оказалось занятие. Радует одно: в твоём замечательном сценарии есть один неизменный персонаж – это я. И я там, надо полагать, буду тоже... (Лена передразнила подругу) совершенно счастлива. Совершенно!

Надежда поняла, что прощена, смущённо улыбнулась и развела руками: ну, что тут, мол, поделаешь, если иногда «клинит»...

– Знаешь... – тихо проговорила она, – я не пережила бы потерю Максима. И измену тоже. Ведь это равносильно потере... Не простила бы и не пережила. Если бы я только узнала, что у него есть какая-то другая, «параллельная» со мной жизнь, – на этом бы наша история сразу и окончилась... А дальше всё теряет смысл. Мне страшно об этом даже думать.

– Вот и не думай, – сказала Лена, доставая кошелек. – И так тошно... Сегодня моя очередь платить, а ты зови официанта. Надо идти – работы полно. И знаешь... Всё-таки ты у меня какая-то инфантильная...

– Ну, хоть не малахольная, как обычно, – махнула рукой Надежда. – Уже прогресс.

Вечером, после традиционно семейного ужина, где подробно обсуждалось всё случившееся с каждым за день, Надежда, уже готовая ко сну, заглянула на половину родителей пожелать им спокойной ночи.

В большой комнате, которую мама по старой привычке звала «зала», все стены были увешены вышитыми её руками картинами. Мама и сейчас сидела в кресле под торшером и ловко орудовала иглой с ярко-бирюзовой нитью. Увидев дочь, продемонстрировала ей почти готовую работу: одинокий парусник в бушующих морских волнах.

Надежда подошла к маме и поцеловала её в мягкую, покрытую морщинками щёку.

– «Белеет парус одинокий»? Марине понравится! Она же у нас «морская»!

– Да вы меня замучили с этой вышивкой, – вроде бы недовольно проворчала мама, тоже рассматривая рисунок. – Уже вешать некуда! Папа бастует – отказывается рамки делать!

Из второй комнаты – спальни – появился Николай Васильевич с неизменной газетой в руках. Сейчас на нём были мягкие домашние брюки, тёплая клетчатая рубашка, вязаная жилетка – спать он явно ещё не собирался.

– Когда это я отказывался?! – шутивно возмутился он. – Мне для родных детей и внуков ничего не жалко!

– Можно подумать, мне жалко... – примирительно сказала Вера Ивановна, снова берясь за иглу. – Просто стен уже в доме не хватает...

– Это как раз не проблема, – засмеялась Надежда. – Надо будет – ещё один дом построим!

– А, ну разве что... Тогда другое дело, – улыбнулась мама в ответ.

– Ты с традиционным ночным обходом? – обратился Николай Васильевич к дочери.

Надежда подошла к отцу, обняла его.

– Конечно. Ты же знаешь, что я не усну, пока всех не перецелую!

Вера Ивановна подняла голову от вышивания:

– Иди уже спать, Надюша! Такой день был тяжелый. Папа мне после ужина телевизор запретил смотреть...

– И правильно сделал! – повысил голос Николай Васильевич. – Ещё пара выпусков новостей – и можно «скорую» вызывать. Причём нам обоим...

– Господи, только не это, – испугалась Надежда. – Даже думать забудьте! Как там Максим говорит? «Всё. У нас. Хорошо. А будет ещё лучше!».

– Ну, твой Максимка ещё и не такое скажет... – Николай Васильевич довольно улыбнулся. – Умный у меня зять!

– Я постаралась, пап, правда... – с нежностью проговорила Надежда. – Очень долго его искала... И если бы мне повезло начать жизнь сначала...

Вера Ивановна демонстративно закатила глаза, а Николай Васильевич продолжил с самым серьёзным видом:

– «...то я нашла бы его сразу после школы, в 18 лет, а не в 35, и мы были бы совершенно счастливы... Совершенно...».

– Не дразнись! – засмеялась Надежда. – Ну, если я такая! Если это моя самая заветная мечта?! И чем больше проходит времени, тем больше я этого хочу...

– Фантазёрка, – вздохнула Вера Ивановна. – И в кого только?..

– Ни в мать, ни в отца, а в заезжего молодца, – тут же отозвался Николай Васильевич, и Вера Ивановна погрозила ему пальцем.

Надежда развела руками.

– Зато это помогло мне с выбором профессии. В журналистике без фантазии делать нечего! Ладно... Спокойной ночи, мои золотые. Я вас люблю!

– Иди, отдыхай, родная. Мы тоже всех вас любим... – Николай Васильевич поцеловал дочку в висок и привычно потрепал за щёку.

Надежда улыбнулась этому жесту – папа так делал всегда, сколько она себя помнит. Потом он так же трепал за щёки внуков – те в детстве даже соревновались между собой, кому достанется больше внимания от деда...

Долгим взглядом окинув комнату родителей, Надежда постаралась запомнить каждую деталь: вот мама, улыбнувшись и помахав ей рукой, склоняется над вышиванием; вот папа рядом с ней – положил маме руку на плечо, как на старой фотографии, и с улыбкой смотрит на дочь...

Она вышла из комнаты, тихо прикрыла дверь, провела по ней ладонью и прошептала:
– Папулечка-роднулечка, мамулечка-красотулечка, любимые мои... Живите долго...

Традиционный вечерний обход на этом не закончился – следующими на очереди были дети.

Надежда заглянула в комнату Антона – тот сидел за столом, освещённый только монитором компьютера, и увлечённо играл в какую-то «стрелялку». Надежда тихо подошла к сыну и поцеловала его в макушку.

Антон, не отрываясь от игры, слегка прижался к маме головой. Надежда взъерошила его волосы, шутливо поводила вверх-вниз ладонью перед лицом, затем махнула рукой – мол, случай безнадёжный.

Антон улыбнулся, продолжая рубиться с виртуальными монстрами.

Надежда, покачав головой, вышла из комнаты – сын достиг такого возраста, что «предки» отошли на второй план, пропустив вперёд друзей, учебу, увлечения и любовь, конечно. Когда-нибудь, возможно, он будет так же остро нуждаться в родителях, как она сейчас в своих, потому что только родители дают ощущение надёжности, крепкого тыла и бесконечности бытия. Но до этого Антону нужно ещё дорасти...

Подойдя к комнате Марины, Надежда услышала из-за двери приглушённый разговор дочери с кем-то по скайпу.

– Ну и что! Я не могла тебе сразу позвонить, потому что на работе был полный завал! – эмоционально говорила Марина. – Ты ведь знаешь, что сегодня произошло в Москве! Как вообще в такой ситуации можно думать о личном?!

– Но я же волновался! – бубнил искаженный компьютерными динамиками мужской голос. – Чуть с ума не сошёл! Мобильный не отвечает, к стационарному не зовут! Только когда в новостях тебя увидел – успокоился. Так же нельзя!

– Ты понимаешь – я ра-бо-та-ю! Мало ли что бывает! И вообще...

Вздыхнув, Надежда на цыпочках отошла от двери. Дочь Марина уже больше года переживала бурный роман с молодым человеком по имени Владислав – и сейчас конфетно-букетная стадия перешла в «притирку». Они постоянно ссорились и выясняли отношения. Марина регулярно «строила» парня – проверяла, её это человек, или нет.

«Смотри, доверяешься», – пугала Надежда дочь, но Марина легкомысленно отмахивалась. Для себя она уже всё решила, и теперь дело медленно, но верно шло к свадьбе – на ближайшие выходные были запланированы смотрины: в гости ждали родителей Владислава – одного из чиновников областной администрации с супругой...

Надежда заглянула в их с мужем спальню – Максим лежал в огромной кровати и читал своего любимого Ошо, то снимая, то надевая очки. Вообще-то окуляры «для чтения» он приобрёл совсем недавно и ещё к этому факту не привык – вроде бы даже стеснялся. Но и обходиться без них уже не мог. «Старенький я у тебя...», – прибеднялся иногда Максим, но Надежда, которая и сама уже с год как начала пользоваться «плюсовыми» стёклами, только смеялась в ответ.

Большие напольные часы показывали почти полночь. Максим в очередной раз снял очки, отложил книгу и потянулся.

– Любимая! Ты скоро?

– Скоро! Я в душ...

Завернувшись в большое полотенце, Надежда стояла в ванной у большого зеркала и пристально себя разглядывала. Годы, безусловно, брали своё. Да, она никак не выглядела на свои почти 45 – тонкая в кости, стройная. Но привычная худощавость почему-то уже не радовала – как любила ехидно повторять пышнотелая Лена Савельева, «худая корова, извините, – уже не газель...».

Под глазами пролегли тонкие морщинки, которые лучиками разбегались к вискам; огорчали и другие проявления возраста. «Вот откуда второй подбородок взялся при моём дефиците веса?! – огорчалась Надежда. – И тут тоже всё провисло...», на что всезнающая Лена назидательно замечала: «Дорогая, в нашем возрасте надо иметь либо фигуру, либо лицо...». Сама Лена со своими пышными формами была похожа на наливное яблочко, и Надежда, с её «пониженным тонусом», иногда по-хорошему завидовала подруге...

Впрочем, в целом всё смотрелось ещё очень даже неплохо. Надежда подтянула пальцами кожу на лице, разгладив морщинки, втянула живот, повертелась немного перед зеркалом. Грудь в последнее время стала болезненной и вроде бы даже увеличилась в размерах, но Надежду сейчас это даже порадовало – она выглядела настоящей красоткой в свои 44!

«Если климакс проявляется именно так, тогда ладно, – подумала она и показала своему отражению язык. – Фигура меня вполне устраивает, а будет немоготу с лицом, сделаю пластическую операцию»...

В это время из-за двери раздался приглушенный голос мужа:

– Сделаешь пластическую операцию – убью...

Надежда захохотала и распахнула дверь ванной – перед ней стоял завёрнутый в одеяло Максим. Увидев жену, сгрёб её в охапку и потащил в спальню. Надежда, еле сдерживая смех, барахталась и отбивалась – тогда Максим, подхватив её на руки, быстро донёс «добычу» до кровати...

А дальше было всё, как и десять лет назад, – страсть Максима, его горячее тело, сильные руки, смелые губы – и пьянящий запах тела, который с самой первой встречи сводил Надежду с ума. Позже она поняла, что это и есть та самая «химия» отношений, которая крепче любых уз связывает двух людей. Они с Максимом совпали на уровне атомов и молекул, их постоянно тянуло друг к другу – разве что с годами в отношения добавилось больше тихой спокойной нежности.

Первые лет шесть после встречи они были близки каждый день – «без выходных и праздников», как, смущаясь, делилась с Леной своим женским счастьем Надежда. В последние же годы они с мужем могли, крепко обнявшись, проговорить полночи напролёт, а потом мирно уснуть, пожелав друг другу хороших снов. Любовные безумства, конечно же, случались, но уже реже. «Количество заменили качеством», – как-то мимоходом заметил Максим, и оба восприняли это естественно, без обычных в подобных ситуациях сомнений и терзаний – женских: «Он меня больше не хочет так часто, как раньше, – значит, разлюбил?...», и мужских: «Мне уже не надо так много, как раньше, – а всё ли со мной в порядке?...». Да, возраст сказался и на этой сфере супружеских отношений, но, по обоюдному мнению, никак не повлиял на остроту интимных переживаний – они по-прежнему чувствовали себя любимыми и желанными.

...Надежда уютно устроилась на плече мужа – Максим обнял жену, вдыхая аромат пушистых волос, и даже зажмурился от удовольствия. Потом взял её руку в свою, поцеловал.

– Как мама? – спросил тихо, перебирая пальцы.

– Уже лучше, давление почти в норме. Она так переволновалась сегодня... Целый день не отходила от телевизора. У папы тоже сердечко прихватило. Он бодрится, вида не показывает, но я-то его знаю...

– Бедные родители... – вздохнул Максим. – Мало на их голову в молодости всего свалилось – так и сейчас спокойной жизни нет. За страну волнуются, за Москву вот теперь, за нас, за внуков...

Надежда приподнялась на локте.

– Кстати, о внуках... Ты не забыл? На выходных родители Владика придут. Боюсь, так и до свадьбы недалеко...

– Чего боишься-то? – рассмеялся Максим. – Радоваться надо! Девушке почти 25 лет! Сама-то, небось, в 18 первый раз выскочила! Жизнь продолжается... Вот интересно – дети взросятся, а мы по-прежнему молодые. У нас с тобой ещё столько всего впереди!

Максим обнял жену и накрылся вместе с ней одеялом с головой.

– Тихо, тихо! – сквозь смех сдавленно шептала Надежда, пытаясь освободиться из плена. – Дети спят!

– Да и пусть их спят! Мы разве кому-то мешаем?.. – Максим обхватил жену руками и ногами так, что она не могла пошевелиться, и принялся целовать. Через минуту Надежда перестала сопротивляться, и вскоре снова унеслась в космос на волнах острого наслаждения.

– Ну, всё, спать-спать-спать... – прошептала Надежда, с трудом восстановив дыхание. – Спокойной ночи, родной мой. Я тебя люблю...

Максим, раскинувшись на кровати, откликнулся сонным голосом:

– И я тебя... лю...

Следом раздалось размеренное посапывание – Надежда всегда удивлялась способности мужа засыпать на полуслове, в любой ситуации и в любом положении. «Это у меня ещё с армии!» – оправдывался Максим. Сама так не умела – даже в идеальных условиях сон часто не шёл к ней, и она часами ворочалась в кровати, борясь с назойливыми мыслями.

Вот и сейчас лежала, широко раскрыв глаза и уставившись в потолок, – думала «обо всём и ни о чём», как называл это её состояние муж. Повернула голову к Максиму: в полумраке чётко различался его профиль. Протянула руку, легонько провела пальцами по бровям, носу, губам. Максим, не просыпаясь, поцеловал ей пальцы.

Приподнявшись на локте над мужем, Надежда принялась его рассматривать, будто видела в первый раз: светлый ёжик волос, тени от длинных ресниц на щеках, морщинки у глаз... Прямой «греческий» нос – Надежда его обожала! Круглый подбородок с ямочкой посередине вроде бы должен говорить о мягкости характера, но силе воли и крепости духа Макса Орлова можно было позавидовать. Каждая чёрточка мужа была уже давно Надеждой изучена и обцелована, но она всё никак не могла на него насмотреться – в ту последнюю ночь своей старой жизни...

– Эх... – прошептала Надежда, разглядывая мирно спящего Максима. – Хотелось бы мне вернуться. Увидеть тебя молодым. Родить дочку и сына – твоих! Быть всю жизнь такой же счастливой, как в эти наши десять лет...

И добавила с запредельной болью в голосе:

– Как жаль, что это невозможно... Как же жаль...

В этот момент откуда-то сбоку раздался странный звук – Надежда даже не сразу догадалась, что это просигналил поставленный на вибро-звонок телефон Максима.

– Господи, кто ещё там в такое время? – пробормотала Надежда, дотянувшись через крепко спящего мужа до мобильного, засветившегося в ответ на входящее смс.

«Когда ты расскажешь Надежде и всем про нас? – прочитала она пришедшее с неопределёвшегося номера сообщение. – Нужно ведь планировать свадьбу, пока живот ещё можно скрыть. Наш сын ждать не будет... Да-да-да, у нас будет мальчик!!! Сегодня сказали на УЗИ! Ты рад ещё одному продолжателю фамилии и рода Орловых??? Надеюсь, завтра ты это сделаешь, – и сразу приступим к подготовке торжества...».

Словно издалека донёсся бой часов, хотя давно перевалило за полночь. Надежда удивилась и хотела посмотреть, что случилось со временем, но не смогла – ей показалось, что она вдруг неожиданно уснула. До сознания содержание сообщения сразу не дошло – подсознание предусмотрительно его отключило, потому что следом пришла такая душевная боль, с которой она бы просто не справилась...

Последнее, что запомнила Надежда, – странная белая вспышка, за которой последовала пустота.

1983 год. Воронеж.

В небольшой комнате, похожей на пенал, на узкой тахте, с головой укрывшись одеялом, – был виден только длинный светлый локон волос, свесившийся почти до пола, – крепко спала девушка. Неожиданно дремотную утреннюю тишину нарушили позывные «Пионерской зорьки» и звонкий женский голос из-за двери:

– Надюшка, подъем! Опоздаешь на занятия! У кого сессия на носу?

Одеяло медленно поползло вниз и из-под него показалось лицо симпатичной, совсем юной девушки – той самой, с чёрно-белой фотографии в кабинете Надежды Орловой.

Впрочем, это и была Надежда. Она лежала с закрытыми глазами, пытаясь понять, что её разбудило. В голове бродили полусонные, как она сама, мысли: «Сегодня вторник... Встреча у губернатора... Подумать, чем угощать будущих сватов... Что-то купить заранее... Макс нужен новый свитер на весну... А мне – обувь... Или обойдусь в этом сезоне?.. Что-то типа ботиночек взять, под джинсы... Хотя нет, лучше всё-таки на каблуке...».

– Надежда! Яичница стынет! Мы из-за тебя на работу опоздаем! А у тебя скоро зачёт по марксизму-ленинизму, между прочим!

– Какой ещё зачёт? – пробормотала, не открывая глаз, девушка. – По какому марксизму... Как его там... Ленинизму. Что за прикол... Максющ, ты что-нибудь понимаешь?

Надежда открыла глаза – и уткнулась взглядом не в роскошное натяжное сооружение с мудрёной подсветкой своей спальни, а в низкий плохо побеленный потолок со старой – еще советских времён – трёхрожковой люстрой с жёлтыми пластмассовыми плафонами. «Кажется, когда-то похожая висела у меня в комнате в старой родительской квартире...», – мелькнула мысль.

Надежда резко села на жёсткой тахте, опустив ноги на пол, и недоумённо огляделась по сторонам.

Вместо изысканного интерьера своей спальни она увидела старенькую, если не сказать убогую обстановку крошечной комнаты: обычный, даже не полированный, платяной шкаф с зеркальной дверцей, деревянный стол со стулом, на спинке которого висел небрежно брошенный цветастый халатик; на столе – накрытый стаканом графин с водой; на полу в углу – большой бобинный магнитофон. Над столом – самодельная полка с книгами, старыми мягкими игрушками и всякими мелочами, а на самом видном месте – та самая чёрно-белая фотография в рамочке с выпускного бала...

На стене – обычный отрывной календарь с датой: 15 мая 1983 года, воскресенье.

Надежда с диким видом вскочила с постели. Не было никаких сомнений – это её комната в старой родительской квартире! Она вспомнила и этот шкаф, и свою узенькую неудобную тахту, и стол, за которым в школе делала уроки, а в институте готовилась к сессиям, и полку, которую папа смастерил своими руками, и даже этот магнитофон – подарок родителей на окончание десятилетки...

– Это что?! Что это?! – пробормотала Надежда в смятении. – Это же моя комната! Моя комната! Господи, да как же... Это то, что я думаю?!

Она подбежала к зеркалу: оттуда на неё безумными глазами смотрела слегка растрёпанная со сна, но совершенно очаровательная юная светловолосая девушка в длинной ночной рубашке...

– Боже, это ведь я... я... – прошептала Надежда потрясённо. – Неужели у меня получилось?.. Но как... Это ведь невозможно... Невозможно!

Медленно обошла комнату. Взяла с полки плюшевого мишку, прошептала: «Я помню тебя, малыш...», аккуратно поставила обратно. Задержала взгляд на фотографии. Присела возле магнитофона.

– Как же это включается?.. Так, что ли?

Надежда нажала большую квадратную кнопку – и комната наполнилась звуками музыки: группа «Абба», песня «Мани» – слегка подзабытая, но такая узнаваемая. Надежда улыбнулась и почувствовала себя более уверенно.

Подошла к шкафу и распахнула дверцу – на деревянных вешалках висела её одежда из прошлого века: серое зимнее пальто с чёрным кроличьим воротником – даже по виду очень тяжелое, а носить его было и вовсе невозможно; коричневый болоньевый плащик – в теплую погоду в нём создавался парниковый эффект, а в прохладную пробирал до костей озноб; белая блузка «на выход» – что называется, и в пир, и в мир; скромное синее платье – Надежда вспомнила, что они сами сшили его с Леной Савельевой. Они часто шили тогда, пытаясь бороться с тотальным дефицитом в магазинах...

Надежда закрыла шкаф, подошла к столу, взяла в руки толстый учебник по основам марксизма-ленинизма, пролиставала, покачала головой и положила обратно.

– Да уж... Было дело... Страшно вспомнить.

Задержавшись у окна, осторожно отодвинула занавеску – и даже слегка отпрянула: улица, по которой проносились редкие автомобили, стала словно шире; исчезли красивые вывески и рекламные щиты; в зоне видимости не было ни одного многоэтажного дома – они, как грибы после дождя, появились только в конце 90-х, нависнув над их старенькой пятиэтажкой. И только люди всё так же спешили по своим делам...

Из-за двери раздался звонкий женский голос:

– Ну, если музыку включила – стало быть, проснулась. Надежда! Нет ничего противнее холодной яичницы! Но ты её заслужила!

– Мамачка моя... – прошептала девушка. – Сейчас... Сейчас я вас с папой увижу снова молодыми... А впереди – целая жизнь! И всё теперь можно исправить... Боже, какое счастье! Как здорово!

Надежду охватило чувство эйфории – она закружилась по комнате, подлетела к зеркалу и, вертясь в разные стороны, принялась с удовольствием себя рассматривать. Затянула по фигуре ночную сорочку, встала на цыпочки, представляя, что на ней высокий каблук.

– Вот это да! – прошептала она с восторгом. – А я и не знала, что была такая хорошенькая... Жаль, что Максим меня не видел... Ну, ничего, теперь мы это исправим!

Надежда подняла волосы, изобразив причёску, затем растрепала её – и осталась такой же очаровательной.

– Вот что значит молодость... Что с собой ни делай – всё равно красавица. Сбылась мечта миллионов женщин – иметь мозги 45-летней тётки и внешность 18-летней девушки! Или сколько мне сейчас?.. Ага, судя по календарю, даже восемнадцати ещё нет. Ну, держись теперь, Максюшенька! Я к тебе иду-у-у!..

Надя поддёрнула ночную сорочку повыше и восхищенно ахнула.

– А ножки-то, ножки какие! Гладенькие... Никакого даже намёка на целлюлит! Надо же... Я была, оказывается, о-го-го! А все говорят: в кого у вас такая Марина? Как в кого?! Пусть теперь только попробуют что-нибудь сказ...

Внезапно Надежда будто споткнулась. Улыбка медленно сползла с губ. Лицо исказилось болью, глаза наполнились слезами.

– Господи, Марина... – прошептала она. – Антоша... Мариночка... Антошка... Дети мои... Где вы... Вас же теперь нет... Боже, что я наделала...

К этому времени подсознание тоже устало сдерживать информацию о ночном смс-сообщении – и она ядом просочилась в воспалённый мозг Надежды.

«Когда ты расскажешь Надежде и всем про нас? – полыхнули в голове огненные строчки. – Нужно ведь планировать свадьбу, пока живот ещё можно скрыть платьем. Наш сын ждать не будет... Да-да-да, у нас будет мальчик!!! Сегодня сказали на УЗИ. Ты рад??? Надеюсь, завтра ты это сделаешь, – и сразу приступим к подготовке торжества...»

Надежда, наконец, вспомнила всё и, как подкошенная, неловко рухнула на пол. Тахта немного смягчила падение, но удара девушка всё равно не почувствовала – она потеряла сознание чуть раньше: боль, наконец, настигла её. Это была боль потери детей и боль от предательства любимого человека. Даже отдельно, каждая по себе, она могла бы сломать любого, но удвоенная, обладала поистине убойной силой...

В маленькой кухне у плиты хлопотала совсем молодая – не старше 40 лет – Вера Ивановна: с «химией» на волосах, ярким макияжем, в кокетливом, с рюшками, гипюровом халате выше колена. За столом с газетой «Правда» в руке сидел такой же молодой Николай Васильевич и пил чай из своей любимой огромной кружки – она была совсем новая, с целой, не отбитой ещё ручкой.

На столе в одиноко стоящей тарелке совсем остыла яичница. Вера Ивановна, наливая себе чай, укоризненно поглядывала на третью – пустую – табуретку. Только она собралась что-то прокричать в сторону комнаты дочери, как вдруг оттуда раздался дикий, нечеловеческий крик.

Вера Ивановна, чуть не ошпарившись, с грохотом уронила чайник на плиту; Николай Васильевич вскочил, опрокинув свой стул, – его любимая кружка, которая, хоть и без ручки, в прошлой их жизни благополучно «дожила» до 2010 года, упала на пол и разлетелась на мелкие осколки...

Сшибая друг друга, Вера Ивановна и Николай Васильевич выбежали из кухни, ворвались в комнату дочери и увидели её, свернувшуюся в позе эмбриона, на полу. Надежда выла, как раненый зверь.

– Надя, что с тобой?! – закричала Вера Ивановна. – Что случилось?! Где болит?! Скажи что-нибудь!

Николай Васильевич поднял с пола бьющуюся в его руках дочь и положил её на тахту.

– Потерпи, потерпи, девочка моя, – приговаривал он дрожащим голосом. – Сейчас «неотложку» вызовем...

На тахте Надежда вдруг обмякла. Она безучастно смотрела в потолок, и только слёзы ручьём текли из глаз – будто кто-то забыл закрыть кран.

Николай Васильевич кинулся к телефону. Вера Ивановна трясущимися руками налила в стакан воду из графина, протянула было Надежде, но поскольку та никак не реагировала, то залпом выпила тепловатую жидкость сама.

Слышно было, как Николай Васильевич кричит из другой комнаты:

– Алло?! «Скорая»?! Срочно! Не знаю, что случилось! Девушка, 17 лет! Ей больно, она кричит! Ничего конкретно не кричит – просто кричит! Да, именно! Адрес? Первомайская, 12, квартира 36! Срочно приезжайте!

... Надежда лежала на тахте, укрытая по шею одеялом, и тяжело дышала; лицо покрылось испариной. Рядом собирала свой чемоданчик пожилая женщина в белом халате – врач «Скорой». На табуретке рядом с тахтой валялись пустые ампулы, кусочки ваты с капельками крови.

Вера Ивановна и Николай Васильевич в тревоге застыли у двери.

– Сейчас она хорошо поспит, – сказала врач, захлопывая чемоданчик. – Никаких внутренних повреждений нет. Похоже на нервный срыв. Может, перед сессией перенапряглась – такое у студентов бывает. Обязательно обратитесь к вашему участковому невропатологу... Да, и, кстати, на календарь свой обратите внимание – сегодня уже понедельник, 16 мая. А у вас всё ещё воскресенье, 15-е. С толку сбивает...

– Да это Надюшин – она обычно сама листочки по утрам срывает, с детства привыкла, а сегодня – сами видите – не до этого было... – зачастила Вера Ивановна.

– Вижу, что не до этого... – Врач повернулась к Наде, которая, прерывисто дыша, лежала с закрытыми глазами. – Ну вот, напугала родителей, красавица. Разве так можно? А главное, на пустом месте...

– Я только что похоронила своих детей... – не открывая глаз, еле слышно прошептала Надежда. – А муж предал меня...

– Что? Что ты сказала? – не расслышав, переспросила врач.

– Я только что похоронила своих детей... А муж меня предал...

Вера Ивановна бросилась к дочери, наклонилась над ней.

– Наденька... Ты что это... Что ты такое говоришь...

– Я только что похоронила своих детей! – отчётливо произнесла Надежда, а затем закричала, вырываясь из рук отца, который пытался её удержать. – Я похоронила своих детей! Их нет! Их больше нет! Моих детей больше нет! А Макс предал меня! Мы хотели дочку! А теперь у него будет сын! Я не хочу жить! Господи, зачем это всё?! Зачем?! Я так не хотела! Мне так не надо! Я не хотела так! Не хотела! Верните моих детей! Верните мне их! Чёрт с ним, с Максом, но верните мне моих детей!

Врач «Скорой» снова быстро раскрыла чемоданчик и скомандовала обезумевшим от ужаса родителям:

– Готовьте девочку к госпитализации...

Спустя неделю по больничному парку прогуливались Надежда и вторая девушка с фотографии – симпатичная, крепко сбитая, с весёлыми озорными глазами. Это была её лучшая подруга Лена Савельева.

Надежда – в страшном больничном халате и мужских дерматиновых тапках не по размеру – задумчиво брела по дорожке, не замечая ни первой пышной зелени, ни чудесной майской погоды. Лена тоже старалась идти медленно, в ногу с подругой, но получалось это у неё плохо – она то и дело срывалась вперёд, потом вприпрыжку возвращалась обратно. Одетая Лена была очень модно по меркам 1983 года: в кроссовках типа «Адидас», кофточке с надписью «Мальборо» (хоть и с ошибкой в написании) и новых «фирменных» джинсах – неизвестной, впрочем, фирмы. Лена всячески пыталась привлечь внимание Нади к обновкам: поглаживала строчки на джинсах, стряхивала невидимые пылинки с кофточки, вертелась и так, и эдак, демонстрируя кроссовки, но Надежда никак не реагировала. Наконец, Лена не выдержала:

– Вот. Накопила – и купила... У цыганок в переходе... А что? Кто скажет?..

Надежда молча шла вперёд, погруженная в свои мысли, и Лена даже немного обиделась.

– Надь, ну ты чего? Тебе не нравится, что ли?

– Что? – встряхнулась Надежда, возвращаясь в реальность. – Нравится? Конечно, нравится. Как это может не нравиться...

Не такой реакции ждала Лена, но что с Никольской взять – нервный срыв, переутомление, страшное даже по названию отделение больницы. Вон, бредёт – сама на себя не похожа. Вроде она – и вроде не она...

Лена посмотрела на наручные часы, покачала головой. Взяла Надежду под руку и заглянула ей в лицо.

– Ну что, тебя завтра забирать? Я постараюсь вырваться...

– Как хочешь... – равнодушно пожала плечами Надежда. – Мне всё равно... Кто-нибудь заберёт. А нет – так сама. Дорогу знаю...

– Никольская, хватит придуриваться! – возмутилась Лена. – Ты ж не Катерина из «Грозы»: «Что воля, что неволя – всё равно...». Тебе не может быть всё равно! Или я подумаю, что тебя не долечили! Что врачи хоть говорят?

– Нервы... Сессия... Как бы.

– «Как бы...». Интересно! Где ты этого нахваталась? – улыбнулась Лена.

– Да это старая фишка... – махнула рукой Надежда. – Сорняки в речи... На самом деле ничего хорошего.

– Фишка? Тоже клёво. Это медики твоего нервного отделения так выражаются?

– Типа того... – смутилась Надежда, поняв, что употребляет слова и выражения, которые в лексиконе жителей страны массово появятся только через четверть века. Но Лена была в восторге.

– Ух ты, надо запомнить! «Как бы», «фишка», «типа того»... Сойду за «нервного патолога»!

– Лучше не надо, – через силу улыбнулась Надежда. – Скоро от этих слов всех тошнить будет...

Она всё никак не могла привыкнуть к юному облику своей лучшей подруги, с которой ещё совсем недавно они готовились с помпой отметить 45-летние (Лена – на месяц позже Надежды). А сейчас перед ней стояла ошеломляюще красивая в своей молодости Ленка, словно сошедшая со старой чёрно-белой фотографии, только вдруг обретшей цвет и яркость красок. Надежда даже на какое-то время забыла, где и почему находится, исподтишка с интересом разглядывая подругу.

Лена это заметила.

– Ты какая-то странная, Надька, стала. Тебя там лекарствами в больнице перекачали, что ли? Вообще тебя не узнаю... Может, рано тебя выписывают?

– Нет! – испугалась Надежда. – Не рано! У меня всё в порядке – просто страшный сон приснился...

– Ага, слышала! – с иронией сказала Лена, и добавила «загробным» голосом, передразнивая подругу:

– «Где мои дети?.. Верните моих детей!.. И мужа заодно...»

Надежда с болью посмотрела на Лену. Её глаза наполнились слезами, но она быстро взяла себя в руки. Лена ничего не заметила и продолжила, поёжившись:

– Жуть... За такое могли не сюда, а сразу в психушку упечь.

Надежда незаметно смахнула слёзинки с глаз и постаралась перевести разговор на другую тему:

– Да всё уже хорошо, Лен, не переживай. Иначе меня бы завтра не выписывали. Я так рада тебя видеть... такой...

– Какой? – удивилась Лена.

– Ну, такой... Молодой. Юной. Счастливой.

– Надь, ты меня всё-таки пугаешь... А какой я должна быть в 17 лет, по-твоему?!

– Действительно... – смутилась Надежда. – Прости – ерунду говорю. Расскажи лучше, что у тебя новенького?

– Ой! – картинно закатила глаза Лена. – Что у меня может быть новенького? Женька, как обычно, замуж зовёт. Я сказала, как с армии вернется – так сразу. Его же осенью забирают...

Надежда резко остановилась, изменившись в лице.

– Женьку... В армию... Осенью...

Она повернулась к Лене, схватила её за руки и зашептала скороговоркой:

– Леночка, миленькая, Женьке нельзя в армию! Его убьют, понимаешь? Он оттуда не вернется! Ты не выйдешь за него замуж, ты вообще никогда не выйдешь замуж! Поверь мне! Нельзя Женьке в армию! Не пускай его! Ни о чём меня не спрашивай – просто сделай так, как я прошу! Так надо, Лен! Ну, хочешь, я на колени перед тобой встану?!

Надежда рухнула перед Леной на колени, продолжая держать её за руки и умоляюще заглядывая в глаза. Острый гравий впился в кожу, но девушка этого не замечала.

Лена, встревожено оглядываясь, не видит ли кто эту картину, попыталась поднять подругу.

– Надька, ты чего, а?! Тебя точно не долечили... Ну-ка вставай быстро! На нас уже смотрят...

– Леночка, родная моя... – шептала Надежда. – Поверь, я не шучу... И я не больная... Просто не пускай Женьку в армию – и всё! Это ведь не трудно! Придумай что-нибудь! Скажи, что беременная!

Лена, которая уже почти подняла подругу с колен, ошарашено замерла – и та снова рухнула на камни. Девушка, чертыхнувшись, кое-как, с трудом, подняла Надежду – та, враз обмякнув, напоминала тряпичную куклу.

– Ой, Надь... – запричитала Лена, отряхивая потеряно стоявшую Надежду. – Ну, ты вообще... Что ты такое говоришь-то? Что значит «не пускай», «беременная»? Да он сам в армию рвётся! Ему надо! Он же мужик! И у нас ничего ещё не было, ты же знаешь! Я даже слушать этого не хочу! И Женьке ничего говорить не буду – даже не надейся. Не вынуждай меня идти к твоему лечащему врачу, а то ты отсюда как раз до осени не выйдешь, а у нас сессия... Всё, подруга, я побежала, а ты иди в палату и обязательно прими все лекарства! Без дураков!

– Без дураков не получится – я же здесь... – еле слышно пробормотала Надежда.

– Ну, раз шутишь – значит, точно можно выписывать! – облегчённо вздохнула Лена.

Она поцеловала в щёку безвольно опустившую руки Надежду, слегка встряхнула её за плечи.

– Ну? Обещай, что больше я от тебя ничего подобного не услышу – ни про мёртвых детей, ни про предателя-мужа, ни про убитого Женьку! Обещаешь?

Надежда полными боли глазами молча смотрела на Лену. Та вздохнула:

– Будем считать, договорились... Завтра, как только документы на выписку будут готовы, мы за тобой приедем!

Немного отойдя, Лена оглянулась – Надя безучастно продолжала стоять на том же месте.

– Хотя, может, и рано тебя ещё выписывать... – озадаченно пробормотала Лена.

В крошечной комнате Надежды царил полный кавардак – шкаф распахнут, везде развешены и разложены её вещи. Сама девушка, похудевшая и осунувшаяся, что, впрочем, ничуть её не портило, задумчиво перекладывала предметы своего скудного гардероба с места на место.

На отрывном календаре – дата: 28 мая 1983 года, суббота. В больнице Надежду продержали ровно неделю, до понедельника, но рекомендовали ещё немного отдохнуть дома, и справку выписали до 30 мая. Как раз на этот день, как сообщила Лена, перенесли зачёт по основам марксизма-ленинизма, которого все студентки филологического факультета боялись, как огня. Надежде предстояло очередное серьёзное испытание – ничем себя не выдать при

встрече с прошлым. Она уже поняла, что роль наивной 17-летней девушки даётся ей, взрослой 45-летней женщине, очень непросто, и предстоящий зачёт пугал её сейчас даже больше, чем тогда, почти три десятилетия назад...

Все две недели своей новой жизни Надежда прожила, как в тумане. Иногда просыпалась среди ночи, всматривалась в смутные тени на потолке и думала, думала, думала... О том, что с ней случилось, и как теперь жить дальше. Она не смирилась с потерей детей и своего прошлого – просто загнала воспоминания поглубже и решила сделать всё возможное для того, чтобы жертва хотя бы не оказалась напрасной...

О Максиме и том смс-сообщении на его телефоне всё это время она тоже старалась не думать, потому что это было невыносимо. Надежда не понимала, как могла целых десять лет так ошибаться в человеке, как могла не замечать явных признаков измены – а ведь они наверняка были, раз дело дошло уже до появления ребёнка «на стороне», да только она, ослеплённая своей любовью, ничего даже не почувствовала.

Иногда в голове проносилась вялая мысль: «Как он мог...», но больше её мучил другой вопрос: ради чего теперь жить. Все эти годы она лелеяла мечту вернуться в прошлое и начать всё сначала только ради одной цели: встретить Максима в молодости и провести с ним жизнь, а теперь всё это потеряло всяческий смысл.

«Всё равно нужно найти Максима в Новосибирске до 20 июля 1985 года, раз уж ты здесь...», – иногда шептал противный внутренний голос, но Надежда закрывала ладонями уши и крепко зажмуривала глаза, стараясь убежать от себя и своих же желаний. Да и не до этого было...

Девушка (да, она снова стала девушкой, но это оказалось не так радостно, как ей когда-то виделось) поняла главное: нужно жить так, чтобы окружающие не сочли за сумасшедшую. Её поведение близкие и так считают странным; всё время подозрительно к ней присматриваются. Несколько раз своими неосторожными высказываниями она вызывала как минимум недоумение, поэтому в последнее время старалась больше молчать. Вера Ивановна, глядя на непривычно тихую дочь, заходила в рыданиях и даже тайком съездила в церковь поставить за неё свечки.

«Я не знаю, как, но уже что случилось, то случилось... – думала Надежда бессонными ночами. – Надо как-то приспособливаться, устраиваться в жизни. Я так хотела быть счастливой... Судьба дала мне этот шанс – и что? Зачем мне всё теперь, без Максима? Разве я смогу полюбить кого-то так, как любила и – себе-то врать не надо! – люблю его даже сейчас? Какой-то же должен быть во всём этот смысл...».

Но никакого смысла в случившемся с ней она не видела.

Надежда старалась гнать прочь мысли о том, как такое вообще могло произойти, – боялась по-настоящему сойти с ума. Что стало с её прежней жизнью? Куда исчезли Марина и Антон – ведь они были, были! Такие живые, родные, любимые до крика...

А она сама? А Максим? А родители? Где теперь все, если сама она – здесь?.. А там тогда кто и что?! Может, больше нет никакого «там», и всё исчезло вместе с ней? Или (где-то в другом измерении?!) жизнь продолжает идти своим чередом – Максим уже сообщил ей и всем о предстоящем рождении сына и скорой новой свадьбе, и сейчас, именно в это самое время ТА Надежда переживает свои самые страшные дни...

От подобных мыслей голову сжимало, словно обручем, – казалось, что черепная коробка не выдержит и треснет, как переспелый арбуз, и Надежда пыталась сосредоточиться на том, что вызывало у неё хоть какие-то эмоции. Она любовалась видом молодых, пышущих здоровьем родителей – мама, сердечница «со стажем», ещё и не вспоминала о своей сердечно-сосудистой недостаточности, которая дала о себе знать только после 50 лет, а папа пока и слов таких не знал – межпозвонковая грыжа и больные суставы; это всё пришло к нему значительно позже.

Сейчас родители были по возрасту даже моложе, чем она в своей прежней жизни, и Надежда ловила себя на мысли, что ей хочется их постоянно опекать. Она радовалась, что многих болезней (и у родителей, и у неё самой) теперь можно будет избежать, ведя правильный образ жизни и своевременно обращаясь к врачам, и это вселяло определённый оптимизм. Или хотя бы отвлекало от тягостных мыслей...

А ещё Надежда пыталась хоть как-то приспособиться к существованию в 80-х годах XX века. Когда после первых, самых мучительных переживаний она научилась адекватно воспринимать действительность, то поразила, насколько её теперешняя жизнь в 1983 году отличается от той, к которой она привыкла в 2010-ом. Как непрезентабельно выглядит их когда-то казавшаяся роскошной двушка в «хрущёвке» – даже несмотря на свежий ремонт и чешскую полированную «стенку», которую мама с боем выторговала у знакомого директора мебельного магазина. Эти собирающиеся волнами паласы на полу, о которые вечно все спотыкались, и толстые ковры-пылесборники на стенах, колченогие кресла с деревянными подлокотниками, маленький чёрно-белый телевизор на почётном месте в углу «залы», жуткие «весёленькие» обои на стенах...

Вера Ивановна работала заведующей производством в городской столовой, поэтому на недостаток продуктов в пузатом холодильнике «ЗИЛ» Никольские не жаловались – каждый в те годы крутился, как мог. Надежда с наслаждением нюхала «Докторскую» колбасу, которую мама обычно нарезала к завтраку, – оказывается, в 1983 году она пахла совсем по-другому! А какими вкусными показались ей обычный лимонад в бутылке зелёного стекла и тёмно-розовое фруктовое мороженое в картонном стаканчике!

«Бедные мои дети, – думала Надежда. – Как многого они оказались лишены... Да, у них были совсем другие радости – и гораздо больше, чем в моём детстве, но стали ли они от этого счастливее?..»

Сильно удручало отсутствие интернета и мобильных телефонов – Надежде, когда она оставалась одна, постоянно чудились звуки вызова по скайпу и мелодия, которую она поставила на номер Максима, – гимн футбольной «Лиги чемпионов». Она вздрагивала, тревожно оглядывалась в поисках трубки, – и тут же сникала, понимая, что до появления сотовой связи ждать примерно ещё лет двадцать... Как, впрочем, и до массового распространения интернета.

«Как нам на всё хватало времени?» – не переставала удивляться Надежда. За любой мало-мальской информацией нужно было тащиться в библиотеку и просиживать там часы, выискивая и переписывая от руки необходимую информацию. Письма отправляли в конвертах по почте и потом долго ждали ответа. Сутками стояли в очередях, радуясь «выброшенным» в продажу зимним сапогам или туши для ресниц. Ездили в неторопливом общественном транспорте, потому что о собственных автомобилях могли только мечтать. По вечерам гуляли под ручку по улицам, распевая песни. Сидели на лавочках в парках, а не в интернете. Запоем читали книги и журналы, переписывая в рыхлые «общие» тетрадки понравившиеся стихи...

«И при этом всё успевали! – удивлялась Надежда. – А сейчас... То есть тогда... В моей прошлой жизни... Времени ведь не оставалось ни на что! И это при всей нашей цивилизации, мгновенном доступе к любому информационному ресурсу, в век космических скоростей, при бешеном ритме! Парадокс...»

После больницы Надежда ни разу не выходила на улицу, но часто смотрела с балкона на странно (как ей казалось) одетых людей, непривычно пустую дорогу рядом с их домом – в 1983 году в Воронеже ещё не знали, что такое пробки; на проезжающие автомобили, среди которых не было ни одной иномарки...

Картина за окном Надежду и привлекала – ей хотелось быстрее окунуться в эту почти забытую уже жизнь, и страшила – а сможет ли она приспособиться к реалиям давно ушедшего времени?

Лена Савельева забегала каждый день и, как могла, тормозила подругу – приносила свежие институтские сплетни, рассказывала о Женьке, хвасталась обновками – к летнему сезону успела сшить себе батистовую кофточку и ситцевую юбку-четырёхклинку. Надежда вспомнила и эту кофточку, и эту потрясающую юбку – когда-то она была от них в восторге! Попросила Лену и ей сшить такие же, а потом долго и с огромным удовольствием носила наряды – даже когда уже родила Марину. Но сейчас, рассматривая самопальные вещи на Лене, ей расхотелось повторять этот «подвиг». И юбка уже не казалась такой уж роскошной, и к кофточке было много претензий. Сочетание аляпистого батистового верха с цветастым ситцевым низом показалось диким, и Надежда не могла поверить, что подобное когда-то казалось ей красивым...

Она разложила на тахте свои вещи и попыталась придумать, в чём в понедельник идти на зачёт по основам марксизма-ленинизма. Выбор был, мягко говоря, невелик: синяя кофта-«лапша», простая чёрная юбка ниже колена, коричневые брюки-клёш, белая блузка на все случаи жизни, сатиновое платье необычного покроя, сарафан из купонной ткани и старая школьная форма с белым парадным фартуком, оставленная «на память». Лет через десять после выпускного форма куда-то сгинула – Надежда подозревала, что мама втихую пустила её на тряпки...

Девушка подошла к зеркалу и приложила к себе балахон с цветным рисунком на черном фоне и разрезами по бокам. «А это ведь тоже Ленка мне шила, – вспомнила она. – Господи, как я это носила...

Перебирая в шкафу заодно и вещи родителей, она вытащила из отцовских брюк черный ремень и приложила к платью – в таком варианте оно смотрелось лучше. Достала из коробки новые мамины черные туфли на каблуке, примерила их – оказались впору. Ну конечно – когда-то у них с мамой был один размер, как она могла забыть! Это потом, когда мамины ноги из-за болезни сердца стали сильно отекают, Надежда уже не посягала на её разношенные тапки без каблучков, а раньше с удовольствием тайком таскала материну обувь...

Из-за двери донесся шум, возня, приглушенные голоса, смех. Дверь в комнату распахнулась, и на пороге показались родители с радостными и взволнованными лицами. Надежда еле успела ногой затолкать мамины туфли вместе с коробкой под тахту.

– Надя! Дочка! – торжественно провозгласил Николай Васильевич. – У нас с мамой для тебя сюрприз! Иди сюда, в залу!

Надежда вышла в проходную комнату хрущёвской «двушки», которая служила и гостиной, и спальней родителей: раскладывающийся диван-кровать под ковровым покрывалом, два кресла с такими же накидками, полированный журнальный столик между ними, добытая в боях чешская стенка с праздничным хрусталём...

В углу у окна вместо старого чёрно-белого телевизора на тумбе громоздился новый – цветной. На полу стояла большая коробка от него, которая заняла полкомнаты.

– Теперь для тебя жизнь, Надюшка, окрасится в разные цвета! – весело сказала мама. – И больше никаких нервных срывов! Але-оп!

Николай Васильевич с видом фокусника включил телевизор, Вера Ивановна захлопала в ладоши:

– Надя! Смотри! Наш первый цветной телевизор! Наконец-то! Теперь и мы фигурное катание будем смотреть в цвете, а не бегать к соседям!

– И футбол! – добавил Николай Васильевич, довольно потирая руки.

– И фильмы! Наденька! Ну, ура же?! Ура?! – заглядывала Вера Ивановна дочери в глаза.

– Ура... – флегматично ответила Надежда.

– Надь... Да порадуйся же ты! – даже обиделась мама. – Мы так долго мечтали об этом – и вот очередь подошла! Полгода отмечались! А скоро и на новый холодильник очередь подойдёт! Посмотри, как мы хорошо живём! А ты хандрить... Ну, хватит уже, а?

– Что вы, я очень рада! – неожиданно для себя Надежда выпалила это довольно язвительным тоном. – Видеть всё в цвете – это так здорово! И всего-то полгода каждый день отме-

чались! А на холодильник мы сколько в очереди стоим? Год, два? Ну, так очередь же быстро идёт! Замечательно мы живём! Удивительно! Прекрасно! У нас что ни колхоз, то миллионер, а в стране жрать нечего! Всего больше всех в мире производим на душу населения, а в магазинах пусто! В области балета мы вообще впереди планеты всей! Только артисты с гастролей не возвращаются... Кстати, балет мы тоже теперь будем в цвете смотреть! Если кто-нибудь из руководства страны опять помрёт ненароком... Вот теперь действительно ура!

Николай Васильевич нахмурился.

– Ну-ка, дочка... – сказал он строго. – Ты где этого нахваталась? Что за разговоры? Чтобы я у себя в доме подобного больше не слышал! Не посмотрию, что ты после больницы! Такой нервный срыв ремнём устрою...

Вера Ивановна выразительно посмотрела на мужа и дёрнула его за рукав. Надежда пожалала плечами и, мысленно коря себя за несдержанность, удалилась в свою комнату. Родители растеряно смотрели дочери вслед – Вера Ивановна еле сдерживала слезы, и Николай Васильевич обнял жену:

– Ничего, Верочка... Всё нормально. Справимся...

А Надежда у себя в комнате, прижавшись спиной к двери, прошептала:

– Бедный папа... Скоро ты ещё и не такое услышишь! А ремень я у тебя всё равно конфисковала...

По новому цветному телевизору в это время шли новости – 28 мая 1983 года страна, руководимая Юрием Андроповым, жила своей обычной доперестроечной жизнью. Выходили новые фильмы, запускались спутники, готовился космический телемост между СССР и США по проблемам мирного сотрудничества, и уже два дня подряд строгие дикторы рассказывали о землетрясении и цунами на японском острове Хонсю...

Утром в понедельник, 30 мая, Надежда вышла из дома в том самом цветастом балахоне, перехваченным в узкой талии отцовским ремнём, и маминых выходных чёрных туфлях на высоких каблуках; в руках – почти новая чёрная дерматиновая сумка. Надежда и забыла, что такая когда-то у неё была. Конечно, сюда бы больше подошла сумка из красной кожи – Надежда любила контрастные вещи, но о таком счастье в 1983 году она не могла и мечтать.

Свои пышные светлые волосы, как могла, выпрямила под обогревателем «Ветерок» – фена дома не оказалось, а спрашивать о нём у мамы Надежда побоялась (а вдруг фенов для домашнего пользования вообще ещё не было в то время?!). Причёска получилась неожиданно стильная – особенно на фоне повального увлечения в те годы «химией». По дороге Надежде то и дело попадались девушки и женщины самого разного возраста с одинаковыми пуделячьими кудельками на головах – и все они провожали её удивлёнными взглядами. А мужчины и вовсе «делали стойку», сворачивая себе шеи, – Надежда и правда невольно привлекала к себе внимание. Что-то в ней было странное и притягательное одновременно: то ли «взрослый» взгляд, который никак не вязался с юной цветущей внешностью, то ли манера держаться, то ли общий – будто бы даже заграничный – облик, благодаря которому она выделялась из толпы.

Надежда шла по смутно знакомой улице и чувствовала себя инопланетянкой. Всё вокруг ей было интересно. Вот змеящаяся очередь в «Промтовары» и крики: «Вы тут не стояли! Где список?! У кого ковёрный список на 30 мая?!»; молодые мамы с неуклюжими колясками образца 1983 года; на зданиях и крышах – плакаты: «Мир! Труд! Май!», «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи», «Каждый день – ударный!», «Миру – мир!», «Работай по-коммунистически!»...

– Господи... Как мы жили... – прошептала Надежда, увидев сквозь замызанную стеклянную витрину продуктового магазина почти пустые прилавки.

На остановке народ штурмом брал старенький автобус, чтобы уехать в центр. Надежда некоторое время нерешительно смотрела на давку, даже попыталась протиснуться, но её грубо оттолкнули.

– Ну и ладно...

Она отошла чуть подальше и взмахнула рукой. Поток машин был совсем невелик по сравнению с 2010 годом, но рядом тут же остановился оранжевый «Жигулёнок».

– Куда вам, девушка?

Водитель – лысоватый, потасканного вида мужичок лет сорока пяти, перегнувшись через пассажирское сидение, распахнул дверь и с интересом уставился на Надежду.

– В пединститут. Довезёте?

– Садитесь! Мне как раз по пути!

Захлопнув дверь рядом с водителем, девушка села на заднее сидение. Мужичок хмыкнул, но ничего не сказал. Обернувшись, она увидела, как от остановки медленно отошёл переполненный автобус, – поместились все жаждущие уехать, но внутри образовалась страшная давка: казалось, люди вынесут своими телами не только двери, но и окна.

Надежда вздохнула – в своей прошлой жизни она уже давно не пользовалась общественным транспортом, и начинать это делать снова не очень-то хотелось. Но она понимала, что ездить каждый день на такси или на «частниках» не сможет – во-первых, у неё на это просто нет денег, а во-вторых, как говорила героиня любимой актрисы Нонны Мордюковой в бессмертной комедии «Бриллиантовая рука»: «Наши люди в булочную на такси не ездят!»...

Девушка вертела головой по сторонам, узнавая и не узнавая родной город. Как же, оказывается, изменился за эти годы Воронеж! Ещё целы были трамвайные пути, разобранные в середине нулевых годов, – к 2009 году трамвайное движение в городе полностью ликвидировали, ничего не предоставив взамен («лёгкое метро» так и осталось в планах); ещё не было многих ставших давно привычными зданий и строений. Зато каким красивым станет город через три десятилетия! Надежда это знала точно...

Её размышления о прошлом и будущем прервал водитель – полуобернувшись и следя вполглаза за дорогой, он игриво спросил:

– А деньги-то у тебя есть, красавица?

– Не знаю... я не посмотрела... – растеряно пробормотала девушка, доставая из сумки кошелек. – А сколько надо?

– Вообще-то таксисты рубль берут отсюда до института. Но для такой девушки можно и скидку сделать...

Надежда достала из кошелька деньги – рубль там как раз был. Высыпала в ладонь мелочь.

– Скидка с рубля? Оригинально. А я и забыла, какие забавные были деньги... Маленькие...

Водитель, не расслышав, снова обернулся:

– Что, деньги дома забыла? Ладно, бесплатно довезу! Меня, кстати, Вова зовут. А вечером ты что сегодня делаешь, красавица?

Надежда подняла глаза и посмотрела на плюгавого водителя – он показался ей омерзительным со своей потной лысиной с налипшими на неё редкими волосками, близко посаженными маленькими глазками и слюнявой улыбкой, обнажающей сильно порченные зубы.

– А мы разве на «ты»? – холодно спросила она. – Что-то я не припомню, чтобы пила с вами на брудершафт... Вова...

Водитель чуть не поперхнулся слюной, которую распустил, глядя на эффектную пассажирку.

– Чего-о? – протянул он обиженно. – Подумаешь! Фифа какая! Рубль тогда с тебя! То есть с вас...

– Я в состоянии оплатить проезд, – буркнула Надежда и отвернулась к окну.

Водитель недовольно засопел, с опаской поглядывая в зеркальце заднего вида на странную студентку. Обычно девчонки попадались более сговорчивые. Правда, дело в основном ограничивалось хихоньками-хаханьками, а если вечером кто-то из девчонок и приходил на свидание, прихватив с собой для храбрости подружку, то, как правило, дальше кафе-мороженого дело не шло – всё-таки Владимира ждали дома жена и шестиклассник сын-оболтус. Да и машина была не его – служебная, а левачил Вова исключительно в рабочее время, когда шеф отпускал его заправиться, так что лишняя огласка была ему ни к чему. «Такая принципиальная ведь и начальству стукануть может, – подумал Владимир, покрывшись холодным потом. – Ну её совсем... Попроще кого найдём...».

Надежда с внутренним трепетом подошла к зданию педагогического института – даже без новомодных ремонтов он выглядел солидно и внушительно. Ноги сами понесли её на второй этаж – именно там «филологи» сдавали почти все зачёты и экзамены. Только когда попала внутрь, удивилась – и в помине нет строгой охраны на входе, мимо которой и мышь не проскочит, как у Антошки в университете... У Антошки... Стоп. Не думать об этом.

Лены Савельевой ещё не было – пунктуальностью подруга в юности не отличалась. Надя медленно приближалась к аудитории, возле которой толпились её бывшие однокурсницы. Хотя почему же бывшие? Это её нынешние однокурсницы образца 1983 года – молодые, весёлые, острые на язык. Она и сама когда-то была такой же – одной из них. А сейчас даже не могла вспомнить многих имён...

На двери аудитории висела прикрепленная кнопкой бумажка: «Филологический факультет. 1 курс. 30 мая – зачёт по основам марксизма-ленинизма». Надежда подошла к одинаково одетым девушкам – все, как на подбор, в кроссовках, джинсах и футболках с плохо сделанными расплывающимися надписями: «Мальборо», «Винстон», «Вранглер»...

У многих в руках были «фирменные» пакеты с аналогичными «брендами» или пластмассовые «дипломаты». Надежда вспомнила, что и у неё был такой же дипломат – предмет особой гордости, а за подобный пакет она в 1981 году отдала фарцовщику в подворотне пять рублей, и долго потом с ним ходила, вложив для прочности внутрь пластмассовую сетку.

Интересно, где тот пакет? Наверное, лежит сейчас где-то дома, почти истёршийся за два года... Когда она однажды пришла с ним в институт, преподаватель по марксизму-ленинизму сделал ей строгое внушение на предмет того, что на картинке «Мальборо» изображен двуглавый орёл: «Вы что, Никольская, не понимаете, что это символ царизма? Забыли, сколько горя самодержавие принесло людям? Сколько их погибло во имя того, чтобы этот двуглавый орёл навсегда исчез из народной памяти? Чтобы вы сейчас жили в прекрасной стране, бесплатно получали образование, лечились... Не стыдно?!»

Надежде было не стыдно – ей очень нравился её «фирменный» пакет, и она гордилась тем, что приобщилась к сомну «избранных», владеющих самыми модными вещами...

Тогда, в 1983 году, она тоже предпочитала джинсы, футболки и кроссовки, как и все её однокурсницы, но сейчас – в платье, с необычной причёской и дамской сумочкой в руках – на фоне словно выпущенных из инкубатора девушек – смотрелась странно. Те, не сговариваясь, прекратили оживленный разговор и изумлённо уставились на однокашницу.

– Привет... – выдохнула Надежда, подойдя поближе. – Ну вот... Это я.

Больше она не нашла, что сказать. Надежда понятия не имела, как вести себя с однокурсницами. В институте они с Леной – две отличницы – всегда держались немного особняком. Многие в группе их откровенно недолюбливали за усердие в учёбе и активное участие в жизни института, но подругам было интересно учиться и вести общественную работу, поэтому на злопыхательниц они попросту не обращали внимания. И вот сейчас Надежда оказалась с ними один на один...

– Привет, Надюх... – ответила одна из студенток, дебелая грудастая девица. – Выздоровела?

– Нет, лежу в больнице под капельницей... – улыбнулась Надя.

– Да? – искренне удивилась деваха, не оценив шутку. – А чего тогда припёрлась?

«Как же её зовут? – мучительно вспоминала Надежда. – Вика? Нина? А! Марина! Точно! Марина Нахлебникова – мы ещё потом с Ленкой ухохатывались, когда певица Марина Хлебникова на сцене появилась! Кажется, наша Марина стала директором школы в каком-то селе Воронежской области, откуда сама родом...».

Студентки с опаской косились на Надежду, которая со странным выражением лица рассматривала старосту их группы Маринку Нахлебникову. Несколько девушек отошли к окну и, кидая взгляды на однокурсницу, принялись шушукаться между собой.

– Посмотрите на Никольскую – вырядилась! Точно с головой проблемы!

– А что с ней?

– Говорят, в психушке лежала.

– Горе от ума... Перенапряглась всё на «отлично» сдавать.

– Умереть и не встать! Чего это она вдруг платье нацепила? Никогда ж не носила!

– А мне нравится. С зачёта можно сразу на дискотеку...

– В таком виде?! Разве что на первый бал Наташи Ростовоной!

– Нет, в этом что-то есть... Посмотрите на Надюку – она же как с журнала! Только не нашего, а заграничного...

– Не понимаю, как за две недели можно так измениться... Была до больницы обычным человеком!

– Ну не скажи – Никольская никогда не была обычным человеком! И, между прочим, она самая красивая и самая умная в нашей группе... Была. А сейчас... какая-то странная. Как и не она.

– Видать, серьёзно переболела...

В конце коридора показалась запыхавшаяся Лена. Студентки оживились.

– О, Савельева несётся. После них с Никольской на зачёт можно не идти – на их фоне мы все тупыми кажемся...

Одна из девушек громко объявила:

– Никольская и Савельева, вы – последние сегодня! А то мы после вас не сдадим!

Лена подбежала к подруге и чмокнула её в щёку.

– Не дрейфь, Никодимова, мы сами ничего не знаем! – отозвалась Лена и потащила Надю к другому окну. – Женька из Москвы сегодня приезжает – его начальник отпустил на неделю, договорились встретиться, в кино пойдём! Давай с нами?

– Женька?! – обрадовалась Надя. – Вот здорово! Господи, как же я хочу его увидеть! Живого!

– Надежда! – строго сказала Лена, пристально глядя на подругу. – Ты опять?!

– Всё, молчу... В кино, говоришь? Без проблем! А что за фильм?

Лена засмеялась.

– Опять что-то новенькое у тебя в лексиконе – «без проблем»! Надо запомнить! А какой фильм – мне без разницы. Главное Женьку увидеть!

Лена заключила Надежду в объятия и закружила по коридору. Та смеялась, отбиваясь от подруги, а однокурсницы, поджав губы, бросали в их сторону недоброжелательные взгляды – хорошо этим отличницам веселиться, а тут не знаешь, с какой стороны к этому марксизму-ленинизму подкатить...

В аудитории начался зачёт. Студентки по одной расположились за столами в разных концах просторного помещения. Лена и Надя сели поближе к «президиуму», где восседали трое: преподаватель – маленький остроносый мужчина в очках, чем-то похожий на суслика, заведующая кафедрой – дама средних лет строгого вида, тоже в очках, и холёный молодой мужчина в модных импортных вещах – освобождённый секретарь партийной организации института. Надежда даже вспомнила, как его зовут, – Роман Курилов, а следом пришли какие-то неприятные ассоциации, связанные с этим именем, – говорили, что он «пользовал» нерадивых студентов, порой даже против их воли, за зачёт или хорошую оценку на экзамене, но действовал так осторожно, что всё сходило ему с рук. И, кажется, эту фамилию она видела среди кандидатов в мэры Воронежа на прошлых выборах в 2008 году...

Надо же – фамилия тогда прошла мимо сознания, поскольку Роман Курилов как кандидат ничем особым себя не проявил и не дошёл до выборов из-за каких-то нарушений правил агитации, и вот он сидит перед ней – молодой, уверенный в себе, с похотливой улыбкой рассматривая претенденток на его «особое расположение».

– Ну и кто сегодня самый храбрый? – издевательски усмехнулся Курилов, обводя взглядом аудиторию, и студентки быстро опустили головы, мечтая оказаться снова в коридоре, а ещё лучше провалиться сквозь землю.

Надя и Лена переглянулись.

– Иди ты? – полуутвердительно сказала Лена, и Надежда, пожав плечами, направилась к столу. Так уже сложилось, что они с Леной всегда отвечали первыми, и сейчас она заново переживала давно забытые эмоции – волнение вперемешку с азартом.

Студентки проводили Надежду тоскливыми взглядами. После Никольской можно было и не стараться получить благосклонность и похвалу преподавателей – лучше неё никто никогда не отвечал, даже Савельева.

Девушка положила на стол зачётку. Преподаватель её раскрыл, перелистал и удовлетворённо кивнул головой.

– Думаю, Надежда Николаевна, с зачётом по основам марксизма-ленинизма у вас тоже проблем не будет. Лекции вы посещали, проявляли активность на занятиях. Ну что, коллеги, поставим зачёт студентке-отличнице Надежде Никольской «автоматом»?

Роман Курилов окинул потенциальную жертву оценивающим взглядом – девушка выглядела необычно и очень притягательно.

– Можно и зачёт... – протянул он. – Можно и автоматом... Но пару вопросов я бы всё-таки задал.

Пятый год мучавшаяся приливами зав. кафедрой, отметив яркую внешность Надежды, ревниво поджала губы.

– Роман Георгиевич прав – не надо здесь авансом зачёты раздавать. Давайте соблюдать порядок.

Надежда понятия не имела, как будет отвечать, – в голове не осталось практически ничего от полученных почти 30 лет назад знаний, которые никогда потом в жизни не пригодились.

Роман Курилов развалился на стуле, сложив руки на груди, и с кривой улыбкой принялся рассматривать не по-советски красивую студентку. А преподаватель вытер платочком вспотевшую лысину, покосился на сидевшую с надменным видом зав. кафедрой и отодвинул от себя зачётку.

– Что ж, Надежда Николаевна, давайте тогда и начнём с основ... Что такое марксизм-ленинизм?

Надежда на мгновение задумалась. В голове пронеслись обрывки каких-то статей времен перестройки, фрагменты телепередач, цитаты блогеров, но цельная картинка никак не складывалась.

– Насколько я помню, марксизм-ленинизм ошибочно принимали за совокупность взглядов Маркса, Энгельса и Ленина, хотя в действительности это – особая идеология, специально созданная Сталиным для нужд партийной бюрократии. По сути, это фальсификация, подмена понятий и откровенная манипуляция общественным сознанием. Делалось это для того, чтобы идеологически поддерживать правящий режим... Впрочем, тогда хоть какая-то идеология была, а сейчас вообще никакой. И в этом наша большая проблема...

Пока Надежда, всё больше увлекаясь, говорила, лица присутствующих менялись: Роман Курилов всем корпусом подался вперед; вспотевший и забывший вытереть лысину преподаватель то снимал, то надевал очки, причём вверх ногами; зав. кафедрой в полубоморочном состоянии откинулась на стуле, закатила глаза и судорожно махала перед пунцовым лицом носовым платком – её как раз накрыла очередная волна жара.

Студентки, включая Лену Савельеву, замерли в разных позах – где кого «настигло».

В аудитории повисла гнетущая тишина. А потом грянул гром.

Первой пришла в себя зав. кафедрой и истошно закричала, брызгая слюной:

– Никольская! Что вы несёте?! Как вы смеете? Вон из аудитории!

Мокрый, как мышь, преподаватель всё-таки уронил очки, тихо сполз на пол и суетливо принялся их искать, заискивающе обращаясь из-под стола к Роману Курилову:

– Я их этому не учил... Можете посмотреть конспекты... Я не знаю, откуда это... Я здесь совершенно не при чём...

Надежда, спохватившись, замолчала. Роман Курилов напустил на себя строгий вид – внутри он уже ликовал, предвкушая предстоящую расплату за зачёт. Такие «штучки» давно ему не попадались – всё больше какая-то деревенщина...

– Никольская, думаю, не надо объяснять, что зачёт вы не сдали... Сейчас можете быть свободны. А в 17 часов жду вас у себя в кабинете. Всего доброго.

Надежда растеряно смотрела на преподавателей. Она словно выпала из времени и пространства – забыла, кто такая, и что здесь делает.

– Но это правда... – попыталась она убедить преподавателей. – Вы же сами скоро будете об этом говорить и писать... Будут другие учебники... Свобода слова... Как он, этот... плюрализм мнений... Через пару лет буквально!

Зав. кафедрой, покрывшись красными пятнами, билась в истерике. Филейной частью она в буквальном смысле чувствовала, как зашаталось под ней кресло.

– Это вопиющее безобразие! Издевательский цинизм! Позор всему факультету! Я не хочу больше этого слышать! Выгнать к чёртовой матери из института! Вы, Никольская, пособник империализма! Враг!

– Скажите ещё «враг народа» и расстреляйте, – раздраженно бросила Надежда, которая уже пришла в себя, и ей надоел этот спектакль.

Зав. кафедрой, выпучив глаза, открывала и закрывала рот, как рыба, которую уже почистили, но ещё не выпотрошили. Преподаватель снова уронил на пол очки и полез под стол, и Роман Курилов брезгливо отодвинув от него ногу.

Надежда взяла со стола зачётку, вернулась за сумкой, подмигнула онемевшей Лене и ушла из аудитории, вежливо прикрыв за собой дверь. Однокурсницы проводили её ошарашенными взглядами.

– Кто следующий? – Роман Курилов многозначительно окинул взглядом притихшую аудиторию, но никто и не думал идти отвечать, в том числе и совершенно деморализованная Лена Савельева. – Тогда пойдём по списку... Произвольно... Ну, предположим... Нахлебникова... Вы готовы?

Марина на трясущихся ногах подошла к столу, откуда на неё волком смотрела красная, как помидор, зав. кафедрой. Преподаватель трясущимися руками тёр лысину уже совершенно мокрым платком, и только Роман Курилов потерял всякий интерес к происходящему – он весь

был в ожидании встречи со странной студенткой по фамилии Никольская, которая произвела на него неизгладимое впечатление. Что-то было в девушке манящее, сводящее с ума, и Роман даже заёрзал на жёстком стуле от возникшего некстати желания. Такого с ним ещё не было.

Из кинотеатра под покровом сгустившейся темноты медленно выходили люди – только что окончился вечерний сеанс. В толпе, держась за руки, шли Надя и Лена. С другой стороны Лену обнимал за плечи высокий симпатичный парень с фотографии – их бывший одноклассник Женя Богомазов.

– Хороший фильм, только длинный... – сказал Женя. – Стемнело совсем уже...

– А вы что, разве фильм смотрели? – притворно удивилась Надежда. – Я думала, вы целоваться туда ходили...

Женя через Лену шутливо потрепал бывшую одноклассницу по волосам, и у неё сжалось сердце – она вспомнила этот Женькин жест. Неужели всего через несколько месяцев его убьют в Афганистане?.. И лучшая подружка Лена, потеряв любимого, снова повторит свой безрадостный и бездетный жизненный путь?.. Нет, только не это! Она обязательно что-нибудь придумает! Женька не должен попасть в армию!

Проходя мимо освещённой одиноким фонарём афиши с названием фильма – «Вокзал для двоих» – Лена восторженно воскликнула:

– Гурченко такая молодец! Вообще не меняется! И как ей удаётся сохранить фигуру?!

Надежда шла, погруженная в свои мысли, поэтому ответила, особо не задумываясь:

– Ты бы её в 70 лет увидела – она ещё моложе и красивее стала...

– Ты-то откуда знаешь, какая Гурченко будет в 70 лет? – подозрительно спросила Лена и повернулась к Жене. – У нас с Никольской что-то странное творится – я тебе просто рассказать не успела. Ты бы видел, что сегодня на зачёте было! Мы думали, там всех удар хватит! Зав. кафедрой так на Надьку орала! Преподаватели потом всех валили – полгруппы зачёт не сдали...

Женя поцеловал Лену в макушку:

– Ну, ты-то сдала...

– Не знаю, что их так вызверило... – отвела глаза в сторону Надежда.

Лена засмеялась:

– Ой, ты ж наша скромница! Конечно – всё ответила на отлично, – а они вдруг как накинутся! Звери просто! Особенно Курилов... Кстати, Женя, Надька его сегодня продинамила! Он ей аудиенцию на пять часов назначил, а она с нами в кино пошла.....

– Да пошёл он! – беспечно махнула рукой Надежда. – Вспомнила я этого дрыща! Ты просто забыла, Лен, чем он в институте занимался, – мы за пять лет такого от девчонок наслушались! Просто нас с тобой это не коснулось, потому что мы отличницами были...

Лена и Женя даже приостановились и удивлённо уставились на подругу. Надежда поняла, что её слова звучат, мягко говоря, странно, смутилась и попыталась исправить ситуацию.

– То есть... Как тебе сказать... В общем, упырь он, этот Курилов!

Лена тяжело вздохнула, обращаясь к Жене:

– Вот-вот... Такая она в последнее время. Да ещё требует, чтобы ты в армию не шёл, – говорит, убьют тебя там... Представляешь? Я и так переживаю, а она ещё масла в огонь подливает. Что делать будем, а?

Женя разомкнул руки Нади и Лены и встал между ними, обняв обеих за плечи и прижав к себе.

– Да ну вас – с вашими страхами и переживаниями! – широко улыбнулся Женя. – В армию я всё равно пойду. Зато потом в институт сразу, без конкурса – в автомобильно-строи-

тельный. Лето ещё поработаю на стройке, денег на свадьбу накоплю. Хотя там и так уже хватит – считай, почти год вкальваю! Эх, Ленка, заживем мы с тобой! Ты меня только дождись!

У Надежды даже закружилась голова от чувства полного бессилия перед надвигающейся катастрофой. Она решительно остановилась и взяла Женю и Лену за руки. Заговорила проникновенно, задыхаясь от волнения.

– Лена, Женя... Любимые мои... Вы знаете, как я к вам отношусь... Вы – самые лучшие мои друзья! Можете считать меня сумасшедшей, как угодно, – но, Женя, послушай меня... Тебе нельзя в армию! Ты не вернёшься, понимаешь? Тебя убьют в Афганистане! Ленка всю жизнь будет одна! Ни семьи, ни детей! Ты этого хочешь?! Лена, Леночка, ну хоть ты меня поддержи! Это же твоя жизнь, твоя судьба!

Лена с отчаянием и чуть не плача повернулась к Жене.

– Ты видишь, что с ней творится?! Уже ведь и в больнице полежала...

Женя с жалостью смотрел на Надежду. Та прошептала:

– Леночка, милая, при чём здесь больница?! Речь про Женьку идет! И про тебя – про вас!

Лена, будто не слыша подругу, продолжала причитать:

– Вырядилась вон, не пойми во что, зачёт завалила сегодня, к Курилову не пошла – а ведь могут и попереть из института за это...

Повернулась к Надежде:

– Ты лучше о своей судьбе подумай – что ты со своей жизнью делаешь?! О родителях подумай – они с ума сойдут, если тебя из института отчислят! У твоей мамы сердце слабое!

– Да и пусть отчислят... – попытался пошутить Женя. – Ей в армию не идти!

– А я сейчас серьёзно говорю, между прочим! – рявкнула Лена на Женю.

Тот послушно замолчал, а Лена взволнованно продолжила:

– Надь, с этим надо что-то делать... Ты реально странная какая-то. Одета странно...

Говоришь странно... Уже слухи нехорошие пошли... Я боюсь за тебя, понимаешь?

– Я сама боюсь... – пробормотала Надежда.

– Так возьми себя в руки, подлечись, что ли... – Лена погладила подругу по плечу. – Сдай ты этот чертов зачёт, не лезь на рожон. Вообще не понимаю, что на тебя нашло, где ты всего этого нахваталась...

– Да я уже поняла – надо фильтровать базар, чтобы не сойти за сумасшедшую...

Лена всплеснула руками:

– Что я тебе говорила, Жень?! «Фильтровать базар»! Это ж надо было такое придумать! Что ни слово – то хоть записывай! Причём раньше за ней такого не водилось...

Надежда разозлилась.

– Так! – заявила она решительно. – Всё. Я – не сумасшедшая. Просто более информированная и кое-что знаю. Нехорошее... И хочу это предотвратить. Понятно?

Лена демонстративно закатила глаза и закрыла уши, давая понять, что больше не желает слышать подобный бред. Женя виновато развёл руками.

Надежда в отчаянии смотрела на Лену и Женю, переводя взгляд с одного на другого, затем резко развернулась и побежала по дорожке в темноту сквера, смахивая на бегу слёзы отчаяния.

Женя обнял Лену и прижал к себе. Они растеряно смотрели Надежде вслед. Не хотелось думать, что у их близкого друга явные проблемы с головой, но другого объяснения тому, что происходит, просто не было.

Спустя несколько дней Надежда стояла перед дверью с табличкой «Секретарь партийной организации Курилов Роман Георгиевич», собираясь войти. Одета она была, как сказали бы

в 21 веке, супер-сексуально: узкая чёрная юбка по колено (Лена успела перешить ей старую буквально за вечер), белая блузка, обтягивающая пышную грудь, многообещающе расстегнута сразу на три пуговицы... Тонкая талия утянута отцовским ремнём (за неимением другого); на ногах – давешние лакированные туфли на высоких каблуках; губы ярко накрашены маминой помадой. Проходящие мимо студенты-старшекурсники сворачивали себе шеи, глупо хихикая и подталкивая друг друга.

Надежда решительно постучала в дверь.

– Открыто! – донеслось из кабинета.

Войдя, девушка остановилась на пороге. В большом кабинете, мрачноватом из-за обилия книжных полок с толстыми фолиантами, под портретом Юрия Андропова восседал секретарь партийной организации института Роман Курилов и листал «личное дело» студентки Никольской. Увидев Надежду, он откинулся в кресле и масляным взглядом окинул фигуру девушки.

Поистине, перед ним стоял сейчас редкий экземпляр – скромность удивительным образом сочеталась с бьющей через край эротичностью, а когда Роман уткнулся взглядом в глубокий вырез блузки на высокой груди студентки, то моментально взмок. Эта Никольская действовала на него магическим образом – с подобным явлением опытный ловелас Курилов ещё не сталкивался, и у него даже мелькнула дикая мысль, что неплохо бы потом продолжить отношения...

Подойдя к столу, Надежда без приглашения присела на один из стульев, стоящих в ряд вдоль стены, и, копируя Шерон Стоун из знаменитой сцены, медленно закинула ногу за ногу, обнажив край чулка с подвязкой на словно отполированном гладком бедре. Блузка распахнулась ещё шире – Роман поперхнулся слюной и ослабил галстук. Ему вдруг стало жарко – он заметил, что девушка не надела бюстгальтер...

Надежда пристально смотрела Роману Курилову прямо в глаза, и тот совершенно «поплыл». Почему-то захотелось после работы приходить домой, и чтобы каждый раз его встречала именно эта красотка, с таким вот взглядом... А там – кто знает! – может быть, Роман даже и женился бы на ней. А что? Уже давно за тридцать, пора остепениться. Сколько можно довольствоваться нерадивыми студентками в служебном кабинете? Да и по партийной линии семейному человеку пробиваться легче...

В реальность его вернул голос Надежды:

– Мне сообщили, что по вашему представлению... или заявлению... а правильнее всего, доносу... меня собираются отчислить из института. Позвольте поинтересоваться – за что?

Роман поморщился. Ему хотелось как можно быстрее завалить эту Никольскую прямо здесь, на потёртой ковровой дорожке, а не вести с ней душеспасительные беседы.

– Фу... Что за лексикон у несостоявшегося филолога... Доносу... Это всего лишь сигнал. Мой долг и моя – если хотите – прямая обязанность...

Надежда, склонив голову и не сводя с Романа взгляда, кончиком языка медленно облила яркие губы. Тот слегка сбился:

– Сначала вы прямо на зачёте – вызываяюще, публично – извратили саму суть марксизма-ленинизма, чем довели до сердечного приступа преподавателя этой важнейшей дисциплины, а затем демонстративно проигнорировали моё приглашение... А я, между прочим, ждал.

– Я была в кино, – Надежда продолжала в упор смотреть на Романа Курилова. – «Вокзал для двоих» называется. Две серии. Гурченко и Басилашвили в главных ролях. Такой ответ вас устроит?

– Надежда Николаевна, а почему вы так себя ведёте? – к Роману Курилову вернулась его привычная манера общения с юными прелестницами. – Я чего-то о вас не знаю? Может быть, вы собираетесь замуж за сына первого секретаря обкома партии? Или стали лауреатом

Ленинской премии? Или делегатом очередного съезда ВЛКСМ? Что даёт вам право так мне дерзить в моём же кабинете?

Роман Курилов встал из-за стола, подошёл к Надежде вплотную и теперь смотрел на неё, сидящую, сверху вниз. Надежда с ироничной улыбкой подняла глаза. Роман вдруг резко наклонился и выдохнул ей в лицо вчерашним коньяком:

– Ты чего, девочка, а? Рамсы попутала?

Надежда помахала ладонью у лица и поморщилась:

– Фу... Что за лексикон у несостоявшегося первого секретаря горкома партии... И если вечером пьёте коньяк, Роман Георгиевич, то закусывайте хоть лимоном, что ли, если нет красной икры, а не дешёвой колбасой...

Роман с озадаченным видом выпрямился:

– Почему это несостоявшегося? Ты что-то знаешь?!

– Я знаю всё... – ответила Надежда печально. – К сожалению, или к счастью... Не быть тебе, Рома, секретарем горкома – ни первым, ни вторым, ни даже третьим. По причине того, что очень скоро не будет никакого горкома КПСС... Как и самой КПСС.

Роман Курилов от таких речей остолбенел. Так с ним ещё ни одна студентка не разговаривала! Что эта Никольская себе позволяет?! На что она посягнула? На святое?!

– Я не понял... – ошарашено проговорил он. – Что ты несёшь?! Ты вообще понимаешь, что можешь не просто из института вылететь, а ещё и в места не столь отдаленные залететь?! За подрывную, так сказать, деятельность?! Вообще страх потеряла... Или...

Роман обрадовался:

– Слушай, а может, у тебя точно с головой... Того? Как говорят? Ты же явно не в себе!

Надежда поднялась со стула, соблазнительно нагнулась, поправляя чулок, – грудь открылась ещё больше. Бюстгальтер, несмотря на внушительный размер груди, был действительно ей пока ещё не нужен.

Роман Курилов моментально забыл о том, что говорил, – дрожащие руки сами потянулись к девушке, дыхание сбилось. Если он прямо сейчас не получит доступ к этому роскошному телу, то просто взорвётся! Никогда ничего подобного с ним не случилось – он перестал контролировать ситуацию, полностью отдался во власть «основного инстинкта» и потому плохо слышал, что вещала ему Надежда:

– Вы за своей головой лучше проследите, Роман Георгиевич, – очень скоро многие полетят, в том числе и ваша. Впрочем, за вас я спокойна – вы не пропадёте... Если мне не изменяет память, будет у Ромы Курилова ларёк на местном рынке... с богатым ассортиментом дешёвой колбасы... Твоя любимая тема.

Надежда взяла Романа за галстук и ослабила его. Роман не сопротивлялся – он сейчас вообще мало что соображал.

– Потом супермаркет откроешь, – продолжала Надежда. – Не хозяин жизни, конечно, но в масштабах своего Левобережного района почти олигарх... Знаешь такое слово? Нет? Ну да, откуда?... Кстати, на своих предвыборных плакатах в 2008 году ты имел довольно потасканный вид...

Роман Курилов не понимал, о чём говорит Надежда, что происходит и как себя вести. Вроде бы эта странная Никольская не против – вон, и галстук ему сама уже почти развязала. Обычно девок приходится долго уговаривать...

Но тут Роман сообразил: проститутка! Точно! Как он сразу не догадался! Причём валютная... Ну, ничего – пусть ей супостаты доллары суют, а мы как-нибудь надурняк обойдёмся. Но зато и оттянемся от души – это не «целку» колхозную ломать за трояк в зачётке...

Глядя на Надежду и распаяясь всё больше, Роман принялся расстегивать брюки.

– Что-то я не пойму, Никольская... – бормотал он как в бреду. – По личному делу ты... (кивнув на стол, где лежала папка) дитё дитём, а по поведению... по взгляду... по разговору... Боюсь даже предположить... Как подсказывает мне мой опыт... а опыт у меня богатый...

Роман притянул Надежду к себе.

– ...Лет на тридцать потянешь... А то и на все тридцать пять...

В этот момент Надежда резко рванула на себе блузку – так, что пуговицы разлетелись, полностью обнажив шикарную грудь. Опешивший Роман невольно отпрянул – брюки свалились, и он чуть не упал, запутавшись в них.

– А вот это потянет лет на пять, Роман Георгиевич... А то и на все восемь...

Надежда весело подмигнула Роману и, глядя прямо ему в глаза, закричала:

– Помогите! Спасите! А-а-а-а!

Дверь немедленно распахнулась, и в кабинет ввалилась толпа студенток во главе с Леной Савельевой. Следом, расталкивая их, ворвались несколько преподавателей.

Картина, которую они застали, была недвусмысленной: Роман Курилов в галстук набекрень со спущенными штанами – и испуганная девушка, дрожащими руками сжимающая у горла разорванную блузку...

Роман Курилов, судорожно натягивая брюки, отскочил от Надежды.

– Чёрт! Развели, как пацана!.. Ну, Никольская... Ты за это поплатишься! Я тебе обещаю... – прошипел он сквозь зубы.

– Дверь надо закрывать, когда к студенткам под юбки лезешь, урод... – тихо бросила Надежда и вполне натурально зарыдала, спрятавшись в объятиях Лены Савельевой, которая гладила её по волосам и бросала гневные взгляды на совершенного уничтоженного Романа Курилова.

Надежда сидела в кресле, уставившись в телевизор. Шла программа «Время», где рассказывали о событиях 10 июня. Несколько дней назад произошла авария на Волге вблизи Ульяновска с пассажирским теплоходом «Александр Суворов», который врезался в мост. Погибли десятки человек, и ведущие новостей постоянно возвращались к этому трагическому событию. «А я ведь совсем забыла про то, что случилось 6 июня 1983 года... – с горечью думала Надежда. – А тогда казалось, что такое не забывается... Как же я смогу помочь людям, если не помню точных дат таких событий?.. Да и кто может помнить, если горе не коснулось его лично?..».

В это время Вера Ивановна, заламывая руки, ходила по комнате от окна к дивану и обратно и причитала.

– Надежда! Ты мне можешь вразумительно объяснить, что всё-таки произошло?! Почему тебя не допустили к сессии?!

– Мам, я тебе уже сто раз всё рассказала, – ответила дочь, не отрываясь от экрана телевизора. – Завалила зачёт по основам марксизма-ленинизма...

– Почему ты так равнодушно об этом говоришь?! – Вера Ивановна даже споткнулась от возмущения. – Это же катастрофа! Ты ведь отличница!

Надежда продолжала смотреть новости – теперь рассказывали о нашествии саранчи в азиатских республиках.

– Нет, мам, это не катастрофа... Я тебе даже больше скажу... Я вообще документы из института забрала. Но это тоже не катастрофа. Катастрофа – это когда почти две сотни людей гибнут по чьей-то халатности...

Вера Ивановна в смятении опустилась на диван. Всегда спокойная, доброжелательная и покладистая, дочка выдавала в последнее время такое, чего Вера Ивановна не могла предста-

вить и в страшном сне. А главное, она не понимала, что делать. Пороть? Поздно. Ругать? Бессмысленно. Не пускать в кино или на дискотеку? Неэффективно...

Надежда подошла к маме, села на диван рядом и обняла её. Вера Ивановна безучастно смотрела в одну точку, старательно изображая вселенскую скорбь. Дочь погладила её по плечу.

– Мамочка моя... Какая же ты у меня красивая. Молодая такая... замечательная... Я всё делаю правильно, мам. Вот увидишь! Всё. У нас. Хорошо. А будет ещё лучше...

Вера Ивановна сбросила руку Надежды с плеча, повернула к ней злое лицо.

– Ничего не будет лучше! Я не знаю, что с тобой происходит. Тебя словно подменили! Я тебя не узнаю и не понимаю, чего от тебя ещё ждать. Если ты считаешь себя настолько взрослой, что принимаешь, не посоветовавшись с нами, такие решения, то я умываю руки. Обеспечивай себя сама. Денег ты больше не получишь! Ни копейки!

Вера Ивановна вскочила с дивана и в запале принялась бегать по комнате. Надя, улыбаясь, смотрела на маму с любовью и снисхождением – как на маленького капризного ребенка. А Вера Ивановна никак не могла остановиться:

– Без диплома о высшем образовании у тебя широкие возможности – ты можешь разносить почту, мыть полы в подъезде, устроиться вахтёром на проходную! Да кем угодно! Мы с папой будем тобой гордиться! У нас же все профессии в почёте!

Надежда покачала головой, глядя на разошедшуюся не на шутку маму. Ей было забавно наблюдать, как та всё больше распаляется и пылает праведным гневом. Сама будучи мамой двоих детей в прошлой жизни, Надежда прекрасно понимала, что больше всего на свете маме хочется сейчас обнять её и прижать к себе, но процесс воспитания ещё не окончился.

– Не вижу ничего смешного! Если тебе не нужна профессия, зарабатывай на жизнь сама! И, кстати, будешь отдавать за квартиру свою долю! Вот так! И попробуй всё это объяснить отцу, когда он вернётся из командировки!

Вера Ивановна ушла на кухню и с грохотом закрыла за собой дверь. Тут же оттуда донеслись всхлипывания – слишком громкие и постановочные для того, чтобы быть искренними. Надежда вздохнула, подошла к телевизору и сделала звук громче: под знакомую, хотя и слегка подзабытую мелодию шёл прогноз погоды.

Всхлипывания на кухне прекратились – Вера Ивановна загремела посудой.

– Ну и правильно – война войной, а ужин по расписанию, – улыбнулась Надежда.

Окно было открыто настежь, и комната постепенно наполнилась звуками улицы – от этого Надежда и проснулась. Какое-то время она лежала, изучая потолок, – спешить было совершенно некуда, затем всё-таки поднялась с постели и, наступая на подол длинной ночной рубашки, подошла к календарю. Это был её ежедневный ритуал. Оторвала листок: 1983 год, 11 июня, суббота.

До 20 июля 1985 года было ещё долго, но она до сих пор не решила, станет ли разыскивать Максима в Новосибирске, или постарается провести свою новую жизнь без него. Её любовь к неверному мужу не стала меньше – она по-прежнему чувствовала свою кармическую связь с ним, но боль и обида от измены не отпускали. «Зачем мне искать его? – думала Надежда. – Чтобы снова нарваться?.. Может, Ленка была права – горбатого могила исправит?..».

Она вспоминала их последний вечер, его страсть, нежность, слова, которые он ей шептал, уносясь на вершину блаженства, а потом то смс-сообщение – и не понимала, как можно было так играть.

– Кому же из нас двоих ты врал, Максим? – тихо спросила Надежда у пространства и зажала рот ладонью – в последнее время она ловила себя на том, что всё чаще разговаривает

сама с собой или со своим отражением в зеркале, и это её пугало. – Ладно, я подумаю об этом не завтра, как Скарлетт, а примерно через два года. А сейчас займёмся чем-то более полезным...

Сев за стол, она достала чистую тонкую тетрадь за 2 копейки, ручку. На мгновение задумалась.

– Итак... Не будем терять времени. Пока я при памяти... Что же у нас в стране за это время случилось? И, главное, когда? Хоть бы чего не забыть...

Надежда принялась записывать, вполголоса приговаривая:

– 1984 год – убьют Женьку... Не дай Бог, конечно... 1985 год – перестройка, Горбачёв... Виноградники вырубят... Антиалкогольная компания... 1986 год, конец апреля – Чернобыль... А в августе того же года – «Адмирал Нахимов» – это я точно помню, мы как раз в Сочи отдыхали... 1988-й год – или 89-ый?! Землетрясение в Спитаке... Межнациональные конфликты с большими жертвами в Сумгаите – год не помню... Что ещё?.. 90-ые годы – обмен денег, сгорят все вклады, талоны, ваучеры, бандиты, передел собственности... 93-й год – путч, обстрел Белого дома... «Чёрный вторник»: был точно, а когда – понятия не имею... Или четверг?.. Что-то такое было, «чёрное»... Зато дефолт 17 августа 98-го года помню хорошо. Или 19 августа?.. Нет, 19 августа было что-то другое...

Взъерошив волосы, Надежда вскочила из-за стола и заметалась по комнате.

– Что, что же ещё?! Как плохо без интернета... Кстати, он году в 2000 массово появится – будет легче... А!

Надежда бросилась к столу и схватила ручку.

– Беловежская пуца! Советский Союз развалится! 26 декабря 91-го года! Спасибо Савельевой – хоть одну точную дату запомнила! Хотя... Что с того... Разве я смогу это предотвратить...

Отложив ручку, Надежда посмотрела на тетрадный листок, исписанный меньше, чем на половину

– Да... Не густо. Плохо же мы знаем историю своей страны...

Вырвав листик из тетрадки, девушка сложила его и спрятала в сумку. Она пока не знала, как эти знания смогут пригодиться в будущем. Больше всего на свете ей хотелось сейчас одного: заставить время идти быстрее. Она очень соскучилась по негодю Максу, детям, всей своей прошлой жизни – такой размеренной, удобной и комфортной, но понимала, что её личная история, в отличие от истории страны, вовсе не predetermined. Один шаг не в ту сторону – и её ждёт совсем не та жизнь, о которой она мечтала...

Надежда подошла к окну, отодвинула штору и долго смотрела на улицу образца 1983 года – вдруг поймала себя на мысли, что ей в этом времени неуютно. Такое чувство бывает, когда приезжаешь в любимый уголок детства, где когда-то рос, и удивляешься: деревья, дома и песочница больше не кажутся большими, злая тётенька, гонявшая малышку, оказывается безобидной старушкой-божьем одуванчиком, а вместо «крылатой качели» стоит обрубок ржавой металлической конструкции... Нет больше ярких красок, которыми были наполнены детские годы, – зато есть обшарпанные стены, трещины на асфальте, облупившаяся краска. Наверняка, так было и раньше, но почему-то со всей отчётливостью открылось только взрослому взгляду...

Вздохнув, Надежда задёрнула штору. Нужно было как-то жить.

Июнь в том году выдался жарким. Градусник за окном зашкаливал уже с самого утра, и Надежда достала из шкафа новый сарафан, который накануне сшила сама. Лена Савельева, увидев готовое изделие, схватилась за голову – в её представлении, сарафан должен был выглядеть совсем иначе. Но Надежда скроила его по образу и подобию своих любимых летних нарядов из прошлой жизни, поэтому сейчас с удовольствием надела то, что у неё получилось, –

нечто длинное и воздушное с почти открытой спиной, подчеркивающее тонкую талию и крепкую «нерожавшую» грудь.

Надежда невольно залюбовалась своим отражением – всё никак не могла привыкнуть к юному облику, и сейчас с удовольствием разглядывала девушку в зеркале: свежее симпатичное личико, широко распахнутые глаза без единой морщинки вокруг, чёткий овал, нежная кожа...

– Ой, как же хороша молодость... – прошептала она.

Никогда никакие даже самые чудодейственные средства не превратят 45-летнюю женщину в 18-летнюю, как бы ей того ни хотелось. Но как же тяжело с этим смириться...

Надежде предстоял сегодня ответственный день – устройство на работу, поэтому она так тщательно собиралась. Родители заняли непримиримую позицию – раз дочь ушла из института, то и на жизнь себе должна зарабатывать сама. Надежду это сильно не напрягало – она и не собиралась сидеть дома.

Мама с отцом сходили с ума, не понимая, что творится с их ребёнком, и почему дочь не стремится получить высшее образование. Надежда могла бы им объяснить, что очень скоро наступят времена, когда диплом перестанет иметь такое уж большое значение, – квалифицированные учителя, инженеры и технологи, чтобы выжить, кинутся в рыночную торговлю; вчерашние отличники и умницы будут еле сводить концы с концами, а самые ушлые двоечники и троечники станут миллионерами, прикупив себе впоследствии каких угодно диссертаций и высоких научных званий.

Надежда могла бы рассказать родителям, что любое «высшее образование» можно будет получить в подземном переходе за пять минут, но вряд ли её слова они восприняли бы всерьёз. Сама Надежда в прошлой жизни стала хорошим журналистом, будучи по специальности учителем русского языка и литературы, и за все годы работы её красный диплом ни разу никому не понадобился – так и пылился где-то в коробке среди документов вместе со старым комсомольским билетом и свидетельством об окончании 8 класса...

Сейчас она шла искать работу с единственной целью – чтобы убить время и не брать деньги у родителей, когда придёт время покупать билет до Новосибирска... В том, что это рано или поздно случится, она уже почти не сомневалась – с каждым днём тоска по мужу становилась сильнее, ей снились их самые счастливые моменты – она просыпалась вся в слезах и тихо потом выла в подушку, раздираемая тоской и вполне определёнными желаниями. Но до встречи с Максимом было ещё далеко...

Первым предприятием, расположенным недалеко от дома, оказался мукомольный комбинат. На проходной Надежда увидела мощную тётку в синем рабочем халате, присыпанном мукой.

– Извините, можно вас на минутку? – тронула она женщину за рукав.

– Ну? – не очень любезно отозвалась та.

– Скажите, нет ли у вас здесь какой-нибудь вакансии? Мне работа нужна...

Скептически оглядев хрупкую фигурку юной девушки в красивом сарафане, тётка довольно грубо заявила:

– Да какая тут для тебя может быть вакансия? Тебя ж мешком с мукой пришибёт! У нас тут знаешь, какие работают? Я против них сушная Дюймовочка! Так что иди, давай! Не мешай работать!

Женщина развернулась и ушла за проходную, а Надежда осталась стоять, растеряно оглядываясь по сторонам. Не то чтобы сильно расстроилась из-за того, что её так нелюбезно отшили, но вообще-то она рассчитывала найти работу побыстрее...

Вахтёр, бодрый мужчина предпенсионного возраста, подошёл к ней и, приобняв, слегка ущипнул за бок. Надежда удивленно посмотрела на плюгавого ловеласа и брезгливо отстранилась.

– Что, красавица, работа нужна? Так ты не там ищешь! Надо тебе в отдел кадров обратиться! Там четыре старые крысы сидят, но, может, что-то тебе и подыщут... У нас тут такая текучка! Молодые не задерживаются – эти жабы их просто сжирают. Глазу зацепиться не за кого! А ты вон какая фактурная...

Вахтёр снова уцепился Надежду за бок, и она поморщилась – всё-таки у женщин более старшего возраста есть одно неоспоримое преимущество: они ограждены от домогательств подобного рода субъектов. Правда, не очень приятно, когда тебя при этом за глаза называют крысой или жабой... И кто? Какой-то старый козёл!

– Спасибо, а куда идти? Я, пожалуй, попробую узнать...

Надежда отошла подальше от нахального вахтёра, но тот быстро её догнал и вроде бы в шутку обнял, жадно шаря потной рукой по обнаженной спине, а потом потащил куда-то по длинному тёмному коридору без единого окна с множеством дверей.

– Без меня не найдешь... это здесь... Уже рядом... Ох, какая же ты манкая...

Мерзкий мужик сильно прижал Надежду к себе, явно намереваясь дотянуться трясущейся рукой до её груди. Пришлось вспомнить уроки самообороны, которые давал когда-то Максим: она изо всех сил стукнула вахтёра локтем под дых, а когда тот согнулся, хватая ртом воздух, грациозно подняла двумя руками подол длинного сарафана и ногой в босоножке на тяжелой платформе заехала сластолюбцу в пах.

Не дожидаясь реакции, распахнула дверь с табличкой «Отдел кадров» и вошла, оставив корчившегося и шёпотом исторгающего проклятия вахтёра в коридоре.

В небольшом кабинете еле поместилось четыре стола, за которыми шуршали бумагами женщины пост-бальзаковского возраста. Надежда обозначила их для себя как Худая, Толстая, Декольте и Бабетта. Все четверо с неприязнью уставились на красивую молодую девушку, смущённо поправляющую растрепавшиеся светлые волосы.

– Здравствуйте... – сказала Надежда. – Я насчет работы. Может быть, у вас что-то есть... Какая-нибудь вакансия...

– Возраст? Образование? – презрительно скривила губы Худая.

– 13 августа исполнится восемнадцать лет... Образование – незаконченное высшее. Я один курс в пединституте почти отучилась...

– Значит, никакого. Боюсь, девушка, ничем не могу вас порадовать. Образования нет, лет всего семнадцать...

– Так через два месяца уже восемнадцать...

– Вот именно, – сказала Толстая, обмахиваясь картонной папкой с завязками. – Молодая ещё. Учиться тебе, милочка, надо. Или институт кончать, или хоть ПТУ какое-нибудь – на повара там выучиться, на машинистку. А то как же – совсем без образования? Кому ты нужна? Сама подумай...

– Так получилось... – потупила взгляд Надежда, пытаясь скрыть улыбку. – Но я могу быть помощником руководителя... Секретарём. У меня грамотность хорошая...

– Сказали же – нету ничего! – раздраженно бросила Худая. – И вообще, у нас сейчас обед!

– Грамотность у неё... – проворчала Бабетта. – Много вас таких, грамотных...

– До свидания... – кротко произнесла Надежда, выходя в коридор. – Извините за беспокойство... Приятного аппетита...

Прислонившись спиной к стене у кабинета, она беззвучно рассмеялась – слишком хорошо знала подобный тип женщин, которые лет по тридцать работают в одном замкнутом пространстве, вместе стареют, а потом ревниво охраняют свою территорию от молодых конкуренток. Было бы самоубийством попасть в такой коллектив – впрочем, чем моложе и красивее была претендентка на место, тем меньше у неё оставалось шансов пройти «фейс-контроль» и устроиться на работу. Хотя тогда такого слова – «фейс-контроль» – ещё не знали...

Из-за неплотно прикрытой двери было хорошо слышно, что происходит в кабинете, и Надежда не отказала себе в удовольствии послушать, как ей перемывают косточки.

– А может, зря девку-то отшили? – спросила Бабетта, пудря жирный нос. – С виду такая приличная... Вальку как раз уволили – пусть бы на её место и шла.

– Ага! Счас! – возмутилась Декольте. – Вальку за что уволили? За то, что шуры-муры с начальством крутила! Взяли на свою голову! Так той уже за тридцатник перевалило, и страшная, как моя жизнь, а тут красавица! Чтоб на месте Вальки в приёмной сидела? И что с нашим Пал Иванычем будет?! Да и не только с ним... Передерутся тут все!

– Всё правильно, – сказала Худая. – А мне потом с женой Пал Иваныча объясняться. Она меня за Вальку чуть в гроб не уложила. Мол, где мои глаза были. Спасибо – я ещё пожить хочу...

– Да она только притворяется бедной овечкой! Вы видели, какой у неё сарафан? Импортный! Значит, на это деньги есть! – возмутилась Декольте.

– Если бы у меня была такая фигура, у меня бы тоже деньги были, – скривила губы Бабетта.

Толстая достала из стола огромный бутерброд с колбасой и пробормотала, прицеливаясь, с какой стороны лучше откусить:

– Пусть девочка сначала выучится, а потом приходит. У нас тут не богадельня...

– И не публичный дом... – поставила в разговоре точку Бабетта, посплюнявив во рту чёрный карандаш и жирно подводя глаз.

Надежда на цыпочках отошла от двери – ей ещё предстояло преодолеть препятствие в лице вахтёра, которого она оставила не в лучшем состоянии. Однако, на удивление, тот тихо, как мышка, сидел за столом и даже не посмотрел в сторону девушки, когда та проходила через «вертушку».

Обрадованная Надежда выскочила за территорию мукомольного комбината и мысленно перекрестилась – она не знала, что больше всего на свете подкаблучник-вахтёр боялся женщин, которые без тени сомнения могут заехать мужику куда угодно. Такая жена была у него самого – за свои многочисленные похождения вахтёр был бит нещадно и многократно, и хоть коситься на сторону с годами не перестал, женского рукоприкладства опасался. Если бы смазливая девица принялась ругать, увещевать или стыдить старого похабника, то нарвалась бы на ответную агрессию. Получив же «в рог» (точнее, по причинному месту), отвергнутый «казанова» привычно успокоился. Именно таким способом верная супруга обычно приводила его в чувство...

Следующим пунктом, куда отправилась Надежда, была её родная школа. Она понимала призрачность своего желания устроиться сюда на работу в период экзаменов, но было просто интересно – под каким предлогом откажут ей здесь.

Надежда ожидала, что вид школы, которую она когда-то окончила, вызовет в ней какой-то особенный трепет, но этого не случилось. Может быть, потому, что школа оказалась именно такой, какой она её запомнила, – полное ощущение, что это случилось не почти 30 лет назад, а вчера! Впрочем, это ведь был 1983 год – со школой она действительно распрощалась почти вчера...

Пройдя по непривычно пустым гулким коридорам, Надежда дошла до приёмной. Там сидела смутно знакомая женщина с «фигой» на затылке из гладко зачесанных волос. «Да это же Гуля! – поразила Надежда. – Надо же, а я её совсем забыла...».

Гуля – Галина Петровна – была бессменным секретарём директора школы, и ученики от первого до десятого классов боялись её больше, чем самого директора. И вот теперь Гуля собственной персоной восседала за столом в приёмной и волком смотрела на Надежду поверх очков.

– Никольская? – сквозь зубы процедила Гуля. – Какими судьбами?

– Здравствуйте, Гу... Галина Петровна! – бодро ответила Надежда, но голос предательски дрогнул. – Вот, работу ищу... Подумала – может, в родной школе что-то будет... Например, лаборанткой в кабинет химии... или физики...

Галина Петровна сняла очки и удивлённо уставилась на девушку – в её глазах мелькнуло что-то человеческое.

– Ищешь работу? А что случилось? Ты же, если мне не изменяет память, учишься в педагогическом?

– Училась... Мне пришлось уйти.

Галина Петровна моментально потеряла к недавней выпускнице всяческий интерес, надела очки и отвернулась.

– Значит, зря тебя тянули на серебряную медаль... Сейчас работы точно нет. Экзамены пройдут – и всё. С 1 сентября сможешь устроиться техничкой. Но не факт. В общем, вряд ли я смогу тебе чем-нибудь помочь...

Гуля приняла деловой вид, давая понять Надежде, что разговор окончен. Та ещё немного потопталась на пороге и вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

– Спасибо, что не отказали, – пробормотала она.

В запасе оставался ещё один вариант – в непосредственной близости от дома. Всё-таки ездить в общественном транспорте куда-нибудь на другой конец города очень не хотелось...

Уже через четверть часа девушка сидела в кабинете заведующей почтовым отделением и с надеждой смотрела на усталую, словно потёртую женщину без возраста – ей с одинаковым успехом можно было дать как тридцать лет, так и пятьдесят. Та задумчиво теребила в руке карандаш.

– А не сбежишь? – спросила заведующая недоверчиво, разглядывая Надежду. – У нас такая текучка! Не хотят женщины почтальонами работать. Устроятся, неделю поработают – и увольняются. Видите ли, рано вставать. Ну да, рано, не спорю – в шесть утра надо уже здесь быть, почту раскладывать. Потом разнести. Так зато полдня – и свободна, можно ещё хоть на две работы устроиться...

Надежде уже порядком надоело обивать пороги в поисках работы. Ноги в так называемых «колодках» ныли – босоножки на высоченных каблуках с заклёпками на цельновыточенной платформе, которые ваяли подпольные грузинские цеховики, действительно напоминали этот вид средневековой пытки...

– Я готова! Меня всё устраивает! Только возьмите...

– Ох, не знаю... – продолжала сомневаться заведующая. – Чувствую, что и ты не удержишься. Но деваться некуда – работать некому. Давай, оформляйся – и завтра к шести утра приходи...

Девушка облегчённо вздохнула.

Звонок будильника прозвенел, как набат. Надежда ошарашено открыла глаза. В комнате было темно – солнце ещё не успело как следует подняться над горизонтом и пробиться сквозь плотные шторы. Постепенно в голове прояснилось: пора на работу. Она уже два месяца разносит почту в своём районе, но так и не привыкла к ранним подъёмам...

Не раскрывая глаз, девушка села в постели и со стоном принялась раскачиваться из стороны в сторону.

– Господи, я же сова... – прошептала она страдальчески и с трудом открыла глаза.

Потягиваясь, Надежда встала с постели и привычно подошла к календарю. Оторвала листок, посмотрела на дату – 1983 год, 12 августа, пятница.

– Завтра день рождения... 18 лет... А реально – уже 45. Жуть...

Распахнула шторы, впустив в комнату рассвет, подошла к зеркалу и придирчиво себя осмотрела.

– Для 45-ти я выгляжу совсем неплохо... Даже при таком освещении...

Надежда на цыпочках пробралась через проходную комнату, которая служила спальней родителям. Те сделали вид, что спят, – мама так и не смирилась с тем, что дочь ушла из института и разносит почту, и постоянно «накручивала» мужа. Николай Васильевич уже давно успокоился на тот счёт, что наследница останется без высшего образования, потому что, по его твёрдому убеждению, для девчонки главное не диплом, а свидетельство о браке, но ссориться с женой не хотел и старательно делал вид, что продолжает сердиться.

Когда Надежда скрылась в коридоре, Николай Васильевич осторожно выскользнул из постели и, как был, в майке и семейных трусах, посеменил за дочкой. Вера Ивановна демонстративно отвернулась к стенке и накрыла голову подушкой мужа.

В маленькой прихожей Надежда, присев, застёгивала босоножки на плоской подошве – бегать на каблуках по подъездам было тяжело. Николай Васильевич суетливо достал из кармана своего пиджака, висящего на вешалке, кошелек, оттуда – червонец и с виноватым лицом протянул деньги.

– Доча, ты это... – прошептал он, косясь на дверь. – Купи себе подарок на день рождения... Мама ещё дуется – не обращай внимания. Ты ведь её знаешь – она очень переживает... Мы так мечтали, что хоть ты кончишь институт, будет у тебя высшее образование. Нам-то не удалось... А оно, видишь, как вышло. Ну... возьми...

Надежда поднялась, взяла деньги и крепко обняла отца.

– Спасибо, пап... Я вас с мамой очень люблю, папулечка-роднулечка... Не могу всего объяснить, но поверь – всё будет хорошо и у меня, и у вас. А высшее образование – это не главное. Я и так у вас шибко умная. Не по годам...

Николай Васильевич с сомнением покачал головой и погладил Надежду по пышным волосам. Дочь, конечно, и умная, и красивая, но с таким «багажом» всех женихов распугает. А в её положении сейчас вариант только один – быстрее выйти замуж...

В маленькой комнате, куда сгружали корреспонденцию, Надежда сидела за столом спиной ко входу и сортировала почту. Газет выписывали ещё много, бывало, по две-три на квартиру, плюс журналы, да и писем с открытками и извещениями на посылки и бандероли хватало, так что Надежда работала сноровисто, чтобы успеть разнести всё по холодку.

Вот опять письмо Наташке Вакуловой от какого-то уголовника из тюрьмы – иногда «заочница», измученная мать троих детей, зачитывала Надежде вслух самые, на её взгляд, красивые места из его посланий: «Я беру в руки конверт с твоим письмом и, ещё даже не открывая, целую его горячими губами... Представляю, как, склонившись вечером после трудного рабочего дня над столом, уложив спать детей, ты своими маленькими нежными пальчиками держишь ручку и пишешь мне – пока ещё не знакомому тебе романтику... Я вдыхаю твой запах, который остался на бумаге и уже стал мне родным, и представляю нашу встречу... Жду тебя, далёкая моя, близкая моя... Не забудь взять хороших сигарет, мятных пряников и пару пачек чая...».

А Нине Семёновне опять ничего нет – сын пятый год рыбачит где-то на Камчатке, не приезжает и почти не пишет. Мать уже все глаза выплакала и каждое утро старается перехватить почтальонку у подъезда, с надеждой заглядывая ей в лицо.

«Вот же гад, – думала Надежда о сыне Нины Семёновны. – Неужели трудно хоть открытку матери прислать?..»

Девушка ловко вкладывала корреспонденцию между первой и второй страничками сложенной вчетверо газеты с той стороны, где написан адрес. Знала, какое это счастье: достать из

ящика газету, что-то там нащупать, осторожно заглянуть внутрь – и увидеть письмо... А то и не одно – вон, красавчику Игорьку из пятого подъезда чуть ли ни каждый день письма от девчонок со всей страны приходят. И где он с ними только знакомится в отсутствие интернета?..

А это что такое? Надежда держала в руках конверт, где была указана фамилия Жени Богомазова и его адрес. Вместо обратного адреса – казённый штамп: военкомат Левобережного района города Воронежа.

Показалось, что сердце на мгновение перестало биться, а потом направило поток крови в голову – в висках застучало, стало трудно дышать. Осторожно оглянувшись по сторонам, Надежда спрятала конверт на самом дне своей безразмерной сумки. Женька никогда не получит эту повестку – чего бы ей это ни стоило...

Надежда поочередно заходила в подъезды, быстро раскладывая почту по ящикам. Про кодовые замки никто ещё и не слышал, поэтому работа спорилась. Нина Семёновна, как обычно, ждала её на лавочке. Получив газету «Гудок» и журнал «Здоровье», она вопросительно посмотрела на девушку – та молча покачала головой. Старушка тяжело вздохнула, смахнула набежавшие слёзы.

– Не дождусь я его, наверное... сыночка своего. Даже похоронить будет некому...

– Не выдумывайте, Нина Семёновна! – преувеличенно бодро воскликнула Надежда. – Вы же сами понимаете – это Камчатка. Письма оттуда долго идут.

– Ага, сами идут... Своими ногами... Нет, дочка, он просто меня забыл. Сыночек мой... Ну, лишь бы был здоров. А я уж тут как-нибудь... Соседи, если что, похоронят. У меня уже всё наготовлено...

Нина Семёновна, сникнув, зашла в подъезд, а у Надежды сжалось сердце. В будущем всё станет намного проще: у всех мобильные телефоны, электронная почта, скайп... А ещё социальные сети, блоги. «Потеряться» совершенно невозможно – если только сам человек этого не захочет. Да и то – «вычисляются» такие на раз-два. Ей бы сейчас эти возможности – уже давно бы неблагодарного сыночка Нины Семёновны на чистую воду вывела. А так она даже адреса не знает, чтобы отослать ему письмо и как следует отчитать за мать...

Надежда присела на скамейку, перебирая содержимое своей почтальонской сумки. Нашупала на дне повестку из военкомата – и выдернула руку, словно обожглась.

Из-за угла дома появились загорелые до черноты Лена и Женя, которые вдвоём с трудом тащили огромный старый чемодан, перевязанный бечёвкой. Увидев Надежду, Лена бросила чемодан и припустила во всю прыть к подруге, оставив Женю одного. Тот устало вытер тыльной стороной ладони пот со лба.

– Всё, – сказал Женя. – Я приехал, а вы как хотите...

Надежда, раскинув руки, ждала, пока на неё, как вихрь, налетит с поцелуями и объятиями Лена. Они засмеялись, закружились, чуть не свалившись, затем Лена плюхнулась на скамейку и утащила за собой Надежду.

– Надюшка! Господи, я тебя не видела с самого начала лета – как мы Курилова «сделали», а ты документы из института забрала! Ты знаешь, что его выгнали со скандалом? Девчонки как повалили в деканат! Такого про него понарасказывали! Жуткий тип оказался – никому из студенток прохода не давал, специально на экзаменах валил, чтобы потом «натурой» отработывали! Но все молчали, боялись жаловаться. В общем, тью-тью наш Рома! И всё благодаря тебе!

– Без тебя я бы не справилась, – улыбнулась Надежда. – Это была наша совместная операция... Как вы, Ленчик? Как отдохнули? Такие загорелые...

Подошёл, с шумом волоча по земле чемодан, Женя, звонко чмокнул Надежду в щеку.

– Привет рабочему классу! А мы вот бездельничаем... Решил Ленку перед армией выгулять как следует. Ну, и самому сил набраться... Знаешь, как мы шикарно отдохнули?!

Надежда крепко обняла Женю, потом отстранилась и посмотрела на него долгим взглядом.

Женя смущённо улыбнулся – мол, ну да, это я.

– Женька... – прошептала Надежда. – Какой же ты классный... Я так рада за вас с Ленуськой...

Лена в это время трещала без умолку, роясь в своей сумке.

– А мы только с поезда – в Крыму были, в Евпатории. Почти два месяца! Снимали комнату у одной бабушки недорого – она нам как родная стала! Закормила просто! И денег под конец уже не брала! Мы её на свадьбу пригласили! Через два года, как только Женька из армии вернется, да, Жень?

– Ага, только она сильно переживала, что не доживёт, – улыбнулся Женя. – Но мы с неё слово взяли! Она тогда сказала: «Васеньку своего с фронта не дождалась, так хоть тебя, Женечка, дождусь».

– О! – воскликнула Лена, что-то найдя, наконец, в сумке. – Это тебе! Сувенир!

Лена вручила Надежде коробочку и чмокнула её в нос.

– Дома раскроешь! Тебе понравится!

Надежда взяла коробочку, повертела в руках. Она знала, что там, – в прошлой жизни в ту поездку в Крым они ездили вместе, и тогда им с Леной очень понравились камушки с надписью «Евпатория-1983», которыми на всех углах торговали ушлые жители курортного городка.

«Такая память останется – на всю жизнь!», – восхищалась Лена, которая впервые попала на море. Они договорились купить себе одинаковые поделки и сохранить их – между прочим, Надежде это удалось, а вот Лена свой сувенир где-то посеяла. Конечно же, сейчас Лена привезла ей такой камушек – Надежда даже не сомневалась...

– Только обещай, что не потеряешь! – напутствовала Лена подругу. – У меня тоже такой есть! Пусть будут одинаковые – на память...

– Да ты сама не потеряй, – вздохнула Надежда. – Я-то точно не потеряю...

Женя прижал к себе Лену, поцеловав её в выгоревшую на крымском солнце макушку. Надежда смотрела на влюблённых с болью – в её сумке уже лежал для Жени билет в один конец, и она понимала, что времени на раздумья больше нет...

Лена увидела, как изменилось лицо подруги, и протестующе замахала руками:

– Вот только не надо нам опять этих кошмаров! Мы всё решили – Жене нужна армия, чтобы потом с гарантией поступить в институт! Поэтому даже не начинай – слушать не будем!

Надежда молчала – она собиралась с мыслями.

– Ну, раз так... – наконец, сказала она. – А вы помните, что у меня завтра день рождения?

– А ты думаешь, почему мы так рано приехали?! – засмеялась Лена. – Причём с подарками! Даже крымского вина привезли! Так что гуляем, подруга! Какие будут предложения?

Надежда делано равнодушно пожала плечами.

– Давайте на природе отметим? Только мы втроем. Никого не хочу видеть. Родители ещё никак не успокоятся, что я из института ушла, поэтому дома не вариант. В кафе тоже неинтересно. Хочу в лес, к речке, с ночёвкой... Вы как?

– Мы – за! – воскликнул Женя. – Погода шикарная, я удочку возьму. Отличная идея! Палатку у отца попрошу...

– А я – как вы, – добавила Лена. – Мне всё равно – лишь бы вместе.

– Палатку – это хорошо. Предлагаю – как в школе: приготовить что-нибудь с тушёной на костре. Например, гречку... Забытый вкус детства...

– Ну, не такой уж и забытый! – засмеялся Женя. – Последний раз мы в лесу трескали макароны с тушёной перед выпускным, всего год назад. Неужели забыла?

– Ты знаешь, забыла... – грустно развела руками Надежда и взялась за свою сумку. – Ладно, идите – вы же с поезда. Завтра буду вас ждать на остановке в три часа. Пока доберёмся, пока расположимся, костёр разведём...

– Как раз на вечерний клёв попадём! – обрадовался Женя. – Может, ещё и с рыбой повежёт. Тогда до завтра! С наступающим, именинница!

– Ты что, раньше времени не поздравляют! – одёрнула его Лена. – Вот завтра и поздравись...

Лена и Женя тепло попрощались с бывшей одноклассницей и ушли, волоча чемодан. Надежда дождалась, пока друзья скроются за углом дома, достала из сумки повестку из военкомата и, не раздумывая, решительно порвала конверт на мелкие кусочки, бросив обрывки в урну. Посмотрела на часы, вздохнула и направилась в подъезд. Она всё для себя решила, и больше ничего не имело значения.

На полу в «детской» лежал старенький рюкзак, рядом были разложены вещи: тёплый свитер, одеяло, кружка, ложка, миска, котелок, спички, «аптечка», две банки тушёнки. Надежда, проскользнув в комнату и плотно закрыв за собой дверь, достала из-под полы халата остро наточенный туристический топорик, старательно завернула его в газету и спрятала среди вещей, прикрыв свитером. Открыла шкаф и принялась там рыться – что-то нащупала в углу, достала бутылку водки.

– Папа, прости... Случайно узнала про твою записку... Но мне сейчас нужнее.

Только она собралась спрятать бутылку на дно рюкзака, как в дверь постучали – и сразу же вошли очень смущённые Николай Васильевич и Вера Ивановна. Надежда еле успела закидать водку вещами.

– Надя, дочка... – теребя пуговицу на халате, сказала мама. – У тебя завтра день рождения... И мы не хотели бы омрачать такой день... Давай ты расскажешь, почему всё-таки бросила институт, о своих дальнейших планах. А мы постараемся как-то... понять... найти выход. Помочь, в конце концов...

– А завтра вместе отметим твой день рождения! – преувеличенно бодро воскликнул папа. – Стол организуем, шампанское откроем! Мы и бутылочку припасли по такому случаю...

Тут Николай Васильевич обратил внимание на кучу вещей на полу и добавил растеряно:

– Или у тебя другие планы?..

Надежда застыла в смятении. Она заметила, что из-под кучи вещей предательски торчит лезвие топорика, которое пропороло газету, и постаралась встать так, чтобы родители ничего не заметили.

– Мне не о чем с вами разговаривать! – резко бросила она, стараясь оттеснить родителей подальше от вещей. – Мне завтра 18 лет исполняется, у меня давно есть паспорт, а вы ко мне относитесь, как к ребёнку несмышлёному! Если я решила забрать документы из института, значит, у меня на это были веские основания! И надо это просто принять, а не устраивать бойкот! А теперь я самостоятельный человек, сама зарабатываю на жизнь, отдаю вам деньги за питание и квартиру – и меня это устраивает! Извините – у меня на завтра действительно другие планы!

Николай Васильевич и Вера Ивановна в недоумении уставились на дочь. Надежда видела, как у мамы глаза наполнились слезами, а у папы бессильно опустились руки, и ненавидела себя за то, что вынуждена причинять боль своим любимым родителям, которые искренне за неё переживают. Но другого выхода не было – ей крайне необходимо завтра уехать за город и сделать при этом всё возможное, чтобы лёгкие на подъём родители не надумали составить им с Леной и Женей компанию, как это часто бывало раньше. То, что она задумала, не предполагало лишних глаз...

Вытеснив родителей за дверь, Надежда захлопнула её за собой, прислонилась спиной к стене и беззвучно зарыдала.

– Папулечка-роднулечка, мамулечка-красотулечка, простите меня... – прошептала она сквозь слёзы. – Так надо... Если я этого не сделаю сейчас, никогда себя не прощу...

По лесной тропинке гуськом шли Женя, Лена и Надя, которая тащила ещё и котелок, не поместившийся в рюкзак. Все трое – в одинаковых, уже порядком застиранных футболках с надписью «Олимпиада-80», девушки – в коротеньких шортиках, Женя – в спортивных штанах. На ногах у всех были кеды, и Надежда, уже через полчаса натерев ногу до кровавого волдыря «недышащей» резиной, не переставала удивляться, как в такой обуви можно было не то что ходить и бегать, а ещё и рекорды ставить.

– Вырядились... – ворчал Женя, то и дело оглядываясь на подруг. – Комары ведь сожрут... Разве можно в лес в шортах идти... А если холодно ночью будет? Не май месяц всё-таки...

– Что он там бубнит? – спросила Надежда, которая шла последней. – Я не слышу.

– Не обращай внимания! – отмахнулась Лена. – Он таким занудой иногда бывает!

И громко, чтобы слышал Женя, добавила:

– Говорит, какие мы с тобой красавицы в этих шортах! Хоть сейчас на дискотеку!

– Все бы им по дискотекам скакать... – продолжал вполголоса ворчать Женя. – Не накались ещё... А как комары жрать начнут, будут с меня штаны стягивать... А они у меня одни, между прочим...

Лена многозначительно оглянулась на подругу, обе прыснули от смеха. Лена показала в спину Жене язык и громко спросила:

– А одеколон «Гвоздика» для чего?! Первое средство от комаров! Так что не волнуйся за свои штаны!

– Додумались, что взять... – пробурчал Женя про себя. – У меня на этот одеколон аллергия, так что можете сами мазаться своей «Гвоздикой» сколько угодно, а штаны я не отдам...

– Да что он там всё время бухтит?! – спросила Надежда у Лены, на ходу поправляя то и дело сползающий рюкзак.

– Не обращай внимания! – ответила Лена беспечно. – Это его любимое занятие! Я уже привыкла...

Друзья вышли на поляну на берегу небольшого живописного озера. Там уже было оборудовано кострище. Все радостно скинули рюкзаки и упали на душистую траву.

– Слава Богу, нашли... – потянулся всем телом Женя. – А я уже переживал, думал, что заблудились. Мы тут год не были, да, Лен?

– Ровно год... – мечтательно пробормотала Лена, глядя куда-то в небо. – Ты помнишь?..

– Конечно, помню... – с нежностью ответил Женя. – Поэтому сюда вас и привёл...

– На наше место... – смутилась Лена, а Надежда улыбнулась: этот «секрет» своей лучшей подруги она, конечно же, знала...

– Ладно, хватит валяться – скоро солнце сядет, а кто-то мечтал попасть на вечернюю зорьку! – бодро скомандовала она и принялась выкладывать вещи из рюкзака. – Есть хочется – аж переночевать негде!

Лена с Женей переглянулись и засмеялись.

Все развили бурную деятельность: Женя натягивал палатку, Надежда и Лена в это время собирали хворост для костра; потом Лена набрала воду в котелок, а Надежда, расстелив у кострища одеяло и покрыв его импровизированной скатертью, выложила продукты – тушёнку, гречку в бумажном пакете, лук, огурцы, помидоры, зелень. Из своего рюкзака Лена достала печенье, чай в начатой пачке «Три слона», помятую коробку конфет «Ассорти»... Надежда не

удержалась, вскрыла упаковку и отправила конфету в рот – вкус у шоколада оказался совсем другим. Хотела взять ещё одну, но Лена шутливо стукнула её по руке:

– Нечего аппетит перебивать! Успеешь ещё!

Надежда покорно вздохнула и принялась нарезать овощи, выкладывая их, как на блюдо, на коричневую обёрточную бумагу. Время одноразовой посуды ещё не наступило, а тащить с собой лишний груз никто не захотел...

Женя развёл костер, быстро вырезал из толстых веток рогатины для котелка и поставил его на огонь. Лена сунула ему в руки тушёнку и нож – Женя ловко открыл банку, затем другую. После этого Лена нарезала душистый чёрный хлеб, расставила алюминиевые миски и кружки, разложила ложки.

Друзья делали всё слажено и споро, почти не разговаривая, – словно всю жизнь только этим и занимались. Они действительно понимали друг друга с полуслова – Надежда очень давно не чувствовала себя так комфортно. Конечно, с Леной им всегда было хорошо вместе – и в юности, и в более позднем возрасте, но она совсем забыла то время, когда лучшая подруга была по-настоящему счастливой, – и сейчас наслаждалась каждым мгновением. Знала: если Женя уйдет в армию и там погибнет, она больше никогда не увидит этих искрящихся глаз Лены, не услышит её звонкого радостного смеха, не проникнется бесшабашной весёлостью, ведь лучшая подруга так никогда до конца и не оправится от удара...

Женя смастерил половник – к ложке прикрутил бечёвкой длинную палку. Когда вода в котелке закипела, Надежда высыпала туда гречку и вывалила тушёнку из банок. Всё это аппетитно забулькало, над поляной поплыл одуряющий запах. Прикрываясь рукой от огня, Надежда помешивала половником варево. Лена стояла рядом и внимательно следила за процессом.

Удостоверившись, что будущий ужин находится в надёжных руках, Женя разложил снасть и достал из рюкзака консервную банку с червями, замотанную в газету.

– Что-о-о? – притворно возмутилась Лена. – Ты это нёс вместе с продуктами?! А если бы я подумала... Я бы подумала...

– Ну что бы ты подумала? – улыбнулся, нанизывая червяка на крючок, Женя. – Это всего лишь червяки. Их ни с чем не спутаешь...

– Червяк – он и в Африке червяк, – мимоходом заметила Надежда, не отвлекаясь от котелка.

– Ох, Надюха, откуда ты это всё берёшь! – всплеснула руками Лена. «Червяк – он и в Африке червяк!». Первый раз такое слышу! Смешно...

– Скоро ещё и не такое услышишь, – махнула рукой Надя.

Женя подошёл к воде, закинул удочку. Лена принялась вертеться на берегу рядом, мешая Жене, но тот невозмутимо продолжал удить, не обращая на любимую девушку никакого внимания. Вдруг поплавок дрогнул.

– Клюёт! – закричала Лена. – Клюёт – тяни!

Надежда бросила половник и тоже подбежала к рыбакам. Женя с трудом что-то тащил из воды – удилице изогнулось, леска натянулась.

– Давай, давай! Тащи! Там что-то большое! – кричала Лена.

– Да вижу, что не маленькое, – пыхтел Женя. – Не мешай...

– Кажется, это зацеп... – со знанием дела предположила Надежда – они с Максимом часто ездили на рыбалку, и жена участвовала в процессе не с меньшим азартом, чем любимый супруг.

Лена удивлённо уставилась на подругу.

– Что-что это? – переспросила она. – Ты-то откуда такие слова знаешь? Вроде бы дядя Коля у вас не рыбак...

– Папа – не рыбак, – согласилась Надежда. – Но у меня были и другие знакомые мужчины, кроме папы...

Лена возмущённо всплеснула руками и только хотела что-то сказать, но в этот момент Женя изо всех сил дёрнул удочку – леска натянулась, как тетива, и из воды на огромной скорости выскочил старый размокший ботинок, зацепившийся за крючок. Женя, не ожидавший этого, плюхнулся на землю, а ботинок, описав дугу, прилетел прямо Жене в голову – Лена и Надя еле успели пригнуться. Женя упал на спину и захохотал. По его лицу стекала вода. Мокрая сморщенная обувка валялась рядом.

– Вот это улов! – Женя сел, вытер рукавом лицо и взял в руки старый ботинок. – Чур, мне верхняя часть!

– А нам что – подошва?! – подхватила Лена. – Вот уж нет! Я бы ещё согласилась на шнурки, как Чарли Чаплин, но этого деликатеса тут нет. Плохой ты рыбак, Женька! Придётся есть гречку с тушёной...

– А я что? Я не против!

Женя поднялся, осмотрел снасть – крючок погнулся и больше для рыбной ловли не годился. Досадливо крикнув, парень принялся сматывать удочку. Лена двумя пальцами взяла ботинок и потащила его к костру.

– Подсохнет – сожжём. Нечего водоёмы засорять...

Надежда закусила губу – время уходило, нужно было действовать...

– Как водичка? – спросила она. – Купаться будем?

– Водичка класс, но купаться вряд ли будем, – поёжился Женя. – Ночи уже холодные.

– Что, даже ножки слабо помочить? – поддела друга Надежда.

– Мне слабо? – отмахнулся Женя. – Не смейся! Я могу и весь окунуться – только зачем?

– Нет, весь не надо – ты по колено в воду зайди, дно проверь, – не отставала Надежда.

– Надюх, ну зачем? Разуваться, потом на мокрые ноги носки натягивать... Неохота...

– Ну, Женечка... – заканючила Надежда. – Ну ради меня... В честь дня рождения...

В это время подошла Лена и поддержала подругу:

– Правда, Жень! А вдруг вода ещё теплая? Мы тогда с тобой ночью сможем голые искупаться! В лунной дорожке! Да, Надь?

– А я при туг чём?! – засмеялась Надежда. – Ладно, так и быть, сделаю вид, что сплю... Ну как, Жень? Рискнешь?

– Вы меня заманали обе! Почему бы вам самим в воду не залезть?

– Ты что?! – возмутилась Лена. – А придатки?! Вдруг вода всё-таки холодная!

– Ну, руки суньте! – не сдавался Женя. – Какая вам разница?

– Нет, так мы ничего не почувствуем, – проявила настойчивость Надежда. – Руки к холоду привычные. Надо или целиком окунуться, или хотя бы по колено...

– Вы надо мной издеваетесь... – простонал Женя, бросая удочку. – Но весь окунаться не буду – даже и не уговаривайте...

Женя снял кеды и носки, подвернул спортивные штаны и осторожно вошёл в воду. Надя и Лена восторженно закричали, захлопали в ладоши и принялись прыгать по берегу. Женя удалялся от берега, щупая дно.

– Да вроде нормально, – пробормотал он. – Даже приятно, я бы сказал. Не скользко, не противно...

Словно случайно Надежда поддела ногой кеды Жени – и те вместе с носками оказались в воде.

– Ой... – сказала Надежда. – Я не хотела...

Женя, который отошёл уже довольно далеко от берега, оглянулся и увидел, что Надежда и Лена палками пытаются достать из воды его обувь. Женя с угрожающим видом двинулся обратно, и подружки с визгом помчались к лесу.

Женя схватил свои кеды, зачерпнул ими воду и бросился вдогонку. Надежда и Лена с хохотом попытались увернуться, но Женя, сам уже весь мокрый, окатил и девчонок тоже. Взъерошенные, весёлые и счастливые, они вернулись к костру – гречневая каша недовольно пыхла, подгорая, в котелке...

– Ну что ж, гости дорогие, прошу всех к столу! – сделала приглашающий жест Надежда. – Как говорится, чем богаты, тому и рады...

– Дай нам пять минут, пожалуйста... – попросила Лена. – Надо себя в порядок привести...

– Да без проблем! – махнула рукой Надежда. – Мне, кстати, тоже надо утеплиться...

– Без проблем – хорошее выражение... – заулыбалась Лена. – За тобой, Надь, хоть записывай...

Вскоре девчонки уже сидели на покрывале в тёплых кофтах, а Женя – в длинном вытянутом свитере, открывающем голые волосатые ноги. У костра на воткнутых в землю палках сушились его спортивные штаны, кеды и носки. Подруги захихикали, глядя на Женю, и тот погрозил им кулаком.

– Так чему мы сегодня рады? – спросил Женя и достал из своего необъятного рюкзака пятилитровую плетёную бутылку с вином, которую торжественно водрузил в центр импровизированного стола. – Вот, Надюха! Кусочек Крыма! «Белый мускат черного камня»! Или «Черный мускат белого камня»?.. Ну, неважно! Везли специально на твой день рождения!

– Ух ты – всплеснула руками Надежда. – Это нереально круто!

– Круто? – переспросила Лена. – Да ещё и нереально? Ещё одно новое выражение! Нереально круто...

Надежда, бросив быстрый взгляд на подругу, прикусила язык и постаралась поскорее поставить рядом с мускатом бутылку водки. Женя одобрительно хмыкнул. Лена засмеялась, полезла в свой рюкзак и выудила оттуда шампанское.

– А это для полного комплекта...

– Ха! – сказала Надежда. – Тогда ещё и вот!

Она ещё порылась в рюкзаке – и появилась ещё одна бутылка шампанского.

– Родители припасли... – с лёгкой грустью сказала Надежда. – Хотели со мной день рождения отметить, но... В общем, уже неважно.

– Так... – Женя довольно потёр руки. – В школу мы завтра точно не пойдём... Тогда начнём, как и положено, с шампанского!

Женя неумело открыл бутылку, попав пробкой прямо в котелок с кашей. Тёплое шампанское хлынуло на покрывало, и девушки со смехом подставили свои кружки.

«Вечер явно не обещает быть томным...», – подумала Надежда, не решившись произнести ещё одно новое для Лены выражение вслух, но это как раз и входило в её планы...

В лесу стемнело – только озеро сквозь опустившийся туман слегка отсвечивало состаренным серебром. У разорённого стола остались Надежда и Женя. Лена спала в палатке – оттуда виднелись её ноги.

Женя совершенно не вязал лыка – он еле удерживал в обеих руках по кружке. Пустая бутылка из-под муската валялась рядом. Надежда вылила Жене сразу в обе кружки остатки водки из бутылки. Сама она при этом была абсолютно трезвой.

– Женечка, и ещё по одной – за дружбу! – Надежда подтолкнула руку Жени, чтобы тот выпил. – Потому что нет ничего важнее дружбы... Разве что любовь. Хотя нет – это разные вещи... В общем, за дружбу, Жень! Давай-давай, до дна... С двух рук.

– Никольская... – пробормотал заплетающимся языком Женя. – Зачем ты меня хочешь напоить? Учти – я Ленку люблю... И никогда – слышишь, никогда... Ни в одном глазу... Я тебя, конечно, тоже люблю, но с тобой – только за дружбу. А вот с Ленкой... С Ленкой – за любовь....

Женя выпил водку из одной кружки, поморщился, икнул и запил водкой из второй. Надежда быстро налила в опустевшую тару шампанское – в бутылке ещё оставалось.

Женя очумелым взглядом уставился на Надежду. Та ободряюще ему кивнула:

– На посошок... Перед сном. По последней.

– Не-не-не... – протестующее замотал головой Женя. – Я не могу п-п-пить один... Это же твой д-д-день рождения...

Женя, покачиваясь, протянул Надежде одну из кружек. Девушка помедлила, затем взяла.

– Ты прав, – сказала она. – Мне тоже не помешает...

Молодые люди залпом выпили шампанское – и Женя тут же рухнул навзничь на одеяло, отключившись ещё «в полёте».

Надежда подползла к Жене, вытащила кружку у него из-под руки и принялась тормозить.

– Женя, ты спишь? – громким шёпотом спросила она. – Ты точно спишь? Крепко?

Женя спал не то что крепко – он, казалось, вообще умер: глаза закатились, голова безвольно повисла, тело стало тяжёлым.

– Ну ладно... – вздохнула Надежда. – Другого случая всё равно не будет... Прости, Женька. Вряд ли ты меня поймешь. Но по-другому я не могу...

Надежда поднесла руку с часами ближе к огню, посмотрела на время – было два часа ночи.

– Ещё рано... – прошептала она. – Усни покрепче, дружок. А я пока тут приберусь. Потом не до этого будет...

Надежда прикрыла Женю краем одеяла так, что его длинные худые конечности остались на траве, а сама стала наводить порядок у костра. Через какое-то время Женя заворочался, попытался повернуться на бок и поджать под себя ноги.

– Э, нет... – бросилась к нему Надежда. – Так не пойдет...

Она уселась на ноги парня и прижала их к земле – мертвецки пьяный Женя прекратил попытки изменить позу и захрапел. Девушка встала, немного послушала рулады, которые выдавал Женя, потом перетащила кучу сухого хвороста для костра поближе к его ногам. Осторожно осмотревшись, достала из рюкзака замотанный в газету топорик, развернула – остро наточенное лезвие блеснуло, отразив слабый свет почти погасшего костра.

Между тем, понемногу начинало светать, и Надежда тревожно посмотрела на палатку, где спала Лена, – та могла проснуться в самое неподходящее время. «Чуток и тревожен сон алкоголика», – любила пошутить Савельева, иногда перебрал лишнего, но обычно так и было: сначала она крепко засыпала, а через пару часов резко открывала глаза и потом колобродила до утра, не в силах уснуть. Сейчас этого допустить было нельзя – на кону стояло слишком много, чтобы из-за особенностей организма подруги сорвался тщательно подготовленный план.

Надежда достала из своего рюкзака походную аптечку, из Ленинского – одеколон «Гвоздика». Положила на одеяло рядом со спящим Женей широкий бинт и вату. Лезвие топорика она тщательно протёрла одеколоном, им же обильно полила левую стопу Жени. Подумала, что надо было для дезинфекции оставить водки – но тогда Женя мог и не дойти «до кондиции»...

Руки Надежды тряслись, тело била крупная дрожь. Она была на грани нервного срыва и из последних сил сдерживалась, чтобы в истерике не закричать и, бросив топорик, не убежать куда-нибудь в лес, в спасительную темноту, подальше от этого страшного места, где ей предстояло совершить поступок, несовместимый с самой её сущностью. Но в то же время она не могла по-другому – иного способа спасти жизнь Жени не было...

В палатке заворочалась Лена – Надежда в ужасе оглянулась и замерла, пряча за спиной топор. Лена что-то пьяно пробормотала и затихла. Надежда некоторое время прислушивалась – сердце трепыхалось, как испуганный хомяк в трёхлитровой банке. Больше всего на свете ей хотелось сейчас залезть в тёплую палатку Лене под бок и уснуть – а проснуться в своём

доме, рядом с любимым мужем Максимом, и чтобы всё это, включая ночную смс-ку, оказалось кошмарным сном...

Реальность же не оставляла времени на раздумья. Надежда повернулась к Жене, переложила топорик из правой руки в левую, перекрестилась. Её трясло так, что она с трудом держалась на ногах. Снова взяв топорик в правую руку, Надежда занесла его над ступнёй Жени и примерилась. В этот момент Женя пошевелил во сне пальцами, чихнул, почесал ногу и быстро свернулся калачиком, натягивая на себя одеяло.

Тихо чертыхаясь, Надежда развернула его обратно. Женя пьяно сопротивлялся, беспрестанно чихая.

– Да что же это... – судорожно выдохнула Надежда. – Ещё немного – и уже никто никуда не полетит...

Где-то в лесу чирикнула первая птица – и девушка вздрогнула. Скоро совсем рассветёт, и вся её решимость растает, как эта безумная ночь... При свете дня она никогда бы не решилась на задуманное.

Женя, наконец, утихомирился и задышал ровно. Надежда стояла над ним с дрожащими руками, вся покрытая холодным потом.

– Прости, Женя, – тихо сказала она. – Ты никогда меня не поймёшь... Зато останешься жив...

Надежда замахнулась топориком. Через мгновение над сонным озером разнёсся душевраздирающий крик Жени.

Солнце ещё не встало, но было уже светло. Надежда и Лена из последних сил тащили по тропинке палатку, на которой лежал стонущий и беспрестанно чихающий Женя. Его левая ступня была перевязана окровавленным бинтом.

– Ну, Никольская... – задыхаясь, проговорила Лена. – Моли бога, чтобы всё обошлось... У меня просто нет слов...

– Я сама не понимаю, как это получилось, Лен... – отозвалась Надежда. – Пьяная была... Ты помнишь, сколько мы выпили?.. Женька заснул... Босой, без штанов... А костёр стал гаснуть... Думаю – замёрзнет, на фиг. Простудится, воспаление лёгких получит... И кеды до утра не высохнут... А ты спишь в палатке без задних ног...

Лена бросила на Надежду многозначительный взгляд – та ступсывалась.

– Ой, извини... Про ноги... Не очень удачно... Вечно я со своим языком! В общем, решила веточек подрубить, для костра – пока совсем не погас... Чтобы Женька не замёрз. Беру топорик...

Лена, тяжело дыша, оглянулась на Женю, который лежал на палатке весь в испарине, с закрытыми глазами, и тихо стонал.

– Господи, Надь, – выдохнула она. – А топор-то у тебя откуда?

– Ну как в лесу без топора, Лен?.. Я всегда его с собой беру. Топорик... Темно было – костёр уже почти погас ведь. Нашла толстую ветку. Думаю – тюкну пару раз, и нормально... До утра дров хватит. Ну, и тюкнула... Не видела, что Женька ноги по всей поляне разбросал...

Лена не знала, смеяться ей или плакать.

– Надька, тебя саму надо тюкнуть! По голове! Топориком! Сходили в поход, называется... Отметили день рождения...

Женя продолжал чихать. Лена с тревогой постоянно оглядывалась на него.

– Ещё угораздило тебя «Гвоздикой» всё залить, – продолжала выговаривать Лена. – Ты знаешь, что у него аллергия на этот одеколон?

– Да откуда?! – воскликнула Надя. – Хорошо, что хоть какое-то средство дезинфекции было! Водку-то всю выпили! Сейчас бы только быстрее до дороги добраться и машину поймать...

Вдруг Женя перестал чихать и затих. Лена и Надежда резко остановились и посмотрели на парня – тот лежал без сознания, неловко закинув голову. Лицо у Жени странным образом распухло – он был не похож сам на себя. Бинт ещё больше пропитался кровью.

Подруги в страхе кинулись к раненому.

– Что с ним?! – в ужасе закричала Лена. – Он умирает?!

– Похоже на аллергический отёк... – встревожено сказала Надежда, повернув голову Жени так, чтобы ему было удобней и не западал язык. – Надо быстрее в больницу. Уже чёрт с ней, с ногой... Как бы не было отёка гортани или вообще анафилактического шока! Давай, Лен, погнажи – мы уже рядом с дорогой!

Надежда схватила край палатки и, задышавшись, одна, без Лены, потащила Женю по тропинке – впереди между деревьями виднелась трасса с редко проезжающими автомобилями.

– Женя, Женечка! – зарыдала Лена, на ходу склонившись над женихом и заглядывая ему в лицо. – Очнись! Не пугай меня!

– Лен, не мельтеши там! – прикрикнула на подругу Надежда. – Потасили!

Лена схватилась за другой край палатки – и дело пошло быстрее. Девушки поочередно оглядывались на Женю, голова которого безвольно болталась на кочках из стороны в сторону – он так и не пришёл в себя.

– Надька, не дай бог с ним что-нибудь случится – я тебе этого никогда не прощу! – зло бросила Лена. – И покрывать не стану!

– А и не надо, – ответила Надежда, вытирая пот со лба. – За свои поступки я привыкла отвечать сама.

– Когда только успела привыкнуть... – пробормотала Лена, но Надежда не обратила внимания на её слова – сейчас главным было как можно скорее доставить Женю в ближайшую больницу.

Надежда крепче ухватила за свой край палатки и потащила её с утроенной силой – Лена чуть не свалилась от неожиданности, но затем приноровилась к быстрому шагу подруги – и на дорогу они почти вбежали, совершенно выбившись из сил.

Женя застонал, но сильно отёкшие глаза, превратившиеся в щёлочки, так и не открыл – то ли не смог, то ли не пришёл в сознание. Как назло, в этот час на трассе не было ни одной машины. Надежда с Леной в отчаянии металась по проезжей части. Время уходило, Жене становилось всё хуже, и Надежда начала паниковать – ситуация выходила из-под контроля. К такому развитию событий она оказалась совершенно не готова...

Лена сидела на палатке возле Жени, гладила его по волосам, беспомощно оглядываясь на подругу, которая нарезала круги по пустынной дороге. Вдруг Женя начал хрипеть – Лена подняла его голову, положила себе на колени и закричала:

– Надька! Он задыхается! Сделай же что-нибудь!

На горизонте показался одинокий автомобиль. Надежда побежала ему навстречу, размахивая руками, с такой решимостью, что было понятно: если машина сейчас не остановится, она ляжет под колёса.

Это оказался тот самый оранжевый «Жигулёнок», который когда-то подвозила её в институт. Машина затормозила, и водитель с удивлением узнал симпатичную пассажирку, которая нелюбезно отшила его пару месяцев назад.

– Вот так встреча! – воскликнул мужичок, высунувшись в открытое окно. – Я всегда говорил, что шарик круглый! Что случилось, красавица?

Надежда не в силах была говорить. Она только кивнула туда, где над неподвижным Женей истерически махала руками Лена.

Водитель присвистнул, а к Надежде вернулся дар речи:

– Несчастный случай... Надо срочно в ближайшую больницу... Он может умереть...

– Ничего не понял, но быстро в машину! – сориентировался водитель. – И не паникуй ты так – больница тут рядом совсем!

Надежда запрыгнула в автомобиль. Водитель рванул с места и, подняв клубы пыли, резко затормозил рядом с лежащим на палатке Женей. Вместе с Надеждой они выскочили из машины. Водитель (Надежда вспомнила, что его звали Вова) взялся за палатку с одной стороны, девушки – с другой. Втроём затолкали бесчувственного парня на заднее сидение «Жигулёнка», Лена втиснулась рядом, положив голову Жени себе на колени, – больше всего она боялась, чтобы тот не задохнулся. Надежда села на переднее сидение рядом с водителем. Машина с рёвом помчалась по пустой дороге.

Вова напряженно рулил, следя за знаками, – боялся пропустить нужный поворот. Надежда, закусив губу, смотрела то на дорогу, то оглядывалась на Женю, который по-прежнему был без сознания. Лена, тихо поскуливая, гладила его по волосам.

– Женечка, миленький, потерпи... – шёпотом причитала Лена. – Сейчас уже приедем... Всё будет хорошо...

– Так что случилось-то? – спросил, наконец, водитель у Надежды, не отрываясь от дороги. – Что с парнем?

– Несчастный случай... – вполголоса ответила та. – И аллергическая реакция... Непонятно, что хуже...

– Ничего, девки, доведём! – водитель бросил на Женю взгляд через плечо. – Парень молодой, крепкий. Выдюжит! До свадьбы заживет!

Лена на заднем сидении взвыла, а Надежда отвернулась к окну, еле сдерживая слёзы, – нервы были на пределе, и она крепилась из последних сил, чтобы не разрыдаться в голос.

– Ну, сразу понятно, кто тут невеста... – хмыкнул Вова.

«Жигули» подъехали к зданию больницы, с визгом притормозив у крыльца. Было ранее утро, и во дворе никого не оказалось – ни пациентов, ни медиков. Водитель побежал за врачом. Надежда распахнула заднюю дверь автомобиля – Лена, вся заплаканная, с грязными разводами по лицу, с ужасом смотрела на отёкшее, изменившееся до неузнаваемости лицо Жени.

У Надежды сжалось сердце. Ей хотелось сказать подруге что-то ободряющее, но в такой ситуации все слова казались лишними и фальшивыми. Девушка вздохнула и погладила Лену по плечу. Лена прижалась щекой к её руке – и тут Надежду словно прорвало: она в голос зарыдала, не в силах больше сдерживать переполнявшие её эмоции – страх за Женю, сомнения в правильности содеянного, стыд и снова страх...

Из больницы выбежали водитель и симпатичный молодой врач в белом халате нараспашку, следом за ними – две пожилые медсестры с носилками. Врач кинулся к Жене, схватил его руку и принялся считать пульс.

– Носилки сюда, быстро, – бросил он женщинам и обратился к Лене. – Что с ним?

– Несчастный случай... – пробормотала Лена, помогая медсёстрам и водителю, вытаскивающим Женю из салона.

– Да я вижу, что случай явно не счастливый! – раздражённо перебил Лену доктор. – Конкретнее! Что с ногой? Что с лицом? Что пили? Духан от вас такой стоит...

– Пили всё – шампанское, вино, водку, – зачастила Надя. – На лице – отёк, аллергия на одеколон «Гвоздика», которым обрабатывали рану на ноге. А на ноге – травма, топориком. По пальцам. Не до конца... Кажется... Во всяком случае, пальцы рядом не валялись...

Доктор посмотрел на странную девушку, которая была явно не в себе, и покачал головой. Женю уже уложили на носилки – медсестры подхватили их и довольно резво побежали в отделение. Лена семенила рядом с носилками и держала Женю за руку. Молодой врач держал

Женю за другую руку и на бегу считал пульс. На крыльце он не очень вежливо отодвинул Лену в сторону:

– Спасибо, дальше мы сами!

Он захлопнул дверь прямо перед носом девушки. Та попыталась её открыть, но доктор высунул голову и рявкнул:

– Я сказал, отцепись! Мы в операционную!

– Нет! – пискнула Лена, норовя протиснуться мимо врача. – Я с вами! Я не помешаю...

– Будь здесь! – смягчился эскулап. – Всё будет нормально – я обещаю! Ты поняла?

– Поняла... – прошептала Лена, провожая тревожным взглядом Женю, уносимого по длинному коридору дородными женщинами в белых халатах.

– Вот и чудненько, – примирительно сказал доктор. – Ждите пока. Я милиции скажу, где вас искать. Думаю, с вами захотят побеседовать...

Лена растеряно оглянулась на Надежду, которая, немного успокоившись, устало присела на лавочку у входа в больницу. Водитель сел рядом и закурил. Его руки подрагивали.

В тягостном молчании прошло полчаса. Лена в волнении ходила взад-вперёд вдоль лавочки, то и дело поглядывая на дверь.

– Да сколько же можно, господи! – не выдержала она. – Ну не ногу же они ему там ампутруют, в самом-то деле!

Водитель бросил третью по счёту сигарету на землю, хотя рядом стояла урна, и Надежда брезгливо на него покосилась – терпеть не могла нарушителей чистоты и порядка.

– Типун тебе на язык! – недовольно буркнул водитель. – Лучше думайте, что ментам скажете...

– Тут и думать нечего – это просто несчастный случай! – сказала Лена, остановившись напротив Надежды, которая сидела, безвольно свесив руки между колен. – На его месте могла быть и я, если бы заснула не в палатке, а у костра...

– Ага, – противно ухмыльнулся Вова. – Как в кино: «Напьешься – будешь». Хотя вы, кажется, уже... того...

– Это вас не касается! – взвилась Надежда. – Между прочим, у меня вчера был день рождения, 18 лет. Имеем законное право!

– Ох, и язва ты на язык! – водитель поднялся с лавочки. – Второй раз уже поражаюсь. Кстати, на этот раз рублём не отделаешься. Трояк как минимум...

– Мародёр ты, Вова... – презрительно скривилась Надежда. – На чужом горе наживаешься...

– Не волнуйтесь, мы заплатим! – засутилась Лена. – Мы вам очень благодарны! Если бы не вы...

– Вот, учись у подруги! – назидательно сказал водитель, кивнув головой в сторону Лены. – При нормальном отношении и я нормально. Не надо мне никаких денег. Пошутил я...

Надежду охватило бешенство – какие могут быть шуточки в такой ситуации?! Она полезла в карман шорт, достала какую-то мелочь, пересчитала.

– Вот, всё, что есть, – протянула она деньги водителю. – 25... 27... 32 копейки. Остальное отдам в городе – можешь записать мой телефон.

Водитель пригладил лысину:

– Вот с этого и надо было начинать ещё в прошлый раз, красавица! Я же тебе предлагал! А она мне: «...Мы с вами на брудершафт не пили...». Ну, не пили, и чё? Сейчас тоже не пили. Ну, то есть, пили, но без меня... А всё равно на «ты». Причём – заметь – ты первая начала! Если дашь свой телефон, зачем мне тогда твои деньги? Встретимся, посидим в кафе, в кино сходим...

Надежда прищурила глаза и особенным «взрослым» взглядом посмотрела на плюгавого мужичка, который как-то сразу смутился и сник.

– Вот что, Вова... – тихо сказала она, наклонившись к уху водителя. – Тебе сколько лет? Ты на себя в зеркало давно смотрел? Левачишь – на здоровье, только не надо опешлять свой маленький бизнес. Примета плохая... Никакого телефона ты не получишь, и денег тоже. Будешь ментам потом сам объяснять, сколько и за что я тебе должна. Я всего полдня как совершеннолетняя...

Водитель отпрянул и со страхом уставился на девушку, которая при всей своей ангельской внешности говорила с ним сейчас, как заправский уркаган. «Может, у неё отец уголовник...», – мелькнула у водителя мысль. Не может же девчонка так нагло себя вести просто так!

– Езжай-ка ты лучше отсюда, пока не началось, – Надежда легонько толкнула водителя в плечо. – И кольцо обручальное снимай, когда к молодым девчонкам яйца подкатываешь...

«Точно, папашка уголовник!», – водитель невольно спрятал правую руку за спину. Потом плюнул от досады и с неприязнью посмотрел на Надежду.

– Второй раз ты меня обламываешь, красавица... – проговорил он, изо всех сил стараясь не потерять лицо. – Смотри, в третий раз лучше не попадайся... Совершеннолетняя... Слишком ты борзая для своих лет, девочка...

– Что-о? – сделала к нему шаг Надежда.

Водитель от неожиданности отпрыгнул в сторону:

– Ничего! Ехать мне надо, говорю! Женьке привет... С него пузырь... Если живой останется...

Водитель быстро сел в машину, дал по газам и через секунду скрылся за поворотом.

– Останется, не сомневайся, – проворчала Надежда, когда машина скрылась из глаз. – И, кстати, спасибо... Извини – не успела сказать.

– Зачем ты с ним так, Надь? – спросила удивлённо Лена, которая стала невольной свидетельницей этого странного разговора. – Что на тебя нашло?

– Таких му... в общем, чудачков, учить надо, – махнула рукой Надежда. – Слишком много о себе воображают.

– Нехорошо получилось, – вздохнула Лена. – Он всё-таки нам помог...

– У него просто шансов не было не помочь...

– Да, я видела. Думала, ты под машину бросишься...

– Так и бросилась бы. Он это понял.

– И всё-таки спасибо ему...

– Да я же не против! – воскликнула Надежда. – Просто нужно всегда оставаться человеком! А он как себя повёл? Причём не в первый раз! Мы с ним уже пересекались...

– Всё равно не знаю, что бы мы без него делали... – продолжала защищать водителя Лена, и Надежда примирительно подняла руки:

– Сдаюсь. В следующий раз дам ему не только свой телефон, но и домашний адрес – пусть приходит... Расплачусь натурой.

Лена не успела возмутиться – на крыльце показался усталый доктор в медицинской шапочке, сдвинутой на затылок. Марлевая повязка болталась на одном ухе. Он достал сигареты, закурил.

Надежда и Лена подбежали к крыльцу. По виду доктора было ничего не понятно, и Лена от волнения начала заикаться:

– К-как Женя?! Он... ж-жив?..

Доктор крепко затянулся, выпустил дым и лишь потом сказал:

– Жить будет... Но часть ступни пришлось ампутировать. Кто же из вас, милые, такого парня инвалидом сделал? Теперь всю жизнь хромать будет...

– Всю жизнь! – радостно воскликнула Надежда, но спохватилась под удивлённым взглядом Лены и повторила скорбно. – Всю жизнь....

– Ну, может, и не всю жизнь, но только три пальца на левой ноге у него точно не отрастут... – продолжил доктор. – Еще аллергическая реакция сильнейшая. Уже начинался отёк гортани. Задержись вы немного...

Доктор бросил окурочек в урну и продолжил:

– Он ещё поспит после наркоза, а вы тут подождите – сейчас милиция приедет, я вызвал. Так положено...

Лена зарыдала. Надежда обняла подругу.

– Спасибо, док, – сказала она. – Мы будем здесь, пока Женя не проснётся...

– Да мне-то что? – пожал плечами молодой врач. – Сидите, сколько хотите.

Врач скрылся за дверью, и Надежда проводила всхлипывающую Лену к лавочке. В глубине души она ликовала – её план удался! Теперь Женьку точно не заберут в армию, и он останется жив. А нога... Подумаешь – пальцы ампутировали. Так всего три пальца! Они, конечно, как верно заметил доктор, не отрастут, но через какое-то время Женька забудет, что с ним случилось в лесу. Целый и невредимый, а не лежащий на местном кладбище под бетонной плитой...

В больничном дворе показался милиционер – мужчина средних лет, с внушительным животом, красным потным лицом и потёртой дерматиновой папкой подмышкой. Было видно, как ему всё надоело, и больше всего в этот погожий субботний денёк он хотел бы оказаться на берегу речки с удочкой, а не брать показания с этих двух чумазных перепуганных девчонок, от которых за версту несёт спиртным...

– Это вы, гражданочки, раненого привезли? – строго спросил милиционер, присев на лавочку.

– Мы... – шмыгнула покрасневшим распухшим носом Лена.

Милиционер снял фуражку и положил её рядом с собой. Достал из кармана серых форменных брюк несвежий носовой платок, вытер потное лицо, вытащил из папки листок бумаги, ручку и, устроившись поудобнее, приготовился писать.

– Угораздило же вас в субботу... – проворчал страж порядка. – Ни одного нормального выходного ещё не было... Что за народ – как суббота, так обязательно членовредительство какое-нибудь. Будто сговорились... Давайте всё по порядку.

Последующие двадцать минут Лена и Надежда, отчаянно жестикулируя, эмоционально рассказывали милиционеру о случившемся. Тот морщился, кричал, вздыхал и старательно записывал за девушками, вытирая взмокший лоб.

– А номер машины вы, конечно же, вы не запомнили? – спросил милиционер устало, закончив писать.

– Нет! – хором ответили Надежда и Лена.

– Тогда распишитесь – здесь и здесь. Ваши адреса есть, если надо будет – вас вызовут... Гуляйте. Пока...

– Что значит «пока»? – возмутилась Лена. – Вы что, нам не верите?

– Да тухлая история какая-то, – вздохнул милиционер, поднимаясь с лавочки и надевая фуражку. – Неправдоподобная. Перепутать ногу с палкой... Долбануть топором...

– Говорю же – темно было! – Надежда тоже вскочила со скамейки. – Костёр погас! Женька мёрзнет! Ноги голые! Что мне оставалось делать?!

– Что делать? – пожал плечами милиционер. – Не знаю. Укрыть чем-нибудь...

– Да нечем его укрыть было! В том-то и дело! Единственные штаны – и те мокрые были! Сушились у костра! А костёр начал гаснуть! И погас бы!

– Ладно, разберёмся, – милиционер аккуратно сложил листы с показаниями в папку. – Я вот ещё с пострадавшим потолкую, когда оклемается...

– А он вам ничего нового не скажет, – буркнула Надежда, снова усаживаясь на лавочку рядом с Леной.

– Посмотрим... – многозначительно сказал милиционер, направляясь в сторону больничного крыльца.

Интуиция подсказывала ему, что дело тут нечистое, но она же подсказывала и другое: что-либо доказать будет трудно. Старший лейтенант Бричкин уже двадцать лет боролся с преступностью у себя в районе и очень хорошо уяснил одно: лишняя головная боль с плохими показателями раскрываемости никому не нужна – ни ему, ни начальству. Свой долг он частично выполнил – показания с не совсем ещё трезвых подружек взял; очнётся от наркоза их дружок – опросит и его. И если заявления от парня не поступит, то и дела никакого не будет. И тогда, может быть, он ещё и на рыбалку сегодня успеет...

В пустой шестиместной палате в углу на кровати лежал Женя с перевязанной ногой поверх одеяла и по-прежнему сильно отёкшим лицом. Рядом на стуле сидел милиционер; его многострадальная фуражка валялась на соседней койке.

Милиционер обмахивался чистым листом бумаги – августовское солнце шпарило прямо в окна, и в палате было душно.

– И всё равно, мне непонятно: как можно было так промахнуться, – пыхтел милиционер. – Она что, дура – ваша Надя?

– Почему сразу дура? – обиделся за подругу Женя. – Просто бестолковая. Она же без злого умысла....

– А ты уверен, что умысла не было? Может, ты ей где-то дорогу перешёл? Может, она тебе мстит за что-то?.. А? Не думал?

– Да почему я должен так думать! – возмутился Женя. – Я Надьку с детского сада знаю! Это просто нелепое стечение обстоятельств! С таким же успехом я мог с дерева упасть, или на корягу напороться, или вообще в речке утонуть. Когда люди на природе отдыхают, иногда и не такое случается!

– Это правда... – вынужден был согласиться милиционер. – Сплошное членовредительство. И всё-таки... Хочу ещё раз услышать... То есть ты претензий к гражданке... Э-э-э... Никольской... не имеешь?

– Не имею! – отрезал Женя. – Хватит искать то, чего не было, нет и быть не могло! Мы – лучшие друзья! С детства! И всё – не хочу больше об этом говорить. Я устал... У меня, между прочим, операция недавно была. Я ещё от наркоза не отошёл...

Женя демонстративно отвернулся к окну, а милиционер, вздохнув, положил листок бумаги, которым до этого обмахивался, на папку и принялся что-то записывать. Закончив, встал, взял фуражку и с сочувствием посмотрел на Женю.

– Без ноги остался, а всё туда же... Покрываешь... На, распишись, что с твоих слов записано верно...

Женя, сморщившись от боли, приподнялся на подушке и расписался на протянутом ему листе, затем снова отвернулся.

Милиционер убрал листок в папку, внимательно посмотрел на Женю.

– Ладно, – сказал он. – Лечись давай. И... Знаешь, что? Молодец ты, парень... Молодец.

Женя лежал с закрытыми глазами и прислушивался к своим ощущениям – наркоз понемногу отходил, и стопу сковывала боль. Почему-то особенно ныли кончики пальцев на раненой ноге – а ведь их, как уже знал Женя, ампутировали. Чему же там болеть? Он пока не думал о случившемся – всё было словно в тумане. Впрочем, как и перспективы...

Из коридора послышался быстрый топот ног – Женя открыл глаза и повернулся к двери, уже зная, кого там увидит. В палату буквально ворвались Лена и Надя. Они бросились к Жене – Лена сразу принялась плакать, покрывая лицо любимого поцелуями, а Надежда встала у кровати и неловко молчала, не зная, куда прятать глаза.

– Ну что, Никольская, добилась своего? – попытался разрядить обстановку Женя, неловко обнимая Лену. – Теперь я точно не пойду в армию...

Надежда, которая всё это время находилась в страшном напряжении, потеряла самообладание и, зарывав, выбежала из палаты. Но это были не только слёзы раскаяния за то, что она сделала. Это были ещё и слёзы радости – теперь с Женькой точно ничего случится. Да, она потеряла своих детей, оказавшись в собственном прошлом, но зато спасла жизнь возлюбленному своей лучшей подруги. И теперь Лена Савельева будет совершенно счастлива, совершенно!

Стоя у распахнутого окна в больничном коридоре, Надежда плакала, по-детски вытирая слёзы кулаками. Лена, которая выскочила из палаты следом за подругой, увидела её, тихо подошла сзади и обняла. Надежда уткнулась Лене в плечо мокрым от слёз лицом.

– Спасибо, Надюшка... – вдруг прошептала Лена. – Я ведь тоже не хотела, чтобы Женька шёл в армию – мне сны плохие снились... Но сама бы никогда не решилась... Спасибо...

Надежда отстранилась, удивлённо посмотрела на Лену и хотела что-то сказать, но Лена покачала головой и закрыла рот подруги ладонью – она не хотела больше ничего слышать.

...В понедельник в скромном кабинете начальника РОВД под портретом Ю.В. Андропова старший лейтенант Бричкин докладывал о случившемся полному одутловатому мужчине в майорских погонах и с внушительной лысиной на шишковатом черепе.

– Вот, товарищ майор... – милиционер выложил на стол протоколы. – У потерпевшего претензий нет, участники и свидетели происшествия опрошены... Несчастный случай.

– То есть оснований для возбуждения уголовного дела нет? – уточнил товарищ майор, просматривая исписанные убористым почерком листы бумаги.

– Категорически нет! Порезвилась молодёжь – с кем ни бывает...

– Парень инвалидом остался – и никаких претензий? – не поверил хозяин кабинета, подозрительно глядя на своего подчинённого.

– Так точно, никаких! – милиционер кивнул на протоколы. – Там всё зафиксировано.

– Ну и нам лишней геморрой тоже не нужен... – резюмировал начальник РОВД, убирая листы в сейф. – Свободен!

Старший лейтенант Бричкин покинул кабинет начальника в приподнятом расположении духа – и показатели не пострадали, и работы не прибавилось. К тому же, дома в огороде его ждали лопата и старая жестяная банка из-под бычков в томате – милиционер собирался накопать в обед червей и после работы успеть на вечерний клёв, пока позволяла погода...

Заведующая почтой нервно стучала карандашом по столу. Перед ней стояла, скромно потупив глаза, Надежда. На столе лежало её заявление об уходе по собственному желанию.

– Ты хорошо подумала? – спросила заведующая. – Всё-таки здесь стабильность какая-то... Полдня свободных. Зачем что-то менять? Ты ведь можешь совмещать...

– Я поняла – это не моё! – искренне ответила Надежда. – Я попусту теряю время. Мне нужно заниматься совсем другими делами...

– Да какими другими делами? – раздражённо бросила заведующая, которую замучила текучка кадров на почте. – Что ты умеешь-то?

– Я многое умею. Просто растерялась сначала... Но сейчас уже всё в порядке.

Заведующая обречённо махнула рукой и подписала заявление об уходе.

– Не пойму, о чём ты, Надежда, толкуешь... Но если захочешь вернуться, я тебя всегда с радостью возьму обратно... По крайней мере, тебя хоть учить не надо будет. И участок ты знаешь...

– Спасибо, но я не вернусь, – твёрдо сказала Надежда. – Я и так здесь задержалась...

Уже на следующий день она стояла в кабинете редактора воронежской газеты «Путь Октября». За заваленным бумагами и газетами столом в кресле вальяжно восседал холёный молодящийся мужчина лет сорока пяти. Он оценивающе смотрел на Надежду: девушка была очень красивой, с умными живыми глазами. Редактор уже знал, что возьмёт её на работу в любом случае, – такими кадрами не разбрасываются, а научить писать можно даже обезьяну – но решил соискательницу немного «помуржить», чтобы знала своё место и своего благодетеля.

– Значит, хотите у нас работать... – протянул редактор. – Даже не знаю... Образования нет, опыта работы тоже...

– А вы дайте мне задание, – спокойно сказала Надежда. – А потом принимайте решение...

– Разумно, – быстро сменил тон редактор газеты. – Вот что. Давай я к тебе на «ты» буду обращаться, хорошо? Слишком ты ещё молодая – «выкать» тебе, ей богу. Язык не поворачивается. Да и не принято у нас, журналистов, на «вы» друг к другу обращаться.

– Я в курсе, – улыбнулась Надежда.

– Вот как? – удивился редактор. – Тем лучше. Так какая тема тебе более близка? Или просто хотя бы интересна?

– Любая, – пожала плечами Надежда.

– Довольно самоуверенно... – хмыкнул редактор. – Сколько тебе лет, деточка?

– Восемнадцать. Но это ни о чём не говорит. Вам ведь важен результат?

Редактор встал с кресла, прошёлся по кабинету, потом остановился возле Надежды.

– Заинтриговала... Ну что же, давай попробуем. Сбавай что-нибудь на вольную тему. Причём быстро, сама понимаешь. Хочу твой стиль посмотреть. Сколько тебе времени требуется?

– Завтра принесу.

– Это не школьное сочинение... – засомневался редактор.

– Значит, до завтра... Всего доброго.

Надежда скрылась за дверью. Редактор озадаченно посмотрел девушке вслед, вернулся в своё кресло, достал из ящика стола зеркальце с расчёской и стал причёсываться, любовно выкладывая волосок к волоску на лысоватом темечке. Заметив какое-то пятнышко на щеке, кинулся к окну и принялся внимательно разглядывать дефект на свету. Чрезвычайно огорчённый, он швырнул зеркальце на подоконник и вышел из кабинета, прикрыв ладонью воспаление. День сегодня явно не задался...

Осень наступила неожиданно – казалось, только вчера она тронула золотом верхушки берёз – и вот уже деревья и кустарники пылают всеми оттенками жёлтого и багрового. Надежда обожала эту пору и в другое время обязательно замедлила бы шаг, чтобы пошуршать опавшей листвой, но сегодня ей было не до красот природы: она спешила в редакцию со своим новым материалом, которому предстояло стать очередной «бомбой». Три предыдущих «взорвались» так же, вызвав смутение в коллективе редакции и живой интерес у читателей газеты «Путь Октября». Никто не понимал, как восемнадцатилетняя «свиристёлка» (как называли Надежду более зрелые и маститые журналисты) могла писать такие серьёзные и глубокие тексты, а редактор горделиво потирал руки и самодовольно повторял: «Это я её нашёл! Я!»

Надежда быстро шла по тротуару, привлекая, как обычно, всеобщее внимание. Одетая она была по моде «нулевых» 21 века, поэтому заметно выделялась на фоне одинаково и уныло одетых девушек и женщин: на ней была узкая черная юбка, серый жакет с укороченными рукавами, длинные чёрные атласные перчатки (кожаных не нашлось) и мамины чёрные туфли на высоких каблуках, которые окончательно перекочевали в её гардероб. На шею Надежда

замысловато повязала красный шарфик (в «прошлой жизни» она ловко научилась закручивать платки и шарфы разными способами), в руках – красная папка. Выглядела Надежда стильно и явно «не по-советски».

Навстречу медленно шли Лена и хромающий Женя с палочкой. Лена бережно поддерживала Женю под локоть. Надежда, увидев друзей, радостно бросилась к ним. Они не встречались больше месяца – с тех пор, как её приняли на работу в редакцию. Лена несколько раз звонила, но Надежда, увлечённая новой работой, была постоянно занята – то брала интервью, то писала очередную статью (сначала от руки, потом двумя пальцами, ломая ногти, перепечатывала текст на пишущей машинке), то сидела в библиотеке, если не хватало информации (до появления интернета было ещё далеко)...

Друзья остановились на перекрестке. Лена с Женей восхищённо разглядывали школьную подругу.

– Надька, какая же ты!.. – воскликнула Лена. – Как с заграничного журнала! Я тебя даже и не узнала сразу! Откуда это у тебя?

– Да пришлось в ателье заказать! – беспечно махнула рукой Надежда. – Мама на радостях, что на нормальную работу устроилась, денег подкинула. С гонорара отдам. А то в магазинах всё страшное какое-то...

Лена печально улыбнулась.

– Ага. На меня посмотри – это как раз всё из магазина. Да ещё попробуй, купи. Может, и правда – самой шить? У меня ведь неплохо получалось...

Женя обнял Лену и прижал к себе:

– Ты у меня и так красивая...

– Ну да, как же... – стусевалась Лена и смущённо добавила, обращаясь к Надежде. – А Женьке пришлось со стройки уйти... Из-за травмы. Другого ничего ещё не нашёл... Да и трудно это сейчас будет...

Надежде стало нестерпимо стыдно – она так увлеклась своей новой жизнью, любимой работой (журналистика всегда была её призванием), что за этот месяц ни разу даже не поинтересовалась, как чувствует себя Женя, как у него дела. Сделав всё, что было в её силах, поняв, что в армию друга уже не заберут, и теперь он точно останется жив, Надежда внутренне успокоилась и словно сбросила с себя тяжкий груз. Вот только сбросила она его, оказывается, на плечи лучшей подруги...

Лена по выражению лица поняла, что чувствует сейчас Надежда, и поспешила её успокоить:

– Нет-нет-нет, всё нормально! Ты тут не при чём! Что случилось, то случилось... Я на заочное перевелась, работаю в школе лаборантом в кабинете физики. Помнишь, ты говорила, что к сентябрю место должно освободиться? Вот, мне повезло – освободилось... Живём у моих родителей, они помогают. Женька в институт готовится... В следующем году будет поступать в МАИ. Правда, теперь никаких льгот не будет... Ну, ничего, как-нибудь... Он умный. А ты, я слышала, делаешь успехи в газете?

– Да как успехи... Пишу помаленьку – редактор вроде доволен.

– Ты у нас всегда «писучая» была, – улыбнулась Лена. – Так что всё закономерно... А я вот максимум, что могу, – это чужие ошибки исправлять. Самой что-то наваять у меня никогда не получалось...

– Поверь, с чужими ошибками ты будешь справляться лучше всех! – горячо воскликнула Надежда. – У тебя просто талант корректора и литературного редактора! Ты чувствуешь язык, речь как никто другой!

– Правда? – недоверчиво протянула Лена. – Ты думаешь? Только для этого надо ещё институт окончить...

Надежда бросила взгляд на наручные часики – время неумолимо приближалось к двенадцати, а текст нужно было ещё перепечатать, прежде чем отдать редактору. Дома печатной машинки у Никольских не было, приходилось делать это в редакции...

Лена заметила, что подруга смотрит на часы, и заторопилась:

– Ладно, Надь, ты беги, беги... Вижу, что спешишь. А мы к врачу... Тут рядом...

– У нас в редакции говорят: «Журналиста, как волка, ноги кормят»... – смущённо говорила Надежда. – Вот и бегаю, как савраска. Увидимся, ребята! Испытательный срок закончится, я обнаглею – и сразу больше времени появится. А пока не забалуешь...

Надежда расцеловала друзей, помахала им папкой и быстро зашагала по тротуару. Лена и Женя некоторое время смотрели ей вслед, потом медленно пошли в противоположном направлении. Если бы стороннему наблюдателю удалось в эту минуту воспарить над перекрёстком, он бы увидел, что дороги Надежды и её самых близких друзей расходятся в разные стороны...

В своём кабинете редактор газеты «Путь Октября», расчистив кусочек свободного пространства на заваленном всяким хламом столе, с красным карандашом в руках читал листы со свежееотпечатанным текстом. Надежда примостилась на краешке стула рядом.

По мере чтения лицо у редактора просветлялось; он то и дело бросал на Надежду озадаченные взгляды. Дочитав, редактор отложил листы в сторону, пристально посмотрел на девушку. Та сделала «бровки домиком», старательно изображая почтение и готовность выслушать любую критику.

Редактор побарабанил пальцами по столу.

– М-да... Забавно. Это ты тоже сама писала?

Надежда закатила глаза, давая понять, как абсурден подобный вопрос.

– Тогда это какой-то феномен... – заволновался редактор. – Вот уже четвёртый материал – и каждый раз ты меня ставишь в тупик. Тебе ведь 18 лет, правильно? А такое впечатление, что пишет зрелый журналист с огромным опытом работы, ну, и просто с опытом... С жизненным, так сказать, багажом... У меня прямо раздвоение в мозгу начинается! Читаю – вижу за текстом автора: взрослую тётку, как минимум, свою ровесницу, умную, хорошо образованную, грамотную, хваткую и, безусловно, талантливую. Открываю глаза – вижу тебя... И что я, по-твоему, должен делать?..

– Для начала покончить с испытательным сроком и взять меня на работу... – скромно потупила глазки Надежда. – Пока я не ушла в другую газету...

– Это шантаж! – возмутился редактор. – Иди и прямо сейчас оформляйся!

Надежда перестала дурачиться – с серьёзным видом кивнула головой и вышла из кабинета. Редактор любовно взял в руки листы и с блаженной улыбкой прижал их к груди.

– А это пойдёт у нас на первую полосу...

Он ещё раз пробежал глазами статью, удовлетворённо хмыкнул. Достал из укромного места зеркальце и принялся внимательно себя рассматривать. Увидев что-то в носу, редактор сорвался с места и быстро подошёл к окну. Задрав голову и скосив глаза, пытался рассмотреть свой нос. Обнаружив то, что искал, редактор достал из нагрудного кармана пиджака маленькие щипчики и ловко выдернул не к месту выросший волосок. Тут же сморщился, чихнул, снова посмотрел в зеркальце и расплылся в довольной улыбке. Теперь всё было безупречно – почти так же, как написанная новенькой журналисткой статья...

Новый 1984 год Надежда встречала дома, с родителями и их гостями. Лена с Женей ушли к кому-то из родственников – договорились встретиться вечером 1 января. Улучив момент,

нарядная «новогодняя» Надежда с мишурой в волосах сбежала из-за стола и скрылась в своей комнате. Подойдя к настенному календарю, она сорвала его последнюю страничку – 31 декабря 1983 года.

Из-за закрытой двери доносились звуки застолья, крики «С Новым годом!», звон бокалов. Надежда с грустью посмотрела на листок календаря.

Вот и закончился этот странный, безумный, удивительный первый год её новой старой жизни. Она так и не поняла, почему это случилось именно с ней; не смирилась с потерей детей. Невыносимо трудно было себя контролировать всё это время, ведь каждое неосторожное слово вызывало, в лучшем случае, недоумение близких, знакомых и незнакомых людей, а в худшем – желание упечь её в психушку. Но было и то, что постепенно примиряло Надежду со случившимся, – остался жив Женя; была (была, была!) надежда встретить Максима и начать всё «с чистого листа».

А ещё буквально за несколько месяцев она стала местной знаменитостью, звездой воронежской журналистики. Каждая её новая статья в затрапезной некогда газетёнке «Знамя Октября» вызывала фурор у читателей – однажды пришлось даже печатать дополнительный тираж, а подписка на 1984 год увеличилась в три раза. Надежда ничего особенного для этого не делала – ну, может быть, её материалы оказались написаны чуть более смело, чем было принято в то время. Правда, и темы она затрагивала нетривиальные – никто до неё не писал о таких вещах, как наркомания среди молодёжи, детская преступность, насилие в семье. Предполагалось, что ничего подобного в Советском Союзе нет, но когда Надежда, всю используя своё обаяние молодости, обращалась за информацией в управление внутренних дел, ей охотно шли навстречу, допуская к архивам. И статьи получались не обидные для строя – проблема вроде бы и освещалась, но виноватыми в ней, по мнению автора Надежды Никольской, оказывались проклятые империалисты, поэтому партийная номенклатура принимала материалы снисходительно и карой редактору «за смелость» не грозила...

Дальше – больше. Мало кому удавалось делать такие искренние и откровенные интервью с известными людьми. Впервые читатели узнавали не о надоях молока в колхозах Воронежской области и достижениях передовиков производства, а о том, что у некоего орденоносца «случилось» параллельно две жены, а героиню социалистического труда бросил муж с тремя детьми на руках, и она устроила в своей квартире, полученной от государства, настоящий бордель, где всем заправляла её старшая дочь, беря пример с загнивающего Запада... Героями публикаций становились не картонные персонажи с агитационных плакатов, а живые люди – со своими страстями, мыслями, чувствами, переживаниями и тайнами...

Статьями Надежды зачитывались, их передавали из рук в руки и ждали свежий номер газеты «Путь Октября», выстраиваясь в день выхода в длинные очереди у киосков. Когда стало известно, что журналистке Надежде Никольской всего 18 лет, ажиотаж только усилился. Никто не мог понять, как ей это удаётся, а сама Надежда своих секретов не выдавала. Ну не будет же она, в самом деле, рассказывать, что давно съела на этом собаку, отработав в прессе более 25 лет; что прошла отличную школу создания с нуля и раскрутки своей собственной «Городской газеты» и хорошо знает, какую «кость» нужно бросить читателям, чтобы те её «проглотили». За плечами – выживание в условиях дикой конкуренции на рынке печатных средств массовой информации, борьба за читателя, который становился всё более искушенным. А в последние годы за внимание «целевой аудитории» приходилось сражаться с интернетом, и удерживать своих подписчиков становилось всё труднее...

Всё это будет гораздо позже, а сейчас Надежда наслаждалась своей работой на не паханом ещё поле воронежских «масс-медиа», играючи «удельывала» опытных журналистов (ещё бы – ведь опыта у неё было, может, и поболее!), купалась в восхищении – иногда, впрочем, не совсем искреннем – коллег, но при этом ни на секунду не забывала о своей великой цели: ради чего это всё...

Смяв в кулаке листок календаря с такой силой, что ногти вонзились в ладони, Надежда прошептала:

– Максим... Ты подлец... Всё было ради тебя – а теперь что?..

Тоска по мужу с каждым месяцем становилась всё сильнее. Ей физически не хватало тепла его тела, сильных рук, жадных губ. Ночами она иногда стонала от непереносимого желания, металась в кровати – чтобы ненадолго заснуть и хотя бы во сне испытать то, чего не было и не могло быть в реальной жизни. После таких безумных ночей она могла какое-то время жить и работать почти спокойно, стараясь загрузить себя по максимуму, чтобы убежать от несвоевременных и неуместных мыслей.

– Надюшка! – раздался из комнаты весёлый голос мамы. – Где ты там! Иди помоги – сейчас горячее будет!

Надежда смахнула слезинки с глаз – вот и ещё один положительный аспект ситуации: молодые, полные сил родители. Они давно помирились, и сейчас Николай Васильевич и Вера Ивановна чрезвычайно гордились неожиданными достижениями дочери на журналистском поприще. Их Наденька прославила фамилию Никольских на весь Воронеж – теперь и они стали почти такими же знаменитыми. Кроме того, существенно пополнился семейный бюджет – Надежда получала хорошие гонорары, а к ним ещё и премии. Родители не могли нарадоваться на дочь, а Вера Ивановна даже смирилась с тем, что у их Надюшки пока нет высшего образования. «Будет, непременно будет! – говорила она мужу. – Какие её годы! Заочно выучится...»

Дни бежали, как в ускоренном кино. Надежда видела себя словно со стороны: вот она с блокнотом в руках на различных мероприятиях – при разрезании всевозможных ленточек (на открытии детского сада, Дома культуры, нового памятника); вот берёт интервью у каких-то важных персон; вот ходит с директором совхоза по картофельному полю; держит на руках крошечного поросёнка на ферме; едет с милиционерами в раздолбанном УАЗике «на задание»; сидит, укладкой зевая, на каком-то совещании...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.